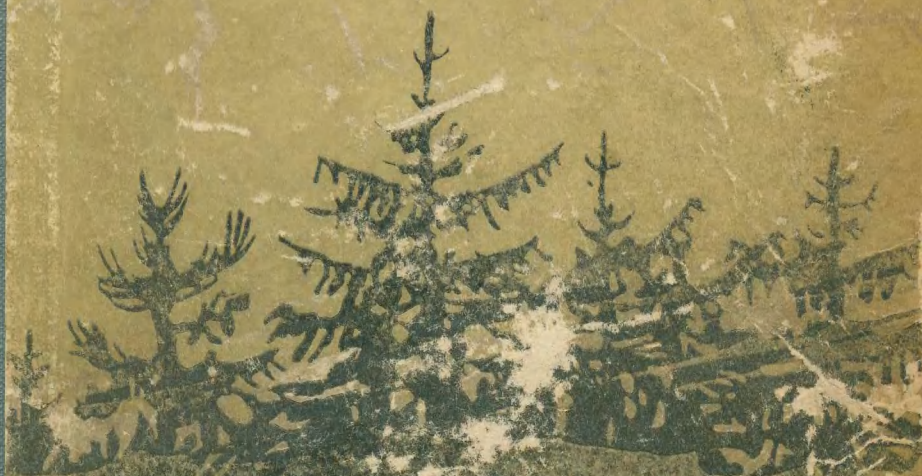

Ф. КАБАРИН

СВЯНЦЕ
БАЗАЛЬТОВЫХ ГОР

ШКОЛА СОВЕТКЭ

Китейнес 1956

Ф К А Б А Р И Н

СИЯНИЕ БАЗАЛЬТОВЫХ ГОР

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

*Государственное учебно-педагогическое издательство
Молдавской ССР
„Шкоала Советикэ“
Кишинев * 1956*

Рисунки
И. Богдеско

***ДИПЛОМНЫЙ
ПРОЕКТ***

ГЛАВА I

В КАБИНЕТЕ ПРОФЕССОРА

Вечерний сумрак незаметно заполнял кабинет. На розоватом фоне стены стали едва различимыми рельефные краски географической карты. Тускнели рисунки ковра, занимавшего почти весь пол кабинета. Теряли свой блеск золочёные рамы портретов Ломоносова, Менделеева, Леонардо да Винчи.

В овальном выступе кабинета, за массивным дубовым столом сидел в раздумье широкоплечий старик. Его чуть тронутая сединой густая чёрная борода закрывала почти всю грудь. Сросшиеся над переносицей брови, пышная шевелюра волнистых, серебрившихся на висках волос и большие квадратные очки, оседлавшие крупный прямой нос, как и вся мощная фигура, делали его похожим на сказочного богатыря Илью Муромца.

Когда в голове рождалась новая мысль, Пётр Кузьмич Кремлёв любил уединиться, чтобы всё обдумать в деталях, проверить по научным авторитетам правильность своих выводов. Чем ближе к цели он был, тем придирчивее проверял себя, стараясь найти подтверждение своим доводам, всё взвесить.

Сейчас Пётр Кузьмич теоретически проверял физические свойства открытого им нового вида топлива.

Большая объёмность нового топлива делала его пока менее эффективным не только по сравнению с высокооктановыми бензинами, но и не очень экономичным даже по сравнению с тяжёлым дизельным топливом. Нужен был ряд химических процессов, физических изменений, которые позволили бы уплотнить новое топливо, сделать его менее объёмным — выгодным для широкого применения в народном хозяйстве.

«Если удастся, — думал он, — сократить объём топлива вдвое, оно превзойдёт лучшие сорта бензина. А если превратить его в сжиженное состояние, уплотнить, скажем, объём кубического метра до одного литра?..»

Пётр Кузьмич мечтательно закрыл глаза. Он ясно представил себе, какие изменения внесёт новое топливо в эксплуатацию всех видов транспорта. Так, чтобы пройти тысячу километров трёхтонному автомобилю не нужно будет свыше трёхсот литров бензина. Одного баллона сжиженного газа с избытком хватит на всё это расстояние. Освободятся горы тары: цистерн, стационарных резервуаров, бочек, используемых сейчас для перевозок и хранения горючего.

Скорее почувствовав, чем заметив сгушавшиеся тени сумерек, Пётр Кузьмич не спеша поднял голову, взглянул на висевший под потолком матовый плафон люстры. Потом так же неторопливо повернулся на винтовом кресле к мраморному столику и передвинул зелёный ромбик на деление «включено». Где-то в стене послышалось глухое гудение. Внутренняя рама большого окна, застеклённая гофрированным сталинитом,

неслышно раздвинулась посредине и скрылась за обшивкой стен.

В кабинете стало немного светлее. Пётр Кузьмич устало поднялся, вышел на балкон.

Любуясь ажурными шпилями краеведческого музея, пышным великолепием пирамидальных тополей, окаймляющих площадь, он вспоминал подробности сегодняшнего заседания Учёного совета ЦАВИ. После жаркого спора к нему подошёл академик и, положив руку на плечо, дружески сказал: «Ты прав, Кузьмич. В этой взаимной помощи, в поддержке коллектива — сила наша и успех настоящей науки. Тебе удалось проникнуть в тайны получения газообразного горючего, открыть подступы к увеличению его плотности. А Аркадию Николаевичу именно это и не удаётся, но зато он решил проблему замедленного горения детонирующих газов, что для твоего коллектива остаётся пока областью эксперимента. Оба вы решили большие, но частные проблемы. Вот и нужно объединить две лаборатории, поручить их одному научному руководителю, тебе, Пётр Кузьмич...»

Теперь, прохаживаясь по балкону, профессор Кремлёв сравнивал различные точки зрения по вопросу такого объединения.

Прав, глубоко прав академик. Работу обеих лабораторий надо направить к одной цели... Какие тогда откроются перспективы!..

«Завтра же нужно пойти к Аркадию Николаевичу и привести его в нашу лабораторию, — решил Пётр Кузьмич. — Посмотрел его «секреты», теперь надо показать свои и вместе подумать о системе двигателя для нового топлива».

С реки тянул лёгкий, освежающий ветерок. На тополях, стоящих вровень с четвёртым этажом, робко шелестела листва. С городской башни донёсся бой часов. Пётр Кузьмич торопливым шагом возвратился в кабинет, сел в кресло и опять надолго задумался.

Мысли профессора прервал стук в дверь. На пороге стояла секретарь-машинистка.

— Пётр Кузьмич! — сказала она тихо, — к вам пришёл студент моторостроительного факультета Антон Споряну.

— Просите!

Смелой, уверенной походкой, ловко придерживая подмышкой свёрнутый в трубку лист ватмана, в кабинет вошёл Споряну. Извинился за столь поздний визит, сел.

Уже во внешности Споряну было много привлекательного: и непокорный вихор, упрямо спадавший на лоб, несмотря на все старания его владельца, и открытый взгляд чёрных глаз, настолько чёрных, что трудно было различить зрачки, и аккуратно выглаженный костюм, облегавший стройную фигуру. Профессор с интересом разглядывал юношу.

— Я за советом, Пётр Кузьмич, по моему дипломному проекту. Дело в том, что...

— Покажите чертёж! — перебил его профессор, — указывая взглядом на зелёное сукно длинного стола, окружённого полукреслами с высокими спинками.

Споряну развернул чертёж, придерживая его углы руками. Пётр Кузьмич внимательно посмотрел на сложное переплетение чёрных линий и сказал, не подымая головы:

— Ну-с, рассказывайте!..

Споряну водил пальцем по чертежу, подробно объясняя, как он представляет себе рабочий объём камеры сгорания, принцип подачи горючего, силу давления газов. Затем изложил свои расчёты прочности металла, сроки его износа при высоких температурах.

Профессор слушал молча, но по тому, как он не отрывал взгляда от чертежа и не перебивал Споряну, было совершенно очевидно, что проект пришёлся ему по душе, что идея нового двигателя ему показалась

заманчивой. Петра Кузьмича привлекла не только дерзость мысли ученика, но и возможность практического её осуществления.

— Идея интересная, — сказал он. — Но не слишком ли рано вы начинаете увлекаться изобретательством в области теории высотных полётов? Не лучше ли выбрать что-то более земное?..

— Не думаю, профессор. Уж очень увлекла меня тема. Перейти к другой вряд ли смогу.

Профессор не ответил. Он продолжал рассматривать чертежи, далеко ещё не совершенные, думая: «Что пробудило у студента такую умную мысль? Какие литературные источники расшевелили эту смелую фантазию, не лишённую большого практического смысла?» Пристально посмотрев на Споряну, Пётр Кузьмич спросил:

— Давно возникла у вас эта идея?

— Года два назад...

— Любопытно... Что же именно натолкнуло вас на такую мысль?

— Я задумался над тем, можно ли что-нибудь добавить к тому, что нам уже известно. Перечитал немало литературы и пришёл к твёрдому убеждению, что можно. Во-первых, увеличив отталкивающую силу выходных газов, можно добиться новых скоростей, возможно, даже превышающих скорости полёта снаряда. А это откроет перспективы завоевания новых потолков, новых дальностей полёта.

— Как же вы представляете себе это практически?

Споряну смутился, помолчал некоторое время и сказал не совсем уверенно:

— Вот если бы реактивные смеси превратить в меньшее по объёму вещество, сохранив в одном его литре энергию, допустим, равную энергии десяти-двадцати литров существующей реактивной смеси.

Профессор был удивлён тем, что студент пытается приоткрыть занавес над проблемой, занимающей его собственный ум на протяжении долгих лет. Он решил поддержать смелое начинание:

— Правильно! Насчёт проекта скажу: идея сме-

лая, я бы даже сказал, очень смелая. Нравится она мне... Очень нравится... приходите почаще, всё обдумаем, посоветуемся. Пока работайте над автоматическим регулированием подачи горючего... У вас тут есть неточности. А в будущий вторник — жду.

— Спасибо, Пётр Кузьмич!

Споряну свернул чертёж, встал. Слова профессора вызвали в нём такой прилив энергии, что он готов был с утра до вечера сидеть над проектом.

Пётр Кузьмич проводил Споряну до двери. Это было знаком его особого расположения.

Прикрыв за Споряну дверь, профессор не спеша обвёл взглядом висящие на стене портреты великих учёных, как бы выбирая, с кем из них посоветоваться.

Заметив незакрытую дверь балкона, он подошёл к мраморному столику и перевёл зелёный ромбик к черте «выключено». Внутренние рамы с матовыми стёклами медленно выползли из стены и соединились. На мраморном щитке вспыхнул глазок сигнальной лампы — «закрыто!».

Зазвонил телефон. Профессор поднял трубку.

— Слушаю... А-а-а, дочка. Скоро, скоро, Зинушка! Можно собирать ужин. Да, да, через полчаса буду дома.

Положив трубку, профессор убрал в шкаф книги, проверил, закрыты ли ящики стола. Убедившись, что всё в порядке, он опустился в кресло. После минутного раздумья положил ладони на подлокотники, чтобы подняться, но, услышав знакомый голос в приёмной, снова выжидательно откинулся в кресле.

На пороге в форме полковника авиационной службы стоял начальник института, высокий, широкоплечий, с блестящей выправкой человек. Седеющие виски придавали его округлому румянному лицу тот особенный оттенок, который свойственен молодым мужчинам в пятидесятилетнем возрасте.

— Вы свободны, Пётр Кузьмич? — спросил он.

— Да, свободен.

— Кажется, вы чем-то озабочены?

Кремлёв посмотрел на полковника хитровато прищуренными глазами, погладил бороду.

— Представляете, Алексей Никитич, самолёт, на котором включён автопилот? Лётчик поставил приборы на заданный курс и раскрыл книгу. Самолёт идёт самостоятельно. Пилот читает роман...

— Вполне представляю, профессор! Ведь автопилоты нам известны давно...

— Не забегайте вперёд... Пилот читает книгу, а самолёт бороздит воздушный океан. Вот он пролетел тысячу километров, пять тысяч, десять, огибает земной шар, а мотор всё гудит и гудит... И всё на одной заправке горючего.

— На одной заправке? Ну, это ещё дело будущего, Пётр Кузьмич.

— Не такого-то уж далёкого, полковник. Вы не встретили в коридоре такого чернявого, очень подвижного юношу?

— Студента Споряну?

— Да-да! Так вот, я только что знакомился с чертежами его дипломного проекта. Заманчивая идея!

Профессор изложил предлагаемый Антоном Споряну проект двухкамерного ракетного двигателя, идею бескарбюраторной подачи горючего, а полковник внимательно слушал, забрасывая профессора вопросами.

— Да, новая и оригинальная идея, — согласился он, выслушав объяснения.

— Прямо скажу, интересная мысль. Этот паренёк подаёт большие надежды и до многого может дойти сам.

— Не прикрепить ли к нему конструктора?

— Нет, пока не нужно ему мешать. Пусть поработает один. Если понадобится помощь, я вам скажу.

Профессор поднялся. Встал и полковник. Взглянул на часы, протянул руку:

— Уже без четверти девять. Опаздываю на бюро горкома.

— А меня дома ждут. Нам, кажется, в одну сторону, — сказал профессор, направляясь к вешалке.

— Пойдёмте. Машина у подъезда: подвезу по пути.

Когда автомобиль остановился у калитки профес-

сорского сада, Пётр Кузьмич погрозил пальцем Прозорову:

— О проекте никому ни слова...

— Ну, что вы, Пётр Кузьмич.

— Да уж я знаю. Дмитрий Дмитриевич подкатит незаметно — расскажете всё, как на исповеди.

— Нет, нет — сами доложите, — донеслось из уходящей машины.

Пётр Кузьмич проводил взглядом машину и скрылся за железной калиткой ограды.

ГЛАВА II ЗРЕЛОСТЬ

Наступившая осень была для Антона Споряну переломной во многих отношениях. Он очень изменился: повзрослел, стал более усидчивым.

Преподаватели, замечая, как он становится не по годам серьёзным, рассудительным, настойчивым в достижении поставленной цели, считали это результатом личного влияния профессора Кремлёва, шефствующего над студентом. И в этом была доля правды. Всё больше общаясь с профессором, Споряну незаметно для себя стал подражать ему и в манере разговора, и в отношении к труду, и в упорстве исследования. Он стал просиживать ночи над дипломом, думая об одном: «Почему двухтурбинные реактивные самолёты ведут себя в разряженных слоях атмосферы лучше, чем однотурбинные? От чего это зависит — только ли от спаренной мощности и уменьшения веса всей конструкции? Может, оказывают влияние какие-нибудь иные явления, вызываемые столкновением двухструйного потока выходных газов с массой атмосферы?.. Почему всё-таки повышаются скорости? Что придаёт большую устойчивость самолёту?..»

Но юность брала своё. Занимали не только проблемы проникновения в стратосферу: тянуло туда, где слышался весёлый говор, беззаботный смех. В такие

минуты хотелось петь, смеяться или мчаться с кем-нибудь на катере. Этим «кем-нибудь» неизменно была дочь профессора — Зина Кремлёва, самая хорошая, самая близкая девушка на свете.

Однажды Антон Споряну беседовал с профессором Кремлёвым дольше обычного. Пётр Кузьмич особенно тщательно рассматривал чертежи двигателя, бросая краткие реплики:

— Переделали всё заново... Вижу, вижу...

— Почти заново, Пётр Кузьмич.

— М-м, да. Большая работа проделана. Да... Что ж, посмотрим, что к чему.

Пётр Кузьмич взял карандаш, лист бумаги. Набросал схему самолёта. От турбин к хвостовому оперению провёл диагонали и взглянул на Споряну.

— Тут вы, Антон Савельевич, не совсем верно рассчитали. Смотрите: линии рассеивания газов после выхода из сопл пересекаются у основания хвостового оперения. Нужно уменьшить конус выходного отверстия или...

Споряну вопросительно посмотрел на профессора и не совсем уверенно закончил:

— Или изменить угол выхода газов по отношению к фюзеляжу.

— Вот-вот!

Профессор закурил папиросу. Поняв, что беседа окончена, Споряну стал сворачивать чертежи. Пётр Кузьмич прошёлся по кабинету и, вернувшись к столу, спросил дружелюбно:

— Это вас, Антон Савельевич, студенты называют Антиохом Спорянским?

Споряну густо покраснел. Так его когда-то назвала Зиночка Кремлёва, когда он, играя в волейбол с командой университета, виртуозно гасил мячи у самой сетки, подбадривая своих товарищей возгласами «бей их! бей!». С того дня Антон Споряну и Зина Кремлёва долгое время при встречах перебрасывались острыми словечками, как это бывает в студенческой среде, а потом стали относиться друг к другу более благоклонно, всё чаще и чаще встречаться. Однако имя

царя Антиоха приклеилось к Антону прочно. Заметив смущение юноши, профессор добродушно улыбнулся.

— Ничего, ничего, молодой человек, в наше время и не то ещё бывало. — И, пожимая на прощанье руку, добавил: — Антиох — это не так уж плохо. У нас в Томске одного студента именитые дворяне презрительно прозвали — «редькой с квасом», «мужицким сынком». Но этот «мужицкий сынок» закончил университет с похвальным листом и стал доцентом того же университета. Теперь он профессор, доктор наук — вот вам и «редька с квасом».

Споряну не знал, что «редька с квасом» — это штрих из биографии самого профессора П. К. Кремлёва.

Выйдя от профессора, Антон долго бродил по улицам, не замечая знакомых, механически перечитывая одни и те же афиши кино и театров. И только встретившись у троллейбусной остановки с Зиной, очнулся.

— Зиночка?.. — робко окликнул он девушку.

— Ты откуда, Антиох, такой взъерошенный?

— От твоего папаши...

— Что, вызывал?

— Нет, я сам ходил советоваться по некоторым вопросам своего проекта. И, как видишь, до сих пор не могу прийти в себя.

— Пробрал?

— Нет...

Оба замолчали.

— Это не ты, Зинушка, познакомила своего отца с пожалованным тобою же титулом?

— Каким титулом?

— Да Антиоха Спорянского...

Девушка удивлённо покачала головой:

— Нет, даже не заикалась...

— Значит, Пётр Кузьмич услышал его от студентов.

— Возможно.

— Ой, а я думал: ну, сейчас начнёт песочить.

— Пронесло, — задорно улыбнулась девушка, глядя прямо в глаза Антону.

— Да, но покраснел я порядком, как девчонка.

Они звонко рассмеялись и, дружно взявшись за руки, пошли вдоль набережной.

Кудрявые светлокаштановые волосы девушки были заплетены в упругие косы и уложены вокруг головы. От этого Зина даже казалась немного выше. Голубые, широко открытые смеющиеся глаза, резко очерченный красивый излом губ, чуть-чуть вздёрнутый носик и яркий румянец щёк были тем редким сочетанием, которое обычно называют девичьей прелестью. Красивый профиль Антона, его загорелое мужественное лицо рядом с белым личиком Зины подчёркивали контраст южанина и северянки.

Юноша и девушка шли медленно, любуясь гладью реки, её берегами.

— Знаешь, Зинуша, я давно хочу тебе сказать...

— Что ты видишь меня во сне, протягиваешь руки, а я убегаю, — перебила его шутливым тоном Зина.

— Нет, серьёзно. Сажу иногда над книгой, читаю страницу за страницей, стараюсь вникнуть в содержание, напрягаю всё своё внимание, а вижу только тебя, твои глаза.

— Значит, неинтересные книги читаешь, — рассмеялась Зина.

— Нет, хорошие. И всё равно читаю и вижу тебя: то ты улыбаешься, то сердисься... Забываюсь только тогда, когда сажу над проектом.

Девушка помолчала, потом, не поднимая глаз, тихо сказала:

— Это, Тоня, очень хорошо. Если ты полностью отдаёшься своей идее, значит, веришь в неё. А если веришь, обязательно достигнешь цели.

— А вот я всё чаще сомневаюсь, Зинушка. Боюсь чего-то.

Зина не ответила, будто обдумывала его слова. Замолчал и Антон. Они продолжали идти в ногу, украдкой поглядывая друг на друга. Антон первым прервал молчание:

— А всё-таки я знаю...

— И я знаю, — перебила его девушка. — Знаю, что ты дипломный проект подготовишь на «отлично». Хотя бы ради меня... Разве ты не сделаешь всё для того,

чтобы заслужить похвалу папы? А заслужить её нелегко. Малограмотного инженера он не выпустит из института. К тебе будет придиричив вдвойне: и как председатель государственной комиссии, и как мой отец.

— По-твоему, мне заранее...

— Да, нужно заранее иметь в виду, что с посредственным дипломным проектом тебе лучше не показываться.

— Эх, Зинушка, если бы ты была всё время со мной...

— Нет, нет! Вот когда защитишь проект, тогда... тогда, может, и папа будет сговорчивее. А теперь он...

— Что?

— Как-то случайно заметил у меня на столе твою фотографию. Посмотрел, покачал головой и говорит сердито: «Не слишком ли преждевременны эти сувениры?..»

— Ну и пусть. Всё равно...

ГЛАВА III

НЕОЖИДАННАЯ ДОГАДКА

Заканчивался последний семестр учёбы в институте. Антон продолжал упорно работать над проектом. Он перечитал всю имеющуюся в институтской библиотеке литературу по истории и теории реактивных двигателей. Временами, отчаявшись, подолгу не подходил к своему чертёжному столу. Закончатся лекции — он берёт удочки и до поздней ночи сидит где-нибудь в тени развесистой вёглы на берегу реки. Или переплывёт на остров и часами лежит на траве, заложив руки под голову. Пройдёт день, два, и он снова берётся за расчёты, вычисления, снова не спит ночами.

Порой ему всё казалось ясным, но, показав профессору новый вариант двигателя и выслушав его мнение, он убеждался, что так же далёк от разрешения главной задачи, как и в самом начале.

Он стал неразговорчив, реже появлялся в клубе. Даже при встрече с Зиной Кремлёвой был не так ве-

сел, как обычно, хотя отношения между ними давно уже перешли в настоящую искреннюю дружбу. Однажды Зина не выдержала:

— Тоня, почему ты с каждым днём становишься всё мрачнее и мрачнее? Что ты от меня скрываешь?

Антон ответил не сразу. Глубоко вздохнув, он взял её за руку и задумчиво сказал:

— Эх, Зинушка, дорогая, ничего ты не знаешь...

Зина подняла на него умоляющий взгляд.

— Не хотел я никому об этом говорить, но тебе... понимаешь, у меня ничего не получается с дипломным проектом...

— Ой, что ты... Ты просто устал. Подумай сам: полгода просидеть все ночи за книгами да над чертежами и в то же время отлично учиться. Тебе нужен отдых. Поедем завтра на остров. А?

— На остров? Что ж, можно...

— Не можно, а нужно. Проветришься, рассеешься. Потом на свежую голову и дело пойдёт лучше.

— Может, ты и права, — рассеянно проговорил юноша.

— Знаешь, когда у папы что-нибудь не ладится, он закрывает лабораторию, облачается в соломенную шляпу и то бродит у озёр с ружьём, то рыбу ловит. Или дома с ребятами мастерит какие-нибудь безделушки. Вот у меня тоже не ладилось с одним разделом по химии. Он консультировал, консультировал, а потом и говорит: «Пойдём-ка лучше, дочка, за грибами. Тебе нужно мозги освежить».

— И помогло?

— Конечно, помогло. Когда взялась после прогулки за учебник, самой смешно стало: «И как только, думаю, я не понимала таких простых вещей?..»

— Уговорила, уговорила. Пойдём.

Утром в воскресенье они взяли на водной станции моторку-малютку и, обогнув песчаный остров, причалили к Лисьему мысу. Набрав листьев папоротника и сорвав несколько гроздьев ещё не созревшей черники, вырулили на середину реки и выключили мотор. Залюбовались красотами окружавшей природы. Один берег круто изгибающейся реки был покрыт хвойным ле-

сом. На другом, в лугах паслись стада, стояли скирды прошлогоднего сена. А из села доносились переборы тальянки, слышались задорные голоса. Звуки напева то утихали, то усиливались, крепили. Густой красивый баритон выводил:

«Точно звёзды,
светят ясные глаза.
Отражается в них
месяц золотой...»

Ему вторил слаженный дуэт девушек:
«Милый друг, наконец-то мы вместе...»

Антон и Зина сидели молча, вслушиваясь в доносившиеся напевы, любуясь, как, образуя круги на зеркальной поверхности реки, резвится рыба. Вот совсем рядом показалась голова щуки. Показалась и исчезла. Серебристыми брызгами взметнулась над водой стая мальков. Чуть подальше, наперерез лодке, прошла с торчащим над водой спинным плавником большая нельма. То тут, то там поднимала лёгкие всплески резвившаяся на поверхности плотва. Пробежит блуждающий одинокий ветерок, тронет рябью полированную поверхность реки — и опять тишина, всплески рыб, одинокие голоса птиц.

Покончив с ягодами, вычернив языки и губы, Антон и Зина решили набрать букеты луговых цветов. Включив движок и приняв подобающую позу, Антон сложил ладони рупором и крикнул:

— Внимание на штурвале! Право руля!..

Гулко застучал мотор. Разрезая гладкую поверхность, лодка развернулась и понеслась к берегу, оставляя позади себя расходящийся широкой полосой вспененный след.

Причалив к берегу и привязав лодку, Антон и Зина долго бродили среди буйной зелени луга. Букеты живых цветов всё разрастались. Наконец, Зина запротестовала.

— Хватит, Тоня! Уже неудобно нести.

— Давай, я понесу.

Вернувшись к берегу, Антон предложил:

— Хорошо бы сфотографироваться здесь, на фоне

реки и гор. Располагайся, Зиночка, бери букеты, я сейчас тебя увековечу.

Девушка охотно присела на пригнутую Антоном ветку, а он начал налаживать фотоаппарат. Раз а три нацеливался, но, когда нажимал спусковой крючок, характерного щелчка затвора не получалось.

— Видно, засорился, — сказал он с досадой.

Повернув аппарат объективом кверху, стал внимательно его рассматривать, стараясь понять причину медленного сползания затвора. Несколько раз нажав спуск, он вдруг поднял глаза на девушку, швырнул аппарат на землю, в один прыжок подскочил к Зине, порывисто обнял её, радостно крича:

— Нашёл, хорошая моя, честное слово, нашёл!

— Что с тобой, Тоня? — удивилась девушка. — Нашёл неисправность? Да? Тогда фотографируй.

— Да нет, совсем не то. Понимаешь, нашёл то, чего не хватало в моём дипломном проекте.

Он взял фотоаппарат, нажал спусковой механизм и сказал, сияя от радости:

— Вот смотри, Зинушка, в объектив. Видишь, как плавно закрывается створка диафрагмы?

— Да... Ну и что из этого?

Он хитровато подмигнул, поглаживая рукою объектив, и добавил:

— Вот этого-то мне и не хватало!.. Прекрасный принцип подачи горючего.

Минуты через две моторная лодка уже неслась против течения, поднимая столбы брызг и водяной пыли. За рулём сидела Зина, а Споряну, склонившись над блокнотом, что-то вычислял.

ГЛАВА IV

СОДРУЖЕСТВО

Антон не мог дожидаться вторника и уже утром в понедельник пошёл к профессору.

— Догадываюсь, с новостью пришли? — заметил Пётр Кузьмич, как всегда, прикрывая плотнее дверь кабинета.

Антон стал с увлечением рассказывать о своей догадке:

— Вы понимаете, профессор! Всё очень просто. В период сгорания силой давления газов автоматически опускается диафрагма и прекращается доступ горючего в камеру. По мере того, как сила сжатия уменьшается, начинает действовать пневматический механизм, отпуская сектора диафрагмы, — снова открывается отверстие, подаётся очередная доза горючего, происходит разряд, вновь закрывающий силой своего давления диафрагму, и так далее, по законам автоматики.

Он вопросительно посмотрел на своего учителя. Тот сидел с закрытыми глазами, словно не слушал того, что говорил Антон. Когда Споряну умолк, профессор открыл глаза, поднялся:

— Продолжайте, Антон Савельевич, продолжайте!

От возбуждения у Споряну блеснули глаза. Он говорил быстро, уверенно, словно читал на память давно заученный текст. Профессор, заложив за спину руки, ходил от окна к столу, одобрительно покачивая головой.

— Вот и весь мой план,— закончил Споряну.

— Всё, говорите? — переспросил профессор.

— Да, в основном, всё.

— Нет, братец! Это, я бы сказал, много, непомерно много. И главное, пожалуй, неожиданно логично.

Профессор умолк, продолжая прохаживаться. Потом остановился напротив своего ученика и спросил почти официальным тоном:

— Может, это и излишне, но я вправе спросить: с кем-нибудь делились своими планами?

Споряну покачал головой.

— Нет, профессор, кроме вас, ни с кем...

— Имейте в виду: о вашем проекте, его деталях пока никто не должен знать...

Они долго сидели, обсуждая отдельные узлы двигателя, вычисляя силу давления газов, максимальную прочность стенок, габариты камеры сгорания, возможные виды горючего. Потом профессор умолк, разгла-

живая бороду, что обычно делал в минуты размышления. Споряну знал это и не мешал ему. Очнувшись, профессор повернулся к мраморному столику и передвинул голубой ромбик. Послышалось лёгкое жужжание невидимых вентиляторов. Споряну ощутил приток свежего воздуха. Пётр Кузьмич поднялся, заложил руки за спину, прохаживаясь по кабинету.

Вспомнив о Споряну, он вернулся к столу и вновь с увлечением заговорил:

— Не хотел я, Антон Савельевич, распылять ваши мысли, но дело такое — между нами не должно быть секретов. Надо подумать ещё об одном варианте подачи горючего через абсолютно точный в своём гнезде цилиндр. Способ его вращения в электрическом поле мне кажется наиболее удачным: при этом возможна большая точность. Как вы думаете?

— Признаюсь, Пётр Кузьмич, эта идея мне никогда не приходила в голову.

— Вот и подумайте, всесторонне обмозгуйте оба варианта. От быстроты подачи горючего будет зависеть мощность мотора да и более полное использование самого горючего.

— Всё это так, Пётр Кузьмич. Но на какое горючее рассчитывать? Мне не известен ни удельный вес топлива, ни степень и быстрота его сгорания, ни даже сама формула смесей, знание которых, вы знаете, для меня очень важно. Так, фантазирую, строю всё на предположениях, и может оказаться, что работаю впустую. Без чего можно было обходиться вначале, стало необходимым теперь. Нужна помощь химиков...

Пётр Кузьмич внимательно выслушал своего ученика, как бы проверяя, хитрит или действительно ничего не знает о научных находках лабораторий института. Потом подошёл к Антону и положил руку ему на плечо:

— Ваши опасения, Антон Савельевич, напрасны. Есть люди, которые знают рецепт получения именно такого горючего, какое нужно для проектируемого вами двигателя. И они обеспокоены так же, как и вы, только обратной стороной дела: есть горючее, но пока нет для него двигателя.

Пётр Кузьмич усиленно задымил папиросой, искусно пуская под потолок завихряющиеся кольца дыма. Затем подошёл к Споряну, пододвинул ближе кресло и начал рассказывать своему ученику в общих чертах, основные данные нового топлива, над которым работал ряд лет. Это не было разглашением тайны получения нового горючего, добытого пока в лабораторных условиях, но давало конструктору некоторые отправные положения для работы над проектом двигателя.

С этого и началось настоящее творческое содружество маститого учёного с молодым, начинающим конструктором, неожиданно прерванное обстоятельствами, о которых читатель узнает из следующих глав.

ГЛАВА V

«БРЮНЕТ-ПРИМА»

Кандидат географических наук Эмиль Яковлевич Фирсун сидел в кафе, поминутно поглядывая на дверь. Чтобы не привлечь внимания, он заказал чай с лимоном и теперь сидел, медленно помешивая его. Приехал Фирсун в этот город в творческую командировку: работать над докторской диссертацией. Собрав необходимый материал, он уже подумывал об отъезде, как вдруг получил очень лаконичную записку:

«Завтра после двенадцати жду в кафе «Волга». — Ефим».

«Даже в командировке нашли», — подумал он с раздражением.

Теперь, задержавшись дольше обычного в кафе, Фирсун начал нервничать. Прошло уже полчаса, а к нему никто не подходил. Большинство столиков было свободно: время перерыва кончалось. Наконец, он услышал за спиной голос:

— Прошу за мой столик, товарищ, здесь больше света.

Фирсун обернулся. За столиком у окна сидел одновременно с ним вошедший в кафе человек неопределённого возраста с пергаментного цвета лицом. Фирсун взял свой стакан, пересел за столик у окна и осмотрел-

ся: поблизости никого не было. Официантки переговаривались с буфетчицей в противоположном конце зала. Незнакомец заговорил полушёпотом:

— Персональное задание разведцентра вам, «Брюнет-прима», — сфотографировать чертежи двигателя Споряну. Вы имеете доступ в ЦАВИ. Командировку продлим... Через несколько дней встретимся. — Незнакомец поднялся, сказал нарочито громко: — Благодарю за компанию. До свидания! — И вышел.

Минуты через две покинул кафе и Фирсун, думая: «Легко сказать: сфотографируй. А если заметят?..»

За этими невесёлыми думами прошла остальная часть дня. А на следующий день Фирсун пошёл в библиотеку института присмотреться. «Может, и улыбнётся фортуна...» — утешал он себя.

Не успела Вера Михайловна — секретарша директора института — переступить порог кабинета заведующей библиотекой, как комната заполнилась её весёлым звонким голосом:

— Фаина Григорьевна, готовьтесь к выходу в большой свет. Скоро выпускной вечер, грандиозный бал. Иду заказывать приглашительные билеты. Полковники, генералы будут. Маршал приедет..

Пока подружки делились последними новостями, высказывали свои соображения о предстоящем бале, в кабинет вошёл муж Фаины Григорьевны — начальник АХО института — в сопровождении жгучего брюнета, внешне напоминавшего кавказца. Начальник АХО любезно пожал руку Вере Михайловне и представил её незнакомцу:

— Секретарь начальника ЦАВИ, Вера Михайловна.

— Очень приятно. Эмиль Яковлевич Фирсун — начальник метеоотдела Института прогнозов, — с галантным поклоном отрекомендовался брюнет.

— Ну, а с Фаней, надо полагать, вы знакомы, — улыбнулся начальник АХО и, повернувшись к Вере Михайловне, пояснил: — Эмиль Яковлевич — супруг

моей младшей сестры Сони... Стал кандидатом наук и забыл дорогу к родне.

Метеоролог хотел возразить, но начальник АХО предупреждающе поднял руки:

— Ясно, ясно: наука, работа. Теперь новое препятствие — докторская диссертация.— Повернувшись к заведующей библиотекой, он заключил: — Фаня, по распоряжению начальника института, дай возможность Эмилю ознакомиться с метеокартами. В дальнейшем, Эмиль, по всем интересующим тебя вопросам обращай непосредственно к Фане. Она сделает всё возможное.

Начальник АХО манерно козырнул и, повернувшись на каблуках, направился к выходу. Фаина Григорьевна предложила кандидату наук стул:

— Присаживайтесь, Эмиль Яковлевич. Я сейчас достану метеокарты.

— Благодарю вас,—ответил Фирсун и с достоинством опустил на предложенный стул, напротив Веры Михайловны.

Вера Михайловна бросила короткий взгляд на брюнета, взяла из лежавшей около неё стопки одну из книжек с серебряным тиснением, раскрыла её и стала из-за неё незаметно наблюдать за интересным брюнетом.

— Новые дипломы, насколько я понимаю,—любезно осведомился метеоролог.— Прекрасна жизнь нашей молодёжи, замечательны перспективы.

— Да, да, выросли наши птенцы. Вот посмотрите на этого юношу. Кто бы мог подумать пять лет тому назад, что из этого вихрастого паренька вырастет высокоэрудированный блестящий инженер...— Вера Михайловна протянула Фирсуну одну из книжек.

Тот не спеша раскрыл её и даже вздрогнул: Споряну, нужный ему Споряну. То удаляя, то приближая диплом к близоруким глазам, он минуту-две рассматривал его, прищурившись. Потом скользнул испытующим взглядом по лицу ничего не подозревавшей Веры Михайловны и, поднявшись со стула, не спеша отошёл к окну. Внимательно разглядывая диплом, он повернул его к свету и, заложив правую руку за борт костюма, нажал кнопку скрытого под ним микрофото-

аппарата. Ни у кого это не вызвало подозрений: фотоаппарат, объективом которого служил миниатюрный эмалевый значок на лацкане пиджака, был невидим для окружающих. Вернувшись к столу, он протянул диплом Вере Михайловне, заметив:

— Интересный юноша. С характерными, волевыми чертами. Видимо, настойчив и плюс одарён — редкое сочетание.

— Заметный паренёк. Любимец профессора Кремлёва.

— Не родственник, случайно?

— Нет. Профессор благоволит к Споряну за его склонность к научной работе... и отличную успеваемость по всем предметам.

Фирсун молчал, занятый своими мыслями. На пороге показалась Фаина Григорьевна с огромным томом в руках. Фирсун поблагодарил её и, выйдя в читальный зал, сел у окна.

С этого дня он стал завсегдатаем библиотеки института. Завёл знакомство со студентами. Приходил иногда утром, иногда днём, чаще вечером, после окончания занятий в институте. Однажды за столиком под ярким плафоном он заметил Споряну, занятого своими чертежами. Проходя мимо, Фирсун задержался около него с заложенной за борт костюма правой рукой, потом отошёл к своему окну. Посидев ещё немного над раскрытым фолиантом метеокарт, он поблагодарил Фаину Григорьевну и собрался уходить.

— Что-то очень быстро сегодня, Эмиль Яковлевич.

— Благодарю вас. Окончил работу. К тому же сегодня совещание синоптиков, на котором мне выступать с докладом. Нужно ещё подготовить тезисы, подкрепить новыми фактами.

Фаина Григорьевна задержала его руку в своей и сказала любезным тоном:

— Завтра, Эмиль Яковлевич, непременно ждём.

— Да, да. Соня готовится. Ваш супруг звонил ещё днём. Но по случаю чего такое торжество?

— А разве мой муж не говорил?

— Нет. Семейная тайна, говорит.

— У нас, Эмиль Яковлевич, «серебряная свадьба».

— Разве? Как мчатся годы... Неужели, двадцать пять лет?

— Представьте себе...

— Придём непременно. Соня вернулась из Симеиза в хорошем расположении духа, похорошела. Одним словом, до завтра.

— В четыре часа,— уточнила Фаина Григорьевна.

Это был последний визит метеоролога в библиотеку ЦАВИ.

ГЛАВА VI

ИНЖЕНЕР СПОРЯНУ

В Центральном авиационном институте шла сдача государственных экзаменов. Пяти отличникам Министерство предоставило право защищать дипломные проекты без сдачи общих экзаменов. Среди них был и студент моторостроительного факультета Антон Савельевич Споряну.

В понедельник специальная комиссия рассмотрела дипломный проект Споряну. После доклада автора проекта выступили оппоненты — видные специалисты страны. Хотя их отзывы были весьма сдержанны, было очевидно, что двигатель вызвал большой интерес. Строгий, придирчивый, как казалось вначале Споряну, начальник специального конструкторского бюро, сделав критический обзор основных узлов двигателя, вместо резкого возражения, которого ожидал Споряну, сказал:

— Названные мною уязвимые места двигателя требуют ещё большей вдумчивости и более точных расчётов при подготовке рабочих чертежей... Но, я бы сказал, главное не в этом. Какому заводу поручить изготовление опытных образцов двигателя? — вот в чём вопрос.

— Значит, вы, Павел Александрович, одобряете проект? — спросил Прозоров.

— Мне кажется, иного мнения быть не может...

Услышав это, Споряну почувствовал, как от радост-

ного волнения начинают краснеть уши, щёки. Проект двигателя был одобрен единогласно.

На другой день Споряну пришёл на распределительную комиссию. Это был первый разговор, при котором он почувствовал себя взрослым, самостоятельным человеком. Уже в самой интонации начальника института он уловил новое к себе отношение. Прозоров уже не называл его студентом, не подчёркивал своего служебного положения и воинского звания. Когда Споряну вошёл в кабинет, полковник сказал просто:

— Присаживайтесь, Антон Савельевич. Комиссия считает возможным удовлетворить просьбу профессора Кремлёва и предлагает вам работу на спецкафедре института. Как вы на это смотрите?..

— Должен смотреть положительно, — вставил профессор. — Не каждому выпускнику предлагают должность даже ассистента на кафедре...

Споряну улыбнулся, но тут же, спохватившись, согнал улыбку:

— Это назначение?

— Да, это назначение, — уточнил Прозоров. — Пока поработаете на кафедре. Решится вопрос о производстве двигателя — предоставим командировку на завод...

А в субботу Споряну пригласили к начальнику института полковнику Прозорову. Среди множества учёных, сидевших за столом, покрытым красным бархатом, был и профессор Кремлёв.

Антон Споряну смело вошёл в кабинет и строевым шагом направился к столу. Посреди комнаты он остановился, как вкопанный, приложив руку к козырьку:

— Студент Споряну по вашему приказанию прибыл.

Полковник слегка улыбнулся, переглянувшись с профессором, затем подошёл к Споряну и сказал просто:

— Вольно, инженер Споряну! Да, да — инженер! Дай-ка лучше руку... поздравляю. — Вот зачем мы вас позвали, — полковник взял со стола тиснённую серебром книжечку и протянул Споряну.

Взволнованный юноша неловко, обеими руками взял диплом, от волнения краснея всё гуще и гуще. Растроганный профессор подошёл к нему ближе и положил руку на плечо.

— В счастливое время, дорогой мой, живём. Да успокойтесь же вы, именинник! Радоваться надо, — говорил ему профессор, сам не меньше взволнованный. — Ваш дипломный проект нового двигателя не только оригинален, но и представляет большой государственный интерес. Комиссия считает ваше право на звание инженера бесспорным.

Профессор взял юношу за виски и поцеловал в лоб.

Споряну порывисто обнял учёного:

— Спасибо, Пётр Кузьмич. Большое спасибо, за всё! И вам, товарищ полковник, спасибо за отеческую заботу и внимание. Прошу считать мой первый проект достоянием института. Он принадлежит комсомолу и партии, открывшим мне дорогу в науку.

Полковник склонился над столом, перебирая бумаги, чтобы скрыть волнение. Профессор Кремлёв пристально смотрел на Споряну. Все молчали. Наконец полковник сказал:

— Ну вот, Антон Савельевич, вы — инженер. Идите отдыхайте, развлекайтесь. Завтра, кстати, воскресенье, — и, улыбаясь, протянул руку.

Выйдя из кабинета, Антон пошёл по коридорам из одного пролёта в другой, ничего не замечая вокруг себя. Почувствовав на плече чью-то руку, обернулся.

— Зиночка!

— Ты что же это, Антиох, людей не замечаешь? Что-нибудь случилось?

Споряну звонко рассмеялся, схватил девушку в объятия и закружился с ней по коридору.

— Случилось, хорошая моя! Случилось! У меня сегодня великий праздник...

Достав диплом, он раскрыл его перед самыми глазами девушки:

— Читайте, завидуйте!..

Зина ловко выхватила из его рук книжку, посмотрела на серебряное тиснение, прочла текст диплома

один раз, второй, бросая взгляд то на юношу, то на диплом, и радостно сказала:

— Ой, какой же ты молодчина, Тоня! А я тебя ищу, волнуясь. — Помолчав немного, она с грустью добавила: — А мне ещё почти месяц корпеть над учебниками. Говорят, нас пошлют куда-то в дальние края, а куда — неизвестно.

— Подожду, Зиночка! — лукаво улыбнулся Антон.

— То есть, что подождёшь? — девушка подняла на него удивлённые глаза.

— Тебя, Зиночка, тебя, моя хорошая!..

И они пошли вниз, к скверу. Антон вполголоса что-то рассказывал. Зина слушала молча, то улыбаясь, то глядя на него вопросительно. Так они миновали широкую аллею сквера. На водной станции Антон взял парусную лодку. Усадив Зину за руль, он выгреб подальше от берега и поднял парус.

До самой ночи, как крыло альбатроса, бегала по речной глади «косынка» паруса, устремлённая одним остриём в небо. Парус повернул к берегу лишь тогда, когда в ночной тишине из репродукторов города донеслась знакомая мелодия московских курантов.

Споряну вернулся домой довольный. Они с Зиной условились, что, когда она сдаст экзамены, они вместе поедут на южный берег Крыма.

ГЛАВА VII

ОСОБОЕ ЗАДАНИЕ

Полковника Прозорова Споряну застал в кабинете. Перелистывая бумаги, директор сказал тихо, привычным для Споряну, глухим, грудным голосом:

— Садитесь и слушайте внимательно.

Споряну нерешительно опустился на стул.

Найдя нужный документ, полковник поднял голову:

— Так вот. В районе южного побережья Крыма состоятся интересные испытания. Для вас очень важ-

но понаблюдать эти первые эксперименты, тем более, что будут испытываться установки, очень близкие, почти смежные по многим данным вашему изобретению.

— Это очень любопытно, товарищ полковник. Интересно, каковы особенности и назначение испытываемых установок?

— Со всем, с чем можно, вас познакомят на месте. И вторая, пожалуй, главная сторона этой поездки: вблизи Балаклавы совершил вынужденную посадку неизвестный самолёт очень оригинальной конструкции.

— Американский или...

— Трудно сказать чей. Да вас это и не должно интересовать. Важно ознакомиться со схемой его реактивного двигателя. Сопоставить со своим. Вы понимаете меня?

— Понимаю, товарищ полковник. Разрешите узнать, когда нужно выехать к месту испытаний и куда именно.

— Завтра вас по всем вопросам подробно проинструктируют. Будет совещание. Поедете вместе с группой специалистов. А пока отдыхайте, готовьтесь. — Полковник встал и протянул Споряну руку. — Поедете на пару недель, а если потребуют обстоятельства, то и на больше. Зайдите к Петру Кузьмичу, у него есть кое-какие напутствия. Перед выездом приходите ко мне, а пока всего хорошего.

Полковник подошёл к вешалке, перебросил через руку лёгкий плащ, одел фуражку.

— До трёх буду в горькоме на совещании, — сказал он на ходу секретарю. — К девяти подготовьте командировку Споряну на месяц, оформите подотчётные и билет на самолёт до Симферополя.

Полковник Прозоров вышел, а Споряну направился в кабинет профессора Кремлёва.

После взаимных приветствий и расспросов Споряну приступил к делу:

— Алексей Никитич не совсем ясно объяснил мне, Пётр Кузьмич, какие именно испытания, что за установка? Вы не сможете пояснить?

— Пояснить? — профессор развёл руками. — Это-

го не пояснишь, надо видеть... — Он задумался, разглаживая бороду. — Знаю только в общих чертах: будут запускать воздушные шары для исследования верхних слоёв стратосферы. А как они устроены, посмотрите — сами узнаете и мне поясните. Но не вздумайте, — профессор строго взглянул на Споряну, — не вздумайте прокатиться на этом аэростате. Категорически предупреждаю...

— Что вы, Пётр Кузьмич. Кто меня пустит?..

— Я просто предупреждаю... Авиастрада по Млечному Пути ещё не проложена. Вам, вашим сверстникам предстоит осваивать ее, но к этому ещё нужно подготовиться. Лезть в ионосферу с аэростатом — всё равно, что затыкать лётку доменной печи сальной свечой.

Споряну улыбнулся. Профессор посмотрел на него поверх очков, словно ожидая, что скажет молодой инженер. Но Споряну молчал.

— Помните: ваша роль — наблюдение, наблюдение и только. Это, так сказать, для просветления ума. А вот вторая задача куда важнее. Самым внимательным образом присмотритесь к двигателю самолёта. Обратите внимание на каждую мелочь. Советую ещё раз просмотреть работы фон Брауна, Эрике, американские источники о последних новинках. Это даст вам пищу для сравнения с извлечённым со дна Чёрного моря двигателем. Кстати, этот самолёт, по утверждению очевидцев, не производил при полёте шумов.

— Это очень интересно...

— Интересно, но, на мой взгляд, не достаточно достоверно. Я склонен думать, что самолёт шёл издавна на больших высотах. Снижаясь на цель наблюдения с выключенным двигателем, он и не производил шумов. А когда в него попал снаряд и он развернулся, чтобы уйти в сторону моря, то, видимо, включить двигатель уже было некому. А, может, я и ошибаюсь, и в рассказах очевидцев есть доля правды. Вот ваша задача и состоит в том, чтобы найти эту правду, если она действительно существует. С вами едут опытные специалисты, которые помогут разобраться что к чему.

Профессор встал, прошёлся по кабинету, что-то обдумывая. Подошёл к Споряну, внимательно посмотрел на него.

— Ну, кажется, всё. Готовьтесь. Поездка интересная. Вам она может очень пригодиться. Желаю успеха. — Он пожал Споряну руку и улыбнулся: дескать, сам бы непрочь посмотреть улетающий в стратосферу «глобус», да дела не позволяют.

Споряну вышел на улицу, остановился. «Как это кстати! — думал он. — Зина уже в Крыму. Выкрою время, навещу её. Сегодня же надо послать письмо. Нет, письмо не успеет. Пошлю лучше телеграмму». Посмотрев на часы, он пошёл на телеграф.

Через три дня самолёт с группой специалистов, среди которых был и Споряну, приземлился на Симферопольском аэродроме. Но встретиться с Зиной Кремлёвой Антону так и не удалось. Самолёт совершил посадку не на пассажирском аэродроме, а на учебном. И тотчас члены комиссии, минуя Симферополь, направились в зону испытаний.

Зина Кремлёва провела в Симферопольском аэропорту почти весь день, встретила пассажиров всех прибывших самолётов, но Споряну среди них не оказалось. Не понимая, в чём дело, она несколько раз обращалась и к дежурному, и к начальнику аэропорта, но и они не развеяли её беспокойства. Преследуемая мыслью о том, что что-то случилось, она и поехала в свой санаторий. Только по дороге совершенно случайно Зина узнала причину того, почему разминулась с Антоном.

Один из спутников по автобусу, человек в сером плаще, заметил, что девушка чем-то расстроена. Он долго наблюдал за ней и наконец заговорил:

— Извините, пожалуйста, но вы слишком печальны, чтобы окружающие не обратили на это внимания. Что-нибудь случилось? Может, я смогу вам помочь?

— Не думаю, — ничего не подозревая, ответила Зина. — Боюсь, что случилось. Сегодня должен был прилететь мой близкий родственник, но... не прилетел. Хотя предупредил о вылете телеграммой.

— Он, случайно, не спецрейсом летел?

— Не знаю, возможно. Он в командировку.

— Тогда и волноваться нечего. Их самолёт приняли на учебном поле. Оттуда они все, какая-то комиссия, уехали по своему назначению.

— Неужели? — обрадовалась Зина. — Вы это точно знаете?

— Конечно. Я был в то время рядом, — сказал он, стараясь вызвать её на откровенный разговор.

— А вы не видели среди пассажиров молодого человека с чёрными-чёрными глазами?

— В реглане и клетчатом кепи?

— Ой, это Тоня!..

— Его фамилия не Споряну?

Зина невольно отодвинулась подальше и, неприязненно посмотрев на подозрительного спутника, сказала с нотками вызова в голосе:

— А зачем вам знать его фамилию?

— А мне абсолютно всё равно. Просто хотел вас успокоить, — безразличным тоном ответил он, а про себя подумал: «Надо её держать в поле зрения. Споряну должен с ней встретиться».

Зина промолчала. «Почему, — думала она, — он даже не появился?» Мелькнула догадка: «Значит, нельзя было». Устроившись поудобнее, она отвернулась к окну и так просидела до самой Ялты.

В эту ночь Зина почти не спала. Беспокоили мысли: «серый плащ» ведь мог и ошибиться. Потом пришла другая, ещё более взволновавшая её: «А вдруг это какой-нибудь шпион, который охотится за Споряну?» Эта мысль стала ещё навязчивее, когда Зина вспомнила отрывки случайно подслушанного разговора отца с полковником Прозоровым. В ушах звучали слова Прозорова: «Осторожнее ему надо быть... Головой рискует!..»

Она напряжённо прислушивалась к порывам ветра, шелесту ветвей за окном, к тихому плеску прибоя. «Ой, хотя бы он не вздумал разыскивать меня сегодня ночью», — в тревоге думала она. Стало почему-то страшно в тёмной комнате, и Зина натянула на голову одеяло.

ГНЕЗДО НОЧНЫХ ПТИЦ

Юго-восточная Бавария. Привычный альпийский пейзаж: высокие горы, покрытые вековыми лесами, освежающий запах хвои, вялых трав, стремительные потоки горных речек с прозрачной, кристально-чистой водой.

Извиваясь змеей, асфальтированное шоссе убегает всё выше и выше к видневшемуся на горе средневековому замку. Он расположен на каменном уступе горы, напоминающем голову носорога. От всего: готических башен, позеленевших от времени и подёрнутых мохом, от высокой каменной ограды, поросшей травой и кустарником, — веет заброшенностью, запустением.

«Гнездо ночных птиц» — так с незапамятных времён называют этот замок жители окрестных селений. Под самым шпилем главной башни когда-то поселились две пары диких голубей. А теперь их такое множество, что когда они облепляют карнизы и крыши, башни кажутся расписанными причудливым пёстроголубым узором.

Когда-то этот замок принадлежал одному из рыцарских орденов. Во времена Бисмарка он служил школой подготовки шпионов-миссионеров, засылаемых святейшим папой в славянские государства Балкан и Восточной Европы. Потом он перешёл к Мюнхенскому епископству.

С приходом к власти Гитлера замок стал собственностью любовницы рейхсминистра гестапо Гиммлера — кинозвезды фрау Дональды Лоттер.

Менялись вывески, но содержание оставалось прежним. Об этом свидетельствуют записи в биографическом альбоме замка. В нём можно встретить философские изречения фон Клаузевица, афоризмы Мольтке-младшего и Пуанкаре. А вслед за размашистыми росчерками гитлеровских главарей стоят имена известных английских и американских генералов, дипломатов, дельцов.

Хозяйка замка, госпожа Дональда Лоттер вышла замуж и, став баронессой фон Бретт, уехала за границу.

Замок кажется необитаемым. Железные его ворота давно не открывались. Единственная дорога, ведущая к ним по обрыву глубокой промоины, поросла травой. Но замок живёт своей тайной жизнью. Каждый вечер, когда сгущаются сумерки, на главном готическом шпиле начинает мигать красный огонёк, напоминающий сигнал маяка. Многие горожане думают, что сигнал установлен авиакомпанией как пеленгатор для пролетающих над городом самолётов. Только очень немногие знают, что происходит за двухметровыми гранитными стенами замка и кому мигает по ночам красный огонёк.

Среди этих немногих был и внук старого сторожа замка Иржи Томмах — электромонтёр городской теплоцентрали, Энрике Томмах. Когда хозяйка уехала, старый Томмах не захотел покинуть замок. Всю свою жизнь он провёл в этих стенах и теперь, на старости лет, не видел смысла уходить отсюда.

— Жить осталось немного, — говорил он своей дочери. — Да и хозяйка просила присматривать за всем, проветривать, убирать помещения. А на жизнь мне хватит того, что хранится в подвалах.

Иржи Томмах каждый день обходил комнаты замка, заглядывал во все тайники. Часами простаивал в потайных местах, куда раньше, при хозяевах, не смел входить. Но самым отрадным уголком для него был сад, выращенный не без его участия. Целыми днями Томмах любовался садом, часами просиживал в сиреневой аллее.

Однажды, ранним утром его подняли с постели незнакомые люди. В привезенном от хозяйки замка письме было сказано кратко:

«Мой добрый Иржи!»

Замок вынуждена временно сдать в аренду. Служите

этим людям так же безупречно, как служили мне. Лучше вас никто не знает расположения замка, его лабиринтов. Вы будете очень полезны новым господам. Вернусь — отблагодарю вдвойне.

Дональда фон Бретт, баронесса.

Томмах долго всматривался в строчки письма, стараясь понять, что заставило его хозяев допустить чужих людей в «тайники своей души», как любила повторять баронесса. Но никакого объяснения найти не мог. Люди, пришедшие с запиской, приказали запереть ворота, взяли себе ключи от всех выходов и, когда Томмах проводил их до подземного хода, предупредили:

— Часто будем бывать в замке в ночное время — с десяти вечера. Следите за сигналом. Пока никаких сношений с городом, а дальше... будет зависеть от вас... Доверие надо заслужить...

Сегодня в замке должна состояться встреча конструктора Ганса Вульфа с полковником Цвельтом, помощником начальника разведцентра «ОСТ».

Под вечер, когда закат позолотил далёкие лесистые вершины гор, часовой заметил мчащиеся по асфальтовому шоссе машины.

— Едут!..

— Едут!.. Едут!.. — эхом пронеслось по залам и коридорам замка.

Через полчаса полковник Цвельт и конструктор Вульф сидели за круглым столом в зеркальном зале с куполообразным ажурным потолком из разноцветного стекла. Огромные зеркала, обилие падающего сквозь стеклянный купол света придавали небольшому помещению, устланному звериными шкурами, впечатление простора и лёгкости. Вошёл офицер и молча положил перед Цвельтом папку. Полковник так же молча раскрыл её, подал большой фотоснимок конструктору. Тот долго его рассматривал, потом не спеша поднял глаза.

— Вы правы, полковник. Это чертёж одной из де-

талей реактивного двигателя. Думается, камеры сгорания... Но увы! По этой детали невозможно ни создать двигатель, ни разгадать замысел изобретателя.

Цвельт подал второй снимок. Конструктор снова углубился в читку чертежа.

— Та же деталь, только в разрезе, — сказал он через минуту. — Вы понимаете, господин Цвельт, насколько бездарен снимок? Самое важное заслонено фигурой человека.

Полковник поднял палец и спросил подскочившего к нему офицера:

— Кто фотографировал?

— «Брюнет-прима», герр полковник.

— Сообщите «Консулу» от имени адмирала: «Брюнет» — болван!

— Есть сообщить: «Брюнет» — болван!

— Нужно немедленно приставить к изобретателю опытных разведчиков! — заметил Вульф.

— Герр полковник, получены сведения: изобретатель уехал в командировку в Крым.

— Что?! — повысил голос конструктор. — Полковник, примите все меры: изобретатель должен быть доставлен сюда. Приглашаю моим заместителем... Сколько ему лет?

— Попробуйте определить, — сказал полковник, протягивая ещё один снимок.

— Споряну Антон Савельевич, — прочитал конструктор. — Совсем ещё юнец! — И после паузы раздражённо добавил: — Не понимаю одного, полковник: откуда американцам известно об изобретении этого инженера?

— Видимо, «Консул» работает на два фронта.

Конструктор задумался. Ещё раз внимательно просмотрел фотоснимки чертежей, отодвинул их полковнику, глубоко вздохнул и сказал:

— Постарайтесь заполучить настоящие чертежи, ещё лучше — самого изобретателя... Это должно быть сделано любой ценой!..

— Установлено, где он? — обернулся полковник к офицеру разведки.

— На самолёте прибыл в Симферополь. С аэродро-

ма с группой учёных выехал в направлении Коктебеля, куда именно — уточняется.

— Разыскать инженера Споряну и доставить сюда. Сообщите «Корнету». Средств не жалеть! — отчеканил полковник.

— Все расходы принимаю на себя, — добавил конструктор, небрежно откинув монокль.

Цвельт отпустил офицера и приказал сервировать стол для ужина. Потом закурил папиросу и, пристально глядя на знаменитого конструктора самолётов, сказал с расстановкой:

— Вас удивляет, что за океаном известно об изобретении инженера Споряну. А меня куда больше удивляет другое: как чертежи вашего нового истребителя оказались в сейфах «Дженерал моторс»?

Конструктор недоумевающе посмотрел на собеседника, придвинулся вплотную к столу и сказал приглушённым голосом:

— Шутить изволите?!

— Нет, нам не до шуток. Вас обокрали — вот в чём дело.

— Обокрали... — повторил конструктор, глядя на распластавшуюся перед ним шкуру бенгальского тигра. Потом резко повернулся к Цвельту. — Значит, в моём конструкторском бюро шпионы! Но кто? Ведь у меня все специалисты — немцы, проверенные люди.

— Видимо, плохо проверены, — спокойно заметил Цвельт.

— Да-а-а... Но кто же? Кто?.. — задумчиво повторял Вульф, в то же время упорно думая о чертежах инженера Споряну, прикидывая в уме: «На какое горючее мог рассчитывать Споряну, конструируя такую камеру, определяя такие габариты для выходных газов?..» Конструктор сидел, опершись лбом о ладонь левой руки, и смотрел в пространство, мимо Цвельта. Из раздумья его вывел голос:

— Кушать подано.

Вульф устало поднялся и заключил свои мысли в слух:

— Конструкция Споряну необычайно оригинальна.

Вероятно, его двигатель обладает большими мощностями, доселе не известными.

За весь вечер конструктор не произнёс больше на эту тему ни слова. Только когда сел в свой «Опель-адмирал», сказал, пожимая руку Цвельту:

— Если разыщете инженера Споряну и переправите ко мне, буду весьма обязан.

Комфортабельные машины покатались под уклон, шурша по асфальту шинами. А в это время в одной из комнат замка радист уже выстукивал резиденту разведки в Крыму приказ адмирала Ландэ о розыске и похищении конструктора Споряну.

ГЛАВА IX

АСПИРАНТ ЛЕСНОГО ИНСТИТУТА

Адмирал Ландэ молча выслушал доклад полковника Цвельта о встрече с конструктором в замке фрау фон Бретт, постучал карандашом по столу и откинулся в кресле:

— Значит, Вульф заинтересован чертежами?

— Очень. И, как мне показалось, несколько обеспокоен тем, что из снимков нельзя понять существа изобретения.

Несколько минут адмирал сидел молча, покручивая заводную головку ручных часов. Цвельт наблюдал за каждым его движением, стараясь понять, предугадать намерения своего шефа. Но руководитель разведцентра «ОСТ» адмирал Ландэ был непроницаем. Казалось, он настолько озадачен, что не находит выхода.

— Что известно о студенте? — неожиданно для Цвельта спросил адмирал, не поворачивая головы.

— Переброшен в Самгунь. Готовится к поступлению в аспирантуру Лесного института.

— Чем вызвана переброска?

— Институт и лаборатория Кремлёва переводятся в Самгунь. Студент пока устанавливает связи, знаком-

ства, изучает экономику района, расположение военных заводов, закрытых лабораторий.

— Послать ориентировку. Главное — изобретение Споряну, работы профессора Кремлёва. Нам важны все мелочи, относящиеся к делам Споряну и Кремлёва: разговоры, упоминания в переписке, круг знакомых, родственников, друзья и особенно враги. За наукой и славой по пятам следует зависть. Её и надо использовать во всей полноте.

Адмирал снова умолк, прищурился, рассматривая чернильный прибор на столе. Пальцы правой руки легли на карандаш. Адмирал придвинул листок бумаги и начал набрасывать контуры чёртиков, время от времени задавая Цвельту вопросы.

— А как барон?

— Продолжает вояж. Знакомится с обстановкой в «Лесной каравелле».

— Впечатления?

— Доволен. Склонен обосновать там свою резиденцию.

— А замок фон Бретт?

— Оставляет в нашем распоряжении.

— Это решено и без него. Приставьте к барону «глаза», да поопытнее.

— Будет исполнено.

— Да, господин Цвельт, не следует ли переконспирировать студента?

— В каком смысле, адмирал?

— Установить другой девиз и дополнительное наблюдение. Всё-таки он родился в России. Его может потянуть в «родные пенаты». Как вы думаете, не переметнётся ли он к генералу Галаджи?.. Это опасный соперник.

— Не думаю, адмирал. Немец остаётся немцем, где бы он ни родился.

— Глупости говорите, полковник. Паулюс тоже был немцем. Паулюс!.. Нужно как можно больше перепроверять. Понятно?

— Это непреложный закон разведки адмирал. Но студент в наших руках. Для Галаджи он дезертир, предатель. Там его ждёт только одно — тюрьма.

— Знаю. Но разве вы не использовали бы аналогичного субъекта из советской разведки, если бы он оказался в ваших руках? Сразу же посадили бы в тюрьму или?..

— Скорее «или», адмирал.

— Вот это логично...— После паузы адмирал пояснил: — К тому же это отпрыск не такого-то уж надёжного племени. Обратите внимание: отец в 1915 году попал в плен к русским. Не воспользовался ни одной возможностью вернуться на родину, а прожил до конца жизни в России. Это не из тех немцев, которые работали на нас и жили по нашим инструкциям.

Адмирал замолчал, продолжая разрисовывать силуэты чёртиков. А полковник Цвельт думал о том, насколько безбрежна память адмирала, насколько дальновиден этот представитель «тайных пружин», движущих политику...

Наконец адмирал отодвинул листок с чёртиками, положил карандаш и взглянул на Цвельта.

— Вот так, полковник. Надо иметь в виду даже далёкое прошлое своих подчинённых. Вы должны помнить, что кое-какие болезни передаются и по наследству... Впрочем, ближе к делу.— Он достал из стола блокнот в массивном кожаном переплёте и начал перебирать страницы по алфавиту.— Попробуем необычную кличку. Запишите. Аспирант Лесного института Николай Руссель — «Местная почта». Под этим девизом он должен поработать некоторое время. Все его сообщения взять под особый контроль. Если что-нибудь просочится в другие руки — убрать.

Адмирал встал, дав понять, что разговор окончен. Цвельт направился к выходу, но адмирал остановил его:

— Поручите тщательно обследовать замок барона фон Бретт. Перенесём туда вторую квартиру. Установить рацию.

— Телефоны?

— И телефоны. Все средства связи.

— А как быть с прислугой барона?

— Старик-ключник, по-моему, не представляет опасности. Ваше мнение, полковник?

— Иржи Томмах сам по себе не опасен. Проверим его окружение, связи...

— И как можно тщательнее.

— Будет исполнено.

— Действуйте, полковник.

Цвельт вышел, адмирал позвонил шефу школы разведки — «Колледж Экономик», потребовал доставить личное дело Николая Русселя. Раскрыв папку с личным делом Русселя, адмирал Ландэ подумал: «Не излишни ли мои подозрения? Может, именно Руссель и проникнет туда, куда нам нужно». Он закрыл папку, положил её в сейф и подошёл к окну. Вдали виднелись снежные вершины высоких гор. А там, за ними, далеко на востоке, была тайна, которая становилась всё более интригующей и недоступной.

ГЛАВА X

«МЕСТНАЯ ПОЧТА»

Разговор с полковником Цвельтом заставил адмирала Ландэ особенно внимательно изучать донесения агентов зоны «СА» и, прежде всего, шифровки «Брюнета-прима». Недавно от него поступилосторажающее сообщение. «Брюнет-прима» доносил:

«...Каждую субботу, в одно и то же время, агент «Местная почта» приезжает на одну и ту же многолюдную дачную станцию, идёт на почту, сдаёт пакет «Простая бандероль» и возвращается обратно. Не исключено, что столь беспечные действия привлекут (если ещё не привлекли) внимание не только работников станции и почтового отделения...»

В тот же день адмирал принял необходимые меры против ротозейства «Местной почты». И теперь следил за сообщениями «Брюнета-прима». Пока ничего тревожного он не находил.

Неосмотрительные действия «Местной почты» были не простым фактом беспечности. Николай Руссель совершал эти «проступки» преднамеренно. Он давно решил порвать с разведцентром «ОСТ» и любой ценой

искупить вину перед своей Родиной. Но как это лучше сделать, он не знал. Тяжёлый груз прежних преступлений и страх за свою жизнь заставляли его искать не совсем обычные пути. Пойти в органы КГБ и рассказать всё — самый простой выход. Но ему хотелось не просто разоблачить своих хозяев, а работать против них, обезвреживать, расстраивать их замыслы. Поверят ли ему? Наконец он решил встать на избранный им самим путь: написал коротенькую записку в Самгунское Управление КГБ, в которой сообщал:

«... На станцию Д. каждую субботу, в семь часов вечера приезжает молодой человек в тёмносером спортивном костюме, в зелёной велюровой шляпе. На груди фотоаппарат «Лейка». В боковом кармане пиджака ручка и карандаш с хромированной оправой... Отправив пакет, возвращается в город.

Очевидец».

В субботу Руссель приехал на станцию Д., сдал письма; одно — «Самгунь. Почтовый ящик 45. Инженеру Артюхову», другое (копия) — «Самгунь. Управление КГБ. Начальнику». Но ни на перроне, ни на почте никто к нему не подошёл. Он зашёл в буфет, взял бокал пива и занял свободный столик. Подошёл ещё один дачный поезд. В буфет зашло несколько мужчин. Один из них присел к столу аспиранта. Разговорились. Когда аспирант собрался уходить, сосед по столу спросил:

— Вам в Самгунь?

— Да. Вот жду поезда.

— Поезд придёт через час, не раньше. Я здесь на машине. Если желаете, подвезу. Через полчаса будем в Самгуни.

Аспирант согласился. «Почему бы не проехать на машине,— думал он.— Всё равно теперь уже никто не встретит. Видимо, записка ещё не дошла». Когда машина вышла на лесной участок дороги, её владелец попросил шофёра **остановиться**.

— Цветы здесь хорошие. Идёмте, нарвём по букету. Поднесёте знакомой девушке,— сказал он, обращаясь к аспиранту.— Девчата любят цветы...

Они вышли на лужайку. Начали рвать цветы. Владелец машины нарвал большой букет и протянул его аспиранту, улыбаясь:

— Возьмите, Николай Руссель...

Аспирант поднял недоумённый взгляд.

— Полковник Вересаев, — представился незнакомец, — из Управления КГБ. Мы вас знаем не только как аспиранта. Садитесь, поговорим. — Они опустились на траву. — Продолжайте работать попрежнему на разведцентр «ОСТ». Нам ничего не посылайте. Нет необходимости... Прекратите посылать почту с одной и той же станции. Понятно?

— Понятно. Но я бы хотел рассказать вам...

— Для этого я и встретился с вами. Говорите.

Руссель рассказал полковнику всё, что знал о разведцентре «ОСТ» и его людях. Тот внимательно его выслушал и предупредил ещё раз:

— Продолжайте работать в том же духе. И помните, что работаете на нас. Пусть вас не беспокоит такая форма связи. Через явки разведцентра нам удобнее наблюдать за вашей работой: не ведёте ли вы... двойной игры?

— Да как же я могу, я ведь чистосердечно...

— Ничего, ничего, — перебил его Вересаев. — Мы в этом сможем убедиться сами. Ну, пока всё. Да, ещё один совет: самая придирчивая к себе осторожность. Старайтесь держаться как можно осмотрительнее. Вы нам будете нужны, когда — покажет время. Согласны?

— Конечно.

— Вы, кажется, майор?

— Так точно.

— Звание о многом говорит. Адмирал Ландэ ждёт от вас больших дел. А мы... Но это несколько позднее. — Вересаев поднялся. — В случае необходимости звоните Ж-05-00. Вы для нас: Ярусов Николай Климович, запомните и звоните от этого имени — майор Ярусов.

Всю дорогу до Самгуни они ехали молча. На окраине города Вересаев остановил машину:

— Отсюда проедете до института на автобусе. Так лучше.

Он пожал руку и скрылся в тени дачного переулка. А аспирант две остановки прошёл пешком, потом сел в догнавший его автобус.

ГЛАВА XI

ВАРИАНТ «М»

Через три дня после встречи полковника Цвельта с конструктором Вульфом, адмирал Ландэ сидел в своём кабинете, ожидая Цвельта с докладом по операции «вариант «М». Он назначил встречу в двадцать ноль-ноль, явился сам за пять минут и сейчас нетерпеливо посматривал на часы. Одновременно с первым ударом стенных часов адмирал услышал отчётливый голос Цвельта:

— Разрешите, герр адмирал?..

— Прошу. Какие новости от «Корнета»?..

Цвельт раскрыл папку и протянул адмиралу донесение. Адмирал Ландэ одел пенсне, бегло прочёл первые строки и улыбнулся. «Корнет» сообщал:

«... Конструктор Споряну находится в районе Коктебеля. Предстоят испытания. Подробности неизвестны. В одном из санаториев Ялты отдыхает Зинаида Кремлёва. Ждёт встречи со Споряну. План «варианта «М» реален. Обстановка на «Розовой даче» благоприятна. Пятнадцатого ночью инженер Споряну будет похищён и на глиссере хозяина дачи доставлен на борт подводной лодки. Пароль: «шторм». Сигнал окончания операции — дымящий самовар на столе веранды...»

— Предупредили командира подводной лодки?

— Так точно, герр адмирал. Ганс Ульрих проинструктирован.

Адмирал раскрыл положенную Цвельтом папку и начал перелистывать документы.

— Значит, сведения о передвижении института и лаборатории Кремлёва в район Самгуни подтверждаются?

— Факт достоверный, герр адмирал. «Брюнет-прима» и «Консул» сообщают то же.

Адмирал задал ещё несколько вопросов, потом

взял бюллетень прогнозов, откинулся в кресле и сказал:

— В районе Крыма восьмibalльный ветер... Шторм... Да, может всё расстроить... Что вы думаете, полковник, о складывающейся ситуации?

— Район «Розовой дачи» с востока защищён от ветра. Нет оснований опасаться. Ганс Ульрих опытный моряк.

В те минуты, когда адмирал Ландэ посматривал на часы, поджидая полковника Цвельта, в скромном домике на Алуштинском шоссе в Ялте квартирант и хозяин сидели за бутылкой крымского муската. После нескольких рюмок выдававший себя за синоптика Таймыра — разведчик «Корнет» подсел поближе к повеселевшему хозяину, положил руку на плечо и начал шутливо упрекать его:

— Живу я у вас, Пал Саныч, второй месяц. Заплатил за весь курортный сезон за «Розовую дачу» и за комнату в городе. Кажется, ничем не стесняю: ухожу рано, возвращаюсь поздно, а иногда и не прихожу с дачи по два-три дня.

— Мы с хозяйкой довольны, — добродушно заметил Пал Саныч, — часто говорим между собой: «Хороший парень попался: не пьёт и подружек домой не водит. Не то, что в прошлом году: каждый день пьяные компании, женщины — дым коромыслом всё лето». А вы — совсем другое дело. Будто вас и нет...

— Об этом я и говорю, а вы всё сторонитесь меня...

— Как так сторонимся? — перебил хозяин. — И не думайте ничего такого. Вы у нас как родной... И на будущее лето, пожалуйста, моя дача в вашем распоряжении. Только дайте знать.

— Пал Саныч! А сейчас вы смогли бы выполнить одну или две мои просьбы?

— Какие просьбы? — насторожился хозяин.

— Самые простые. Вы работаете на глассере в порту. А никогда не пригласите покататься. Имеете свою «Победу», а ни разу в Симферополь вместе не съездили. Заплачу не хуже других.

— Ну, это можно хоть завтра. Я ведь не знал, что

могу доставить удовольствие. Пожалуйста, хоть завтра.

— Завтра я не смогу. Мы договорились посидеть за преферансом. А позднее, я скажу, в какой день, был бы вам очень обязан, если бы вы приехали за мной на глассере.

— Скажите когда, куда — обязательно приеду.

— А вторая просьба ещё проще. С завтрашнего дня вы — мой гид. Будете возить меня на своей «Победе» после работы, показывать достопримечательности Крыма. Какая для вас разница, кого возить? Я заплачу, конечно.

— Что ж, и это можно.

— Значит, договорились? Можно по рукам? — Он встал, открыл чемодан, достал ещё бутылку мускату. — Десятилетний. Из подвала «Масандры». Через преферанс раздобыл.

Налив по рюмке, он чокнулся с хозяином, продолжая начатый разговор...

Они засиделись допоздна.

Под утро над морем нависли свинцово-серые облака. Стал накрапывать дождь. Проснувшись раньше обычного, Споряну вышел на улицу. С моря доносился глухой шум прибоя. Ветер крепчал.

«Испытания, видимо, отложат,— подумал Споряну.— Нельзя вести наблюдения. А может, поднимутся на самолётах, будут вести наблюдения из-за облаков.

— Доброе утро,— услышал он за спиной знакомый голос, обернулся.

— Доброе утро, Владимир Петрович... Облачность увеличивается. К тому же ветер... Вряд ли начнутся испытания.

— Да, погода неблагоприятна... А может, ещё прояснится... Хотя наблюдения предполагалось вести не только с земли, но и с самолётов. Вот ветер с моря — помеха серьёзная. Пожалуй, рискованно при таком направлении... Придётся сделать разведку облачности с самолёта.

Споряну слушал инженера испытательной груп-

пы — Владимира Петровича Кремлёва, соглашался с его опасениями, а сам в душе был доволен. «Если испытания отложат на день-два, съезжу, — думал он, — в Ялту, навещу Зиночку. Наверно, волнуется, что не встретились на аэродроме. Ещё подумает ни-весть что...» Когда Владимир Петрович умолк, наблюдая за быстро пролетающими облаками, Споряну достал портсигар, предложил папиросу Владимиру Петровичу, закурил и тоже посмотрел вверх.

— Может, ещё прояснится, — сказал он неуверенно.

— Вряд ли, Антон Савельевич. Облака, может, и пронесёт. Но направление ветра — более серьёзная помеха. Эксперимент не свободен от риска. А рисковать в пору курортного сезона, когда в Крыму сотни тысяч отдыхающих, да ещё в такую погоду... Пойти на это никто не решится. Видимо, повременим день-два. Понаблюдаем за изменением воздушных течений.

— А я съезжу в Балаклаву, посмотрю новинку.

— Поговорите с руководителем испытаний, можно ли отлучиться.

— Мне ненадолго. Думаю, на день разрешат.

Владимира Петровича позвали. Споряну остался один. Мысли бежали одна за другой. В душе он был доволен тем, что погода испортилась, что испытания отодвинутся. «Побываю в Балаклаве, — думал он, — посмотрю, что за двигатель у иностранца. Познакомлюсь пока в общих чертах. Может, потребуется разоб-рать, перевезти его...»

— Антон Савельевич! — донёсся голос. — Зайдите-ка сюда.

Споряну пошёл в помещение, продолжая думать о двигателе и о том, когда же поехать в Ялту к Зине, и решил, что сначала познакомится с машиной, а Зине позвонит по дороге в Балаклаву или пошлёт телеграмму. Когда он поднимался на террасу, налетела полоса дождя. Из помещения донёсся разговор:

— Обратите внимание, дождь усиливается, а грома не слышно. Нет, это не кратковременная гроза. Такой дождь может длиться сутки.

— Возможно, вполне возможно, Владимир Петро-

вич. Облачность сплошная и очень низкая — не грозового характера.

— А главное — ветер с моря.

— Да, направление ветра нежелательное.

Споряну вошёл в комнату, поздоровался. Зазвонил телефон. Владимир Петрович взял трубку:

— Затяжная облачность, говорите?.. Конечно, конечно, целесообразнее отложить... Профессор Хрусталёв здесь. Да, да, он такого же мнения... Передаю трубку.

Профессор машинально одел роговые очки, будто готовился читать что-нибудь, придвинул листок бумаги, открыл авторучку и взял трубку:

— Здравствуйте... Не совсем доброе, Михаил Михайлович... затянуло весь горизонт... Да, да — похоже, надолго... Дождь от Новороссийска до Каховки?.. Да и перемещение облачности для нас невыгодное. Вряд ли скоро прояснится. Хорошо, если погода определится к исходу суток. А как над морем?..

Положив трубку, профессор снял очки и озадаченно покачал головой:

— Непредвиденные обстоятельства. Из-за погоды испытания рекомендуют отложить на сутки...

Споряну встретился взглядом с Владимиром Петровичем, улыбнулся. Профессор заметил это и сказал неодобрительно:

— А кое-кому это нравится...

— Споряну улыбается по другому поводу, профессор. У него есть ещё одно срочное задание.

— Догадываюсь,— кивнул профессор.— Уж очень пристально он искал это «срочное задание» среди встречающих, когда проезжали Симферопольский аэровокзал...

Споряну бросил на профессора недовольный взгляд, но сдержал себя и сказал как можно спокойнее:

— Можно ли, профессор, отлучиться и на какое время? Я должен побывать в штабе гидроавиации, в Балаклаве.

— Значит, действительно есть задание?..

— И очень важное, профессор. Специальное задание начальника ЦАВИ...

— Прошу простить неуместный намёк, Антон Савельевич. Вы вольный казак и мне не подвластны. Испытания откладываются на сутки. Если успеете обернуться — вам виднее.

— Вполне успею, профессор. Эта поездка необходима, чтобы условиться о времени и месте. Детальное знакомство с объектом предстоит позднее, после ваших испытаний.

— Ну что ж... Только оставьте Владимиру Петровичу свои координаты, чтобы можно было вас найти в случае изменения обстановки.

— С Владимиром Петровичем мы условимся.

Через полчаса профессор уехал в Симферополь. Следом за ним выехал Споряну. А ещё через полчаса квартирант Пал Саныча в Ялте одел свой серый плащ, кепи и пошёл к директору санатория «сражаться» в преферанс. Он расположился так, чтобы через дверь балкона второго этажа было видно всё, что происходит в корпусе напротив, в комнате Зины Кремлёвой.

ГЛАВА XII

ПОСЛЕ БАЛАКЛАВЫ

— Инженер Споряну, — доложил дежурный.

Майор Медведев отодвинул бумаги, прищурился, перебирая в памяти, кому принадлежит эта фамилия: «Что-то знакомое... А-а-а, конструктор ЦАВИ по поводу подбитого самолёта». — Майор встал, вышел из-за стола, поправил пояс и сказал дежурному:

— Просите... И вызовите инженера отряда.

Майор обвёл беглым взглядом появившегося в дверях Споряну, шагнул навстречу и подал руку:

— Медведев.

— Споряну.

— Прошу садиться.

Споряну опустил на стул. Вошёл инженер отряда. Майор Медведев указал взглядом на свободный стул:

— Садитесь, Михаил Андреевич, знакомьтесь — инженер Споряну. Приехал посмотреть, как выглядит иностранец после вынужденной морской ванны.

— Очень приятно, инженер отряда Столяров.

— Споряну — из ЦАВИ.

— Эту штуку стоит посмотреть, — заметил майор, возвращая Споряну разрешение на право посещения базы. — Для вас особенно важно познакомиться с конструкцией двигателя.

— Интересен именно двигатель, — подтвердил инженер Столяров. — Он многим отличается от известных реактивных.

— Когда вы могли бы показать мне эту новинку? — осведомился Споряну. — Я приехал ненадолго, пока только познакомиться, договориться о времени демонстрация двигателя. Но любопытно посмотреть его конструкцию.

— Инженер Столяров познакомит вас. С ним договоритесь и о времени последующих встреч.

Споряну посмотрел на часы.

— Сейчас без четверти двенадцать. Я располагаю временем до шести.

— Михаил Андреевич, прошу заняться с товарищем Споряну, — сказал майор Медведев и поднялся. — В восемь ноль-ноль явитесь к командиру отряда. Надеюсь, до восьми освободитесь?

— Что вы, товарищ майор, — возразил Споряну. — Самое большее через три часа инженер Столяров будет свободен.

— Ну, желаю успехов.

Споряну и Столяров вышли на улицу.

— Прошу сюда, направо.

Они свернули на посыпанную жёлтым песком дорожку и направились к видневшемуся в полукилометре ангару.

— Если не секрет, товарищ Столяров, при каких обстоятельствах попал к вам иностранец?

— Особого секрета в этом нет. Однажды под утро звено патрульных истребителей обнаружило его на высоте пятнадцати километров. Скользил в пологом пике со стороны морской границы. Истребители ради-

ровали на базу, пристроились в хвост непрошенному гостю, предупредили, что он над чужой территорией и потребовали следовать за ними.

— А он открыл огонь...

— Нет, не сразу. Выкинул три струи белого тумана и под прикрытием этой завесы начал резко набирать высоту, продолжая полёт вглубь нашей территории. Открыл огонь. Повредил один из наших испребителей. Пришлось взяться за гашетки... Налётчик пытался уйти в сторону моря, резко спикировал, а потом развернулся и упал в море, неподалёку от берега.

Они вошли в ангар. Столяров откинул брезент.

— Вот он, полюбуйтеесь...

Споряну постучал по фюзеляжу, определяя марку металла. Его заинтересовала сохранившаяся местами, точно хромированная, поверхность фюзеляжа. «Насколько, — думал Споряну, — это уменьшает трение и сопротивление воздуха? Это должно давать значительный выигрыш в скорости». Он присел на корточки, рассматривая выходные отверстия газовых камер. Измерил их, записал результаты в блокноте. Потом долго сидел неподвижно, думая о том, почему патрон выходных газов имеет три выступающих форсунки? Что даёт углублённое кольцо выхлопного жерла: усиливает разрядку газов или направляет отдачу? Из какого металла сделано выхлопное жерло, почему на нём не заметно следов влияния морской воды?..

— Сколько дней самолёт находился в воде? — спросил Споряну.

— Дней пять-шесть...

— Интересно... Необходимо послать на анализ образцы металла: фюзеляжа, особенно выходных сопел.

Столяров записал в блокнот эти предложения. Споряну поднялся на крыло и спустился в кабину самолёта. Больше часа находился он там, записывая что-то в блокнот, обмениваясь односложными фразами с инженером Столяровым. Наконец, вышел из кабины, соскочил с крыла на землю, отошёл на несколько метров, задумался.

— Оригинальная машина, — сказал он после длительного молчаливого созерцания. — Прошу вас вы-

делить опытного авиатехника и трёх рабочих. Демонтаж буду производить сам. Приеду дня через три, а если задержусь, пришлю телеграмму.

Он достал платок, тщательно вытер руки, посмотрел на часы.

— Как время летит... Кажется, только что пришли, а уже без четверти три. Прошу извинить, что задержал. Очень любопытная конструкция.

Споряну вышел из ангара, рассказывая о своих первых впечатлениях. Поравнявшись со зданием штаба, они остановились.

— Извините за беспокойство, товарищ Столяров. Вернусь, поговорим обстоятельнее.

— Всего хорошего. Приезжайте, будете гостем.

Они обменялись рукопожатиями. Узнав, что начальник штаба выехал в город, Споряну попросил Столярова извиниться за поспешный отъезд и сел в машину. Через несколько минут «Победа» оставила две нитки колеи на склоне и скрылась за холмом.

Споряну сидел на заднем сиденье, перечитывая и обдумывая беглые записи в блокноте. Потом задумался, всматриваясь в покрытую белыми барашками свинцовую даль моря. Вспомнилась Зина. «Обязательно заеду в Ялту на пару часов. К ночи успею ещё вернуться», — решил Споряну и спросил шофёра:

— В Ялту дорогу знаете?

— Конечно.

— Сколько часов езды?

— Часа два. Можно и за час, если нервы не сдадут на поворотах. Дорога — сказка.

Споряну помолчал, посмотрел ещё раз на бушующее море, глубоко вздохнул и сказал нетерпеливо:

— В Ялту, только побыстрее...

— Есть в Ялту, — отозвался шофёр, набирая скорость.

Временами Споряну казалось, что машина летит по воздуху. На крутых поворотах он невольно хватался за переднее сидение. Шофёр ехал лихо, как умеют водить машины только шофёры Крыма и Кавказа. Вскоре они подъехали к Ялте. Споряну занял номер в гостинице, привёл себя в порядок и вышел на набереж-

ную. Пройдя квартала два по направлению к санаторию, в котором отдыхала Зина Кремлёва, он услышал позади себя знакомый голос:

— Тоня!..

Споряну обернулся. По асфальту набережной к нему бежала Зина.

— Ты откуда, Тоня? А я тогда целый день ждала тебя на аэродроме. Передумала кто его знает что...

— Здравствуй, Зиночка!.. Я знал, что ты волнуешься. Но предупредить никак не мог. Наш самолёт приземлился на учебном поле. Оттуда автобусом нас увезли, минуя аэровокзал.

— Я знаю, Тоня...

— Откуда? Разве ты видела нас?

— Нет, не видела. Мне по дороге один гражданин рассказал, что ваш самолёт приземлился на другом поле.

— Какой гражданин? Откуда он знает о нашем приезде?

— Он говорил, что был рядом, и добавил, что если тот, кого я жду, прилетел спецрейсом, то он уже уехал на автобусе.

— Болтун это какой-то, — резко сказал Споряну и взял Зину под руку.

— Я каждый день встречаю его на улице и даже заметила, что он наблюдает за мной с балкона, расположенного против моей комнаты.

Они прошли вдоль набережной до самого конца, свернули в переулок и скрылись за поворотом улицы, идущей к парку. В гостиницу Споряну возвратился поздно, позвонил Владимиру Петровичу в Симферополь, сообщил свой адрес и лёг в постель.

Он долго ворочался, курил и то думал о болтливом мужчине в сером плаще, то с беспокойством ждал звонка или телеграммы. Вставал, выходил на балкон, прислушивался к ворчливой песне морского прибоя, ложился в постель, и снова его мысли переносились то к Зине, то в Коктебель, то в ангар учебного отряда.

— Когда-нибудь должен же утихнуть ветер, — сказал он громко и повернулся лицом к стене.

Отяжелевшие веки начали медленно смежаться, и

через несколько минут в комнате наступила тишина, нарушаемая только дыханием беспокойно спавшего человека.

Долго не спала в эту ночь и Зина Кремлёва. Ей казалось, что человек в сером плаще следит за ней. Она напряжённо прислушивалась к шорохам за окном, вскакивала при каждом новом звуке, долетавшем с улицы.

Несколько раз до её слуха доносились резкие телефонные звонки и приглушенный голос дежурного. Она ловила себя на мысли о том, что ни на минуту не перестаёт думать о Споряну.

В четыре часа утра Споряну разбудил стук в дверь.

— Вас просят к телефону,— донёсся из коридора голос дежурного.

— Переключите на мой номер,— ответил Споряну и вскочил с кровати. Он снял трубку и, услышав показавшийся незнакомым голос, машинально ответил:

— Доброе утро, Владимир Петрович! Я вас слушаю... В семь часов запуск? Да, да, сейчас же выезжаю. До свидания.

Споряну положил трубку, задумался. «Надо предупредить Зиночку», — мелькнула мысль. Он набрал номер санатория.

— Позовите, пожалуйста, Зинаиду Петровну Кремлёву. Двадцать пятая комната.

Женский голос резко ответил:

— Вам дня мало, гражданин? Утра дожждаться не можете? Это же санаторий. Санаторий, понимаете?

Женщина положила трубку. Споряну недоуменно пожал плечами. Позвонил в гараж гостиницы, предупредил шофёра о немедленном выезде. Снова набрал номер санатория. Другой, более приветливый женский голос ответил:

— Говорит дежурный врач. Прошу ночью не беспокоить отдыхающих.

Споряну посмотрел на часы: «Чтобы не опоздать, нужно выехать немедленно. Пока доеду до санатория, пока уговорю дежурного вызвать Зиночку, пройдёт полчаса, если не больше. Опоздаю... Позвоню лучше из Коктебеля», Он быстро оделся, написал записку и,

передав её швейцару, вышел на улицу и сел в машину.

В пути он задумался над неожиданностью вызова: «Странно... Ветер, пожалуй, сильнее, чем вчера, идёт дождь, а они решили проводить испытания... Непонятно... Может, в Коктебеле прояснилось?» Успокоив себя этим, он устроился поудобнее на сидении и предавался размышлениям.

В это время навстречу ему из Симферополя мчалась на огромной скорости «Победа». На заднем её сидении, подняв воротник серого плаща, сдвинув на глаза козырёк кепи, сидел постоялец Пал Саныча — шпион «Корнет». Он поминутно посматривал на ручные часы, торопил шофёра:

— Быстрее, опаздываю. Держите на 80 километров. Заплачу...

— Мы и так летим, будто навстречу смерти, — ворчливо ответил шофёр. — Здесь и днём не разрешается набирать больше тридцати километров. А нас леший гонит со скоростью 65—70 километров... Перекувыркнёмся где-нибудь на повороте...

Забрезжил рассвет. Дорога пошла по карнизу отвесного обрыва. «Корнет» положил руку на плечо шофёра и с силой сжал его:

— Слушайте внимательно. Скоро за поворотом будет небольшое ущелье. Перед ним остановите машину. Заедете в ущелье — потушите фары и ждите меня... Через полчаса поедem дальше.

Машина обогнула каменный мыс и остановилась.

— Здесь? — спросил шофёр.

— Да, здесь. Отъездыте подальше и ждите свистка. Получите вперёд. — Он сунул в руку шофёра несколько десятирублёвок и добавил: — Столько же получите в конце пути, в девять утра.

«Корнет» вышел из машины, проводил её пристальным взглядом, пока она вошла в боковую расселину, и вышел на край обрыва. «Туда, в пропасть, не рискнёт прыгнуть, — прикидывал он, — а слева отвесная стена — не заберёшься...» Прошло десять минут. Стояла тишина, моросил мелкий дождь. Минут через двадцать вдали блеснули огни приближающейся ма-

шины. «Корнет» положил что-то поперёк дороги и, разматывая провод, отошёл за большой камень. В руке блеснул свет ручного фонаря. Прикрывая его ладонью, «Корнет» присоединил конец провода к фонарику, выключил свет и стал ждать, прижавшись плечом к ребру камня. Вдали снова мелькнули огни фар и погасли. Прошло не менее часа. «Корнет» нервничал, догадываясь, что у машины Споряну спустился скат. Но идти навстречу было бессмысленно.

Наконец, снова донёсся рокот заведённого мотора. «Корнет» прильнул к камню, не сводя глаз с приближающейся машины. «Только бы не свалилась в ущелье,— думал он,— а остальное приложится само собой. Споряну ездит всегда на заднем сидении. Его только может оглушить. А шофёр... одним свидетелем меньше». Вот уже машина вынырнула из-за последнего уступа. Осталось не больше километра. «Корнет» нервно переступал с ноги на ногу, как бы готовясь к прыжку. Вот машина уже в двадцати, десяти, пяти метрах.

В тот момент, когда «Корнет» уже собирался нажать рычаг динамика ручного фонаря, шофёр заметил подозрительный предмет на пути и резко повернул машину прямо на камень, за которым укрылся диверсант. Раздался взрыв, звон разбитых стёкол и протяжный стон человека. Сквозь пыль и дым взрыва «Корнет» прыгнул к машине. Споряну стоял рядом с кабиной убитого шофёра. «Корнет» занёс руку, рассчитывая оглушить инженера рукояткой пистолета, но Споряну почувствовал за спиной движение и резко обернулся. Удар пришёлся по плечу. Пистолет выскользнул из руки «Корнета», ударился о капот машины и отскочил в кювет. Споряну с силой ударил противника ногой в живот. «Корнет» скорчился от боли, но через одно-два мгновения кошкой прыгнул на Споряну.

Завязалась молчаливая схватка. Споряну понял, что противник ищет случая, чтобы нанести удар в сонное сплетение. Ударив его головой в нижнюю челюсть, Споряну отскочил, но не рассчитал, что за спиной обрыв, и полетел, как ему показалось, в бездонную пропасть. Два раза он сильно ударился о камен-

ные выступы, почувствовал резкую боль в руке, слышал, как затрещали ветки дерева, ощутил запах свежей хвои и... потерял сознание.

* * *

В 9 часов утра Зина Кремлёва пришла на набережную, но Споряну в условленном месте не оказалось. Подождав несколько минут, она пошла в гостиницу, но и там никто не мог ей объяснить, где Антон.

— Приехал вечером,— пояснил дежурный,— а ночью соскочил, как ошпаренный, всех взбудоражил и уехал... Странный какой-то человек...

Зина решила, что Антона срочно вызвали в Симферополь. «Но почему он не предупредил меня?» — думала она.

Вернувшись в санаторий, она спросила дежурного:

— Меня никто не спрашивал?

— Один гражданин принёс письмо из гостиницы.

Зина нетерпеливо разорвала конверт, присела на диван и стала читать. Письмо было от Споряну. Он писал карандашом, торопливым почерком:

«Дорогая Зинушка!

Очень виноват перед тобой, но иначе поступить не мог. Срочно вызвали. Извини, что уехал, не попрощавшись. Дозвониться не удалось.

Пора в машину. Думаю только о тебе, моя хорошая. Вечером, часов в шесть, позвоню.

До встречи. Обнимаю и крепко целую.

Твой Тоня».

Зина глубоко вздохнула и медленно пошла в свою комнату: «Куда же его вызвали,— думала она,— скоро ли вернётся?» А сердце стучало всё беспокойней и беспокойней, будто предвещало долгую разлуку, томительную грусть, тяжёлые переживания...

В «УЩЕЛЬЕ ОРЛОВ»

В эти дни в институте шла напряжённая работа. Правительство решило перевести институт со всеми лабораториями в Самгунь и там, на базе источников сырья, развернуть лаборатории профессора Кремлёва, создать Центральный научно-исследовательский институт специального топлива — ЦНИИСТ.

Пётр Кузьмич Кремлёв был польщён таким вниманием к его открытию и охотно согласился сменить обжитую квартиру, оставить большой, ставший уже родным город, но поставил условие — немедленно вернуть инженера Споряну из командировки и передать в штат ЦНИИСТ-а. Для этого у него были веские основания. Открытое им топливо и двигатель Споряну профессор считал единым целым, решающим одну и ту же проблему важного значения для технического прогресса всего народного хозяйства страны.

* * *

Начальник Крымского областного управления МВД, прислушиваясь к шагам в приёмной, выстукивал на крышке папиросной коробки ритм какой-то мелодии. Когда в открытой двери показался офицер, генерал нетерпеливо поднялся, не спуская с вошедшего укоризненного взгляда.

— Ну, как, нашли?..

— Нет, товарищ генерал. Инженер Споряну выехал из Ялты в Коктебель, но в пути исчез. Причины неизвестны.

— Нам нужен Споряну, а не описание происшествий... — Обернувшись к двери, он крикнул: — Адъютант!..

— Слушаю, товарищ генерал...

— Немедленно свяжитесь с начальником контрразведки майором Звездиным. — Взглянув на офицера, строгим тоном добавил: — Вы свободны!.. Ищите. Через два часа доложите. Если нужно, послать самолёт. Споряну к вечеру должен быть здесь!.. Ясно?..

Через час начальник МВД получил лаконичное сообщение: «Автомашина, в которой ехал инженер Споряну из Ялты в Коктебель, потерпела аварию. Шофёр убит. Споряну пропал без вести...»

А в это время за перевалом, в «Ущелье Орлов», ехал на телеге человек по прозвищу «Чёрная борода». Он работал на опытном участке комбината «Масандра» и сейчас пробирался в верховье ущелья на участок виноградников. А там его уже поджидала падчерица заведующего опытным полем Зульфы Мамедова. Она сидела на каменной ступеньке около двери домика, напоминавшего горскую саклю, и прислушивалась к журчанью ручейка, к голосам клекочущих на скалах орлов.

Услышав скрип колёс, Зульфа подняла голову, увидела Хикмата, который размахивал руками, крича:

— Гиде кароул? Спыш, што ли? Человек сильно больной¹.

Зульфа недоуменно пожала плечами и побежала навстречу. Она помогла Хикмату внести раненого в комнату и с тех пор почти не отходила от него. Вывезти больного в Алуштинскую больницу было невозможно. Ночью, после прошедшего накануне дождя, произошёл большой оползень, заваливший выход из «Ущелья Орлов». Можно было выбраться только звериной тропинкой, с большим риском даже для здорового человека.

Больной долгое время не приходил в сознание. Лишь к утру следующего дня он почувствовал нежное прикосновение чьей-то руки и открыл глаза. У его постели сидела девушка и нежно, чуть слышным прикосновением руки, гладила его волосы.

— Где я? — в полную силу лёгких, как показалось ему, крикнул Споряну.

Девушка с трудом расслышала сорвавшийся с его губ шёпот и начала утешать больного с такой лаской, на какую способны только матери.

---

¹ — Где сторож? Спишь, что ли?

— Спи, спи, милый. Не волнуйся. Раны пустяковые. Через неделю будешь ходить. И дорогу к тому времени восстановят.

Девушка поправила подушку, переложила удобнее голову и поднесла к губам больного ложку с водой.

— Испей чуточку, родной. Промочи во рту — сразу легче будет.

Споряну с трудом разжал челюсти и почувствовал тонкую струйку живительной влаги, побежавшую по языку. Ему показалось, что в комнате стало вдруг светлее. Посмотрев вокруг, он встретился взглядом с улыбающимися глазами девушки.

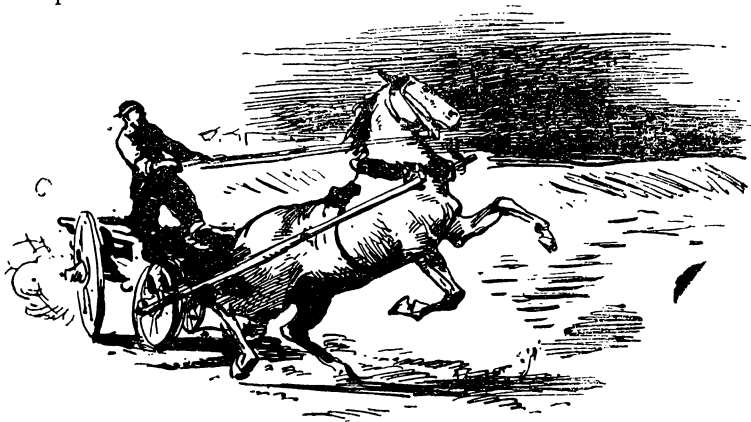
— Ещё ложечку, — умоляюще проговорила она, поддерживая своей горячей ладонью щеку больного.

Споряну покорно выполнил её просьбу. Потом чуть слышно произнёс:

— Где я?

Ответа он не расслышал. Ресницы медленно сомкнулись, и он снова впал в забытие.

Прошла неделя. Раны зарубцевались. Опухоль спала и на руке, покоящейся в марлевой повязке. Зульфа Мамедова не отходила от Антона ни на шаг. А если и отходила, то для того, чтобы принести прохладного винограда, душистых яблок или букет цветов. От неё он узнал и историю того, как он оказался в «Ущелье Орлов».

— Хикмат, бригадир нашего учхоза, — рассказывала она, — ехал с химикатами для фумигации виноградных плантаций. В ущелье на дороге он нашёл кепку, обрывок плаща. Стал осматриваться и заметил, что недалеко от дороги лежит вершина сломанного дерева, а под ней — ноги человека.

Встретившись с Хикматом, Споряну узнал об этом подробнее.

— Моя сидел бричка, — вспоминал Хикмат, сопровождая объяснения жестами, движениями плеч, мимикой. — Слышу, гудит на воздух шмель. Моя втянул голова плечи: шмель шипка больна жалит. Слышу — птичка поёт. Орёл стонаит. Лошади хвостом махают, мух гоняйт. Бричка поёт. Потом смотрю: таш-камень мелко-мелко с обрыва на дорога бежит. Моя думал: обвал начинался. Сразу смотрел наверху. Вижу — свежий дерево-агач лежит. Под ветка человек нога спрятал. Прочистил глаз. Вижу, человек с горы упался. Моя лошадь бросал — помогай бегал. Смотрю, человек веткам закрыт. Спит не спит, немножко воздух дыхает. Рука, лицо кровь насох. Вот я тебя и потащил на наша учаска. Твоя тепер жив. Скоро будем совсем здорова.

Хикмат хитровато подмигнул, вытаскивая из-за ворота свёрток, завязанный в носовой платок, и протянул его Споряну:

— Твоя документ. Моя карман их взял, когда твоя на телега тащил.

— Спасибо, Хикмат, спасибо.

Хикмат замолчал, обдумывая что-то. Потом встал, молча пожал руку и вышел. Через минуту вернулся и пояснил:

— Моя каждыи ден ходить будит — пути искать.

Время шло. Связи с городом не было, сообщить о себе профессору Хрусталёву Споряну не мог. А «Чёрная борода» каждый день приносил далеко не утешительные новости:

— Ходился туда-суда, большой обвал, все тропинка ломал, делал буерак.

Споряну ничего не оставалось, как ждать.

ЭШЕЛОН ИДЁТ В САМГУНЬ

Начальник охраны проводил очередной обход эшелона. В классном вагоне, где ехали семья профессора Кремлёва и многодетные семьи сотрудников института, он остановился, услышав ворчание проводницы:

— И всё этот учёный, всё мудрит, мудрит...

Начальник мягко улыбнулся, припоминая, как Пётр Кузьмич бранил заведующего АХО института при посадке семей в эшелон. Придя в отведённое для него сдвоенное купе спального вагона, профессор посмотрел, покачал головой. «Тепло, уютно... умывальнички,— продолжал он, повышая тон,— в экскурсию, на прогулочку собрались, со всеми удобствами!.. А где матерей с детьми хотите посадить? — почти закричал он. — В общий жёсткий вагон, на сквозняки?! Нет, любезный, я этого не допущу... Малыши здесь поедут с матерями. Переносите мои вещи в жёсткий!..»

Полковнику Прозорову с трудом удалось тогда уговорить профессора остаться в спальном вагоне, да и то только при том условии, что он займёт одно купе, а во втором поедут старики-швейцары института с внучатами.

— Не даёт покоя, говорите? — переспросил начальник охраны.

— Измучил... И то не так, и это не этак. То воду в баках заменить требует, то среди ночи греть воду заставляет.

— Да, да! Заставляю! — слышался добродушный голос Петра Кузьмича.

На пороге третьего купе показался профессор. Поглаживая заслонившую почти всю грудь бороду, он заговорил с улыбкой:

— Ещё игрушек куплю. Забавы организую... И не пойму, что тут плохого? Что вам не нравится? Будто никогда сами не были ребёнком, а вот так, в плаще и с флажками в руке на свет божий явились.

Он взглянул пристально под ноги, постучал по до-

рожке подмёткой комнатной туфли и бросил укоризненный взгляд на проводницу.

— Ай, ай, ай! Нет, матушка, на первой же остановке выколотить всю пыль из дорожек!

В коридор выбежал розовощёкий малыш лет четырёх, протирая рукой заспанные глаза. Заметив «весёлого деда», как называла Кремлёва детвора всего вагона, малыш обрадованно подбежал к нему и затаптал:

— Дедуска, а дедуска! А сегодня будешь ласкаывать сказки?

— Буду, буду. Только подожди, пострелёнок. Вот умоюсь, попью чаю, тогда и приходите ко мне.

— И пло тиглов, и пло клокодилов?..

Пётр Кузьмич нагнулся к малышу и что-то шепнул на ухо. Когда малыш убежал в купе к матери, профессор сказал укоризненно проводнице:

— Вы знаете, почему вас не любят дети?

— Потому что вы их так «воспитываете».

— Нет, матушка. Потому что у вас не материнское сердце. Не любите вы детей, не радуетесь их беззаботности...

Поезд резко затормозил. Проводница молча скрылась в тамбуре. Мимо окна проплыло название станции. Начальник охраны взглянул на часы:

— Ровно восемь. Пойду на станцию. Нужно достать газеты...

— Да, да! Кстати, напомните завхозу: детям нужно молоко и овощи. Покруче с ним: без палки-погонялки на нём далеко не уедешь.

Прошло пять дней в пути. Полковник Прозоров за то время побывал в Москве и теперь вылетел в Самгунь. Сразу же с аэродрома он поехал в горком партии. Зайдя в кабинет секретаря, Прозоров вдруг обрадованно воскликнул:

— Дмитрий Дмитриевич! Какими судьбами? Каким ветром занесло вас в такую даль?..

— Попутным, полковник. Проводил ваш последний эшелон, поехал в Москву. В Центральном Комитете партии посоветовали и мне ехать следом за вами, помогать обживаться на новом месте. Назначен

парторгом завода, который будет делать ваши новинки. Как настроение профессора Кремлёва?

— Всё беспокоится о Споряну.

— Споряну скоро приедет. Нашли следы. Похитить-то его хотели, да не вышло...

— Рад за него! Ну, а вы как устроились, Дмитрий Дмитриевич?

— Да вот жду вас. Вместе начнём устраиваться. Ефим Алексеевич, познакомьтесь, — Вахрушев указал взглядом на секретаря горкома, — принимает радушно. Авиамоторный завод уже настраиваем на определённый лад. Поджидаем ваш институт, лабораторию Кремлёва. Кое-что и для вас наметили. Хорошие помещения. Особенно понравится Петру Кузьмичу здание, где думаем разместить основную лабораторию.

В эти дни полковник Прозоров и Дмитрий Дмитриевич развили в Самгуни бурную деятельность: приводили в порядок учебные корпуса, торопили городские организации с оборудованием квартир для профессоров и преподавателей. И в итоге подготовили институту условия, не хуже прежних.

Через неделю эшелон института подошёл к станции Самгунь. Профессор вышел на перрон в окружении ватаги малышей. Он долго любовался кружевами снежных вершин Базальтового перевала, о чём-то оживлённо беседовал с Вахрушевым, Ефимом Алексеевичем—секретарём Самгуньского горкома партии. Ефим Алексеевич провёл профессора по всему перрону, показал крытую площадку, на которую будут разгружать хозяйство института, вышел с ним на привокзальную площадь и предупредительно открыл дверцу машины.

— Прошу, профессор. Поедем смотреть ваши новые посадки. Надеюсь, понравятся.

— С удовольствием, с удовольствием...— Он уже наклонился, занёс ногу в кабину автомобиля, но тут же отступил, будто передумал. Посмотрел на Дмитрия Дмитриевича, на хозяина машины и сказал начальнику АХО тоном, не допускающим возражений:

— Детей устраивайте прежде всего.

— Не беспокойтесь, профессор, устроим, — дружелюбно сказал, окая по-волжски, Ефим Алексеевич. — Охотно примут вас самгуньцы в свою семью, как самых дорогих гостей.

— Нет, позвольте, почему же гостей? — возразил профессор, усаживаясь. — Мы намереваемся пускать глубокие корни в Самгуни. Так что, пожалуй, и потесниться придётся.

Машина плавно покатилась вперёд и затерялась в шумном городском потоке транспорта.

ГЛАВА XV

НА НОВОМ МЕСТЕ

Три дня профессор Кремлёв и полковник Прозоров были заняты хлопотами по устройству ЦАВИ на новом месте. Наконец, было всё готово: аудитории, библиотека, общежитие, столовая. Наступила очередь размещения оборудования и монтажа приборов лаборатории Кремлёва. Под неё было отведено прекрасное помещение — большое, вместительное.

В субботу пошёл сильный дождь, и Пётр Кузьмич под этим предлогом решил отложить распаковку оборудования лаборатории.

— Сыро. Попортим приборы. Отложим лучше до понедельника, — сказал он начальнику АХО.

Вечером Прозорову позвонил Дмитрий Дмитриевич.

— Приезжайте, полковник, вместе с профессором на дачу горкома партии. Ефим Алексеевич решил ввести вас в общество «знаменитостей» Самгуни.

Сидевший тут же за чаем профессор Кремлёв отнёсся к приглашению неодобрительно:

— Неудобно всё-таки ехать без приглашения хозяина. Дмитрий Дмитриевич тоже гость. И потом, приглашают, как я понимаю, на холостяцких началах. А я не привык к этому. На балы я хожу только с супругой или дочкой.

Прозоров хорошо знал нрав профессора и понимал, что тот лукавит, но не мог угадать истинных намере-

ний старика. А Пётр Кузьмич, чтобы уклониться от расспросов, ловко перевёл разговор на другую тему. Помешивая ложечкой чай, он начал восторгаться природой Самгуни, здоровым климатом, хорошей рыбалкой и охотой. А потом, артистически согнав беззаботность, сердито нахмурил брови и заговорил:

— Не нравится мне наш АХО. Убеждаюсь всё больше: плутоват он и очень плутоват...

— Вы просто не любите его, Пётр Кузьмич,— шутя заметил Прозоров.

— А за что прикажете его любить? Так и норовит словчить. Насмотрелся я на него ещё в пути — не переубедите. Вот и сегодня. Подхожу к бывшему музею. Смотрю, рабочие выносят книжные шкафы красного дерева. Куда? — спрашиваю.— К начальнику АХО на квартиру,— говорят,— перевозим. А тут и он выходит с тигровой шкурой в руках.

— Обстановочка,— говорю,— понравилась? А он, шельмец, тут же вывернулся: «Хороша мебель, ничего не скажешь. Квартиру полковника обставим со вкусом». — Пётр Кузьмич внимательно осмотрел комнату и заключил:— Только я что-то не вижу ни резных шкафов, ни тигровой шкуры...

Прозоров недоумевающе пожал плечами:

— Позвольте...

— Позволяйте, полковник, позволяйте,— сердито перебил его Кремлёв,— а уж он вас обставит, только так обставит...

По окнам квартиры пробежал яркий сноп света. Донеслось лёгкое шуршание шин подъехавшей автомашины. На лестнице слышались шаги, и в дверях появился улыбающийся Дмитрий Дмитриевич. Его звонкий голос заполнил пустую комнату.

— Здравствуйте, заехал взглянуть, как вы устроились... И Пётр Кузьмич здесь? Вот и хорошо...

— Наш начальник устроился со вкусом,— съязвил профессор, протягивая Дмитрию Дмитриевичу руку.— Книжные шкафы из красного дерева, ковры и тигровая шкура перед тахтой...

— Где? — проговорил серьёзно Дмитрий Дмитриевич, обводя взглядом комнату.— Шутите, профессор?

— Нет, он не шутит,— хмуро сказал Прозоров,— а в меня стрелы пускает.

Прозоров повторил то, что услышал от Петра Кузьмича, и добавил, не скрывая возмущения:

— И в самом деле, видимо, ловкий пройдоха. А я-то и не заметил...

— Точнее, не разглядел подхалима, — вставил Дмитрий Дмитриевич...

— Метко сказано,— оживился профессор.— Уж он такой: «Что прикажете?», «Слушаюсь!», «Так точно!». А за этой лакейской угодливостью кроется мелкая душонка.

— Сдаюсь, сдаюсь, Пётр Кузьмич,— поднял руки Прозоров.— Завтра же потребую объяснений.

— Нет, полковник, ни к чему эти объяснения. Просто, в нашем институте климат для него неподходящий. Разве ему можно доверять? Нельзя, права не имеем...

— На том и порешим,— примирительно сказал Дмитрий Дмитриевич. — Нам уже пора. Нехорошо опаздывать. А ещё нужно заехать за профессором Русановым.

— Русанов? — удивлённо переспросил Пётр Кузьмич.— Уж не тот ли, которого прозвали «великим агрономом Таймыра?».

— Не знаю. Может быть. Я с ним почти не знаком.

— Я должен непременно с ним встретиться. Четверть века не виделись... Что-то вы, полковник, замешкались. Идём!

Он взял Дмитрия Дмитриевича под руку и потянул к выходу, но у самых дверей остановился, постукивая тростью о пол. Дмитрий Дмитриевич посмотрел на него внимательно.

— Вы хотите что-то сказать?

— Надо бы посоветоваться.

— Один на один?

— Нет. От полковника мне скрывать нечего.

— Тогда я готов слушать...

— Меня беспокоит расположение помещения, отведённого под нашу лабораторию. Игрушки у нас, как

вам известно, опасные. А тут — центр города. Рядом — школа, позади — детский сад. Да и вообще много лишних глаз.

— Так вот почему вы уклоняетесь от развёртывания своей лаборатории! — заметил подошедший Прозоров.

— Опасения резонны. От экспериментов в пробирках надо переходить к практическим опытам, а условия там совсем не подходят. Одним словом, надо подыскать другое помещение.

— Подумаем, Пётр Кузьмич, — согласился Вахрушев, — поищем.

Они спустились с крыльца и втроем разместились на заднем сидении. Глухо вздохнул мотор, и машина плавно покати́лась по асфальтированной аллее между высокими елями, словно подпирающими своими острыми вершинами звёздное небо.

Профессора Русанова дома не оказалось. Пунктуальный до щепетильности, он вызвал заранее свою машину и приехал на дачу, как было условлено, ровно в двадцать один час. Почти одновременно с ним приехал и Ефим Алексеевич вместе с новым председателем Самгуньского горсовета. Секретарь горкома партии принял гостей радушно.

— Знакомьтесь, Михаил Фёдорович, — сказал он крепко сложенному подтянутому моряку с нашивками капитана первого ранга на рукавах и, улыбаясь одними глазами, добавил: — принимайте в «Самгуньскую ложу» новых рыцарей — профессора Петра Кузьмича Кремлёва и полковника Прозорова.

— Баканов, ныне председатель исполкома городского совета, — прогремел густой бас.

— Старый морской волк, — пояснил Ефим Алексеевич, широко улыбаясь. — До отставки командовал кораблём, час тому назад избран председателем исполкома городского Совета депутатов трудящихся.

В дверях соседней комнаты, через которую виднелся бильярдный стол, смахивая носовым платком мел с рукава, появился худощавый высокий старик с густыми белёсыми бровями. Квадратное пенсне, толстый лоснящийся нос и туго закрученные в колечки

усы казались приклеенными к изрытому оспой, густо усеянному паутиной морщин лицу.

— Доктор Ефимов,— шепнул Ефим Алексеевич,— старейший врач Самгуни, обладатель диплома терапевта и плюс — виртуозный хирург. 35 лет врачевал в одном селе. Его знают от мала до велика на сто километров вокруг.

За биллиардным столом стоял с кием в руке плотный, среднего роста мужчина на вид лет шестидесяти.

— Кто это? — тихо осведомился Прозоров.

— Директор Самгуньской лесоопытной станции профессор Русанов Павел Никитич.

— Павел! — непривычно громко крикнул профессор Кремлёв, бросаясь к профессору Русанову. — Вот ведь где пришлось свидеться...

— Петька, тебя ли вижу? — воскликнул старик, обнимаясь с Кремлёвым и троекратно, по русскому обычаю, целуя его.

К даче подкатила ещё одна машина. В гостиную лёгкой походкой вошёл румяный, гладко выбритый брюнет с чёрными весёлыми глазами. Оправив китель, он быстрым взглядом окинул собравшихся и произнёс, отчётливо выделяя каждое слово:

— Прошу простить опоздание!

— Знакомьтесь,— громко сказал Ефим Алексеевич, указывая взглядом,— профессор Кремлёв — с начальником ЦАВИ вы уже знакомы.

Протянув руку профессору, брюнет сказал приветливо:

— Галаджи, начальник управления КГБ.

ГЛАВА XVI

ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ

В выходной день, утром, как было условлено, Прозоров и Кремлёв вместе с секретарём горкома поехали осматривать окрестности Самгуни. День выдался ясный и тёплый. С Базальтовых гор дул лёгкий ветерок. Проезжая высоким правым берегом реки Самгунь, Кремлёв поминутно восторгался то пейзажа-

ми, то многообразием растительности, то крутыми поворотами русла Самгуни, пробившей себе дорогу среди гранитных скал. Около одной из таких каменных петель Пётр Кузьмич не удержался:

— Вот бы где плотину соорудить — запереть этот могучий поток! Можно осветить всю долину.

— Скоро увидите и плотину, профессор. Причём не одну, а три — целый каскад...

Шофёр резко затормозил. Поперёк дороги лежало большое дерево, с корнем вывернутое непогодой.

— Ну, вот и приехали, — с досадой сказал профессор, поднимаясь с сидения.

Шофёр достал из багажника моток провода и какой-то инструмент, похожий на ручную дрель. Поднял капот, присоединил один конец провода к аккумулятору и пошёл, на ходу разматывая моток. Вставив штепсель провода в розетку своего инструмента, он присел на корточки около валёжины. Зажужжала дисковая пила, полетели струёй мягкие опилки, и через минуту-две вершина валёжины отделилась, подняв жёлтый обрез торца. Дерево повернули, путь был открыт. Пётр Кузьмич заинтересовался новым шофёрским инструментом.

— Сами выдумали? — спросил он шофёра, осматривая неуклюжий на вид механизм.

— Просидишь ночь под дождём за завалом один на один с волками, ещё не то выдумаешь, — пошутил тот.

— Уж не машину для стрижки овец скопировали?

— Вроде того... — улыбнулся шофёр.

— Нужную штуку выдумали. Правда, грубовата на вид, но зато умна... Очень хорошо для начала. — А про себя подумал: «Вот так иногда и бывает: думающий человек в самоучках ходит, а в науку пустоцветы лезут...» — Профессор молча подошёл к Ефиму Алексеевичу, осматривавшему заречные пейзажи, и тронул за руку.

— Что это за избушка на курьих ножках? Вон, на холме, среди леса.

— Бывший монастырь. Почти развалился от вре-

мени. Общество охотников возвело на его развалинах, по существу, новое здание. Здесь ведь прекрасное место для охоты. Осенью — на тетеревов и рябчиков, зимой — на зайцев, косачей, куропаток. А летом озеро рядом — полным-полно кряковых на перелётах.

— Далеко до города?

— Нет, километров 20. Из города по мосту через реку, а там от шоссе километров десять.

— Прекрасно! Очень удобно. Надо непременно посмотреть, и сегодня же...

Прозоров улыбнулся, угадав намерения профессора. Прочитал его мысли и секретарь горкома. Он переглянулся с Прозоровым, утвердительно кивнул головой и предложил:

— Ну что ж, Пётр Кузьмич. Поедем, посмотрите? Может, и понравится. Препятствий особых не предвидится. Лёня! Разворачивайся,— крикнул он шофёру.

Когда все заняли места, шофёр спросил, не обращаясь:

— Куда, Ефим Алексеевич?

Профессор, сидевший рядом с ним, указал рукой:

— Вон к той избушке на курьих ножках. Знаете дорогу?

— В «Моссельпром»?..

— Почему «Моссельпром»? — удивился профессор.

— Наверху охотники устроили балкон под стеклянным куполом. За это и прозвали охотничий дом «Моссельпромом».

Занятый своими мыслями профессор сидел молча, думая о сыне — инженере Владимире Петровиче Кремлёве, от которого утром получил лаконичную телеграмму: «Завтра вместе со Споряну вылетаем Самгунь новому месту работы».

***СОЛНЕЧНАЯ
БУРЯ***

ГЛАВА I

РАДОСТНАЯ ВСТРЕЧА

Лукерья Ивановна мыла после завтрака посуду, радостно улыбалась, поминутно повторяя про себя:

— Милый мой мальчик, нашёлся... Жив моим благословением...

Покончив с посудой, она вышла в столовую, достала с верхней полки буфета телеграмму, прочитала её, может, в десятый раз и бережно прижала к своей груди, шепча:

— Сегодня увижу моего сыночка.

Её дочери и внука по случаю выходного дня были дома. Сейчас они сидели в беседке, наблюдая за неутомимой работой пчёл, которые сновали между ульями и клумбой с распустившимися свои бутоны олеандрами, душистой вербеной, выюнами, плотно окутавшими беседку.

Лукерья Ивановна не знала, кому обязана их семья вниманием, оказанным им в Самгуни. Лишь старшая дочь Елена Савельевна догадывалась, что переезд всей семьи в Самгунь продиктован не её переводом, а какими-то другими соображениями.

На эту мысль её наводили многие факты: перевод института, в котором учился её брат Антон и где он должен был работать; переезд лаборатории профессора Кремлёва, работы которой были тесно связаны с деятельностью спецкафедры, на которую был зачислен Антон, и многое другое.

Перебирая мысленно эти связанные между собой события, она вспомнила, как её вызвали в Министерст-

во здравоохранения СССР и сказали просто и кратко: «В Самгуни нужен опытный хирург. Готовьтесь к переезду. О матери не беспокойтесь — уже дано указание. Квартира для семьи готова...»

Приехав в Самгунь и в тот же день получив просторную квартиру, она убедилась, что этот перевод — не просто перемещение по службе. Вскоре приехала в Самгунь и её мать. «Пришли и сказали,— объяснила она Елене Савельевне:— Вот вам, мамаша, билет на поезд. Собирайтесь — завтра придёт машина и отвезёт вас на вокзал. Поедете к дочери в Самгунь. — Я и приехала».

И вот теперь Лукерья Ивановна была исполнена редчайшего душевного покоя. Да и как ей было не радоваться, когда почти вся семья в сборе. Горделиво улыбаясь, она прислушивалась к голосам дочерей. И её гордость была оправдана: старшая дочь Елена — кандидат медицинских наук, главный хирург центральной больницы. Младшая Ира — дипломант-отличница медицинского института. Любимый сын Антон и зять Юрий Капустин — на пути к родному дому. И сейчас мать больше думала о том, как им всем разместиться в одной квартире.

Размышляя об устройстве ставшей вдруг снова большой семьи, Лукерья Ивановна прикидывала в уме разные проекты расселения. И, наконец, решила, что она с Ирой и внучкой поместится в одной комнате, а Антон — в гостиной. Погружённая в свои мысли, она вдруг насторожилась и, прислушавшись, сказала вслух:

— Да, стучат...

И не торопясь, пошла узнать, кто пришёл.

Но на парадном никого не было. Вышла на крыльцо, посмотрела направо, налево — никого. Пожав недоуменно плечами, вернулась в комнату и тут услышала крик дочерей во дворе.

— Мама, мамочка! Тоня приехал!..

Растерявшись от неожиданности, Лукерья Ивановна вместо того, чтобы отпереть дверь на террасу, стала усиленно крутить ключ в обратную сторону.

— Да помогите же, негодницы! — кричала она, стуча кулаком в не поддающуюся её усилиям дверь.

Вспомнив про выход через кухню, торопливо бросилась туда, цепляясь ногами за края ковров. Очутившись во дворе, она прижалась к груди сына и, целуя его, приговаривала:

— Заждалась я тебя, сыночек, ой, как заждалась! Дай хоть на тебя погляжу, какой ты стал. Здоров ли, цел-невредим?

— По всем статьям, мамочка, в норме. Здоров! Вот только устал от воздушной болтанки. Да, Ленуца, а как дела у Юрия? Где он?

— Юра тоже в пути, — опередила Ира сестру и дс бавила назидательным тоном: — Ленуца... ну, разве это звучит в приложении к старшей сестре? Тем более в устах солидного инженера?

— Полно тебе, Ира, — засмеялась Елена Савельевна. — Будь он хоть трижды инженер, но для меня он всё тот же проказливый братец Тоня.

— А ты, Ленуца, зловредная! Я думал, ты уже забыла мои проказы! Ан нет: память у тебя хорошая, даже чересчур, я бы сказал...

Они весело рассмеялись, взяв друг друга за руки. Антон нежно привлёк сестру к себе и дважды поцеловал в щеку.

Ира тоже не захотела оставаться в стороне и обхватила брата за шею, стараясь пригнать, но тут же оказалась в воздухе и понеслась вокруг него, как вокруг оси. Он долго кружил смеющуюся сестру, пока из окна не донёлся голос матери.

— Тоня, ванна готова!..

— Сейчас, мамочка, иду!.. Ира, а телефон в квартире есть?

— Конечно, есть, в гостиной. Пойдём, я покажу, как с ним обращаться. Тут телефоны какой-то новой конструкции. Кому хочешь позвонить?

— Полковнику Прозорову.

— Он уже не полковник, Тоня, а генерал-майор. А позавчера в местной газете была заметка — в инсти-

туте отмечали его пятидесятилетие и 30 лет службы в авиации. Поздравь его.

— Обязательно... Найди скорее эту газету.

Споряну посмотрел в справочник, набрал нужный номер и нажал зелёную кнопку. Овал маленького телеэкрана, вмонтированного в плоскость телефонного аппарата, становился всё прозрачнее и прозрачнее. Сначала выступили контуры кабинета, заполненного массивными книжными шкафами, потом отчётливо вырисовался большой стол, покрытый сукном, а перед ним в кресле моложавый генерал с телефонной трубкой в руке.

Изображение генерала обернулось. Генерал поднял голову и, как показалось Споряну, посмотрел прямо ему в глаза. Губы генерала сделали несколько движений.

— Здравствуйте, товарищ генерал, — отчеканил Споряну, вытянувшись перед телефоном и тут же забыв о поздравлении. — Разрешите доложить!..

Споряну умолк, широко улыбаясь грозившему с экрана пальцем генералу. Потом снова согнал улыбку, сделав строгое лицо.

— Есть отдыхать, товарищ генерал! — почти крикнул он весело в микрофон, положил трубку на рычаг и, повернувшись к стоящей рядом сестрёнке, щёлкнул её лёгонько по носу.

— Ты понимаешь, Ирка, генерал Прозоров сказал, что он искренне рад моему приезду и просил... знаешь, о чём он просил?

Ира пожала плечами.

— Просил на свадьбе оставить ему место посажённого отца. Причём тут свадьба?

— Ой!.. Это он меня видел рядом с тобой на экране.

Брат и сестра громко рассмеялись.

ГЛАВА II

СЕКРЕТ ИНЖЕНЕРА СПОРЯНУ

Наговорившись с матерью и сёстрами, Антон прилёг с книгой на кушетку. Но как ни старался он отвлечься от набегавших дум — ничего не получалось.

— Где сейчас Зина? — чуть слышно вымолвил Антон, вздохнул и вдруг резко вскочил с кушетки, обрадованный простой догадкой: «Прозоров здесь,— думал он, прохаживаясь от кушетки к окну.— Институт перебазировался в Самгунь. Значит, и Пётр Кузьмич здесь...» Потом, приоткрыв дверь в столовую, сказал вполголоса:

— Я пройдуся, мама. Погуляю на свежем воздухе. Зайду в институт...

— Иди, иди, сынок,— ласково ответила Лукерья Ивановна.— Посмотри город, покажи себя.

Пройдя несколько кварталов, Антон обратился к постовому милиционеру.

— Скажите, где помещается ЦАВИ?

— А вот, — указал милиционер на стоявший напротив, через улицу, массивный двухэтажный дом, напоминавший своей архитектурой музей.

В приёмной начальника ЦАВИ его встретила секретарша и, не дослушав, не подняв от бумаг головы, отрезала с подчёркнутым безразличием:

— Генерал занят. Сегодня не принимает...

Во входных дверях приёмной показался высокий, широкоплечий старик, с густыми, точно вторые усы, бровями и широкой, как помело, бородой, из-под которой блестело два ряда орденских ленточек. Он кивнул головой секретарше и направился к обитой серым кожанитом двери кабинета. Антон Споряну бросился к нему.

— Пётр Кузьмич!

Старик остановился, пристально посмотрел на него сквозь очки. Из его рук выскользнула папка, мягко шлёпнулась на ковёр. Антон ловко поднял её, подал своему взволнованному учителю.

— Антон! — почти выкрикнул старик,— Антон Савельевич, дорогой мой! Как это кстати!

Растроганный старик обнял Споряну, троекратно расцеловал его в обе щёки и взял под руку.

— Сию же минуту к генералу...

— Вот видите,— поднялся улыбающийся генерал Прозоров,— представители двух поколений встретились вновь.

Споряну вытянулся перед генералом.

— Вольно, инженер,— во весь голос сказал тот и по-отечески обнял Споряну. — Садитесь, профессор, садитесь, инженер, рассказывайте о своих похождениях. Вообще-то говоря, вам следовало бы за старое...

Споряну поднялся.

— Да сидите, сидите! Кто старое помянет...

Генерал подошёл к столу и нажал кнопку. В открывшейся двери показалась виновато улыбающаяся секретарша с роговыми очками в руке.

— Ах, да, видимо, выронил, — поднялся профессор.— Спасибо...

— Я вас слушаю, Алексей Никитич,— обратилась она к начальнику ЦАВИ.

— Распорядитесь, Вера Михайловна, насчёт завтрака на троих. Ну, и в виде исключения, пусть будет бутылка шампанского. Как вы, профессор?

— Согласен, согласен. Такая приятная встреча того заслуживает.

Когда секретарша вышла, профессор Кремлёв подошёл поближе к Споряну и начал укоризненно:

— А всё-таки, молодой человек, мы с вами ошибочку допустили: ваше сокровище не желает подчиняться.

— Какое сокровище? — краснея, переспросил Антон, подумав о возникшей перед глазами Зине Кремлёвой.

— Вы что, уже забыли о своём первенце? — удивился профессор.— Как, генерал, по книжному-то значится его изобретение?

— «СЭВАРД-1» — сверхэкономичный высотный авиационный ракетный двигатель первой опытной серии.

— Слышали?

— Да, но чем же он провинился?

— А тем, что не хочет никому подчиняться. Под-

водит и крепко подводит. По вашим схемам мы изготовили экспериментальные малютки самолёты-снаряды, но некоторые из них при испытаниях, вместо строго вертикального полёта, загибают такие виражи, что становится не по себе.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Споряну, вспомнив свою предосторожность, предпринятую из-за опасения за сохранность чертежей.— Вы знаете, Пётр Кузьмич, в чём тут секрет?

— В том-то и дело, что не можем ничего понять.

— Заводится легко, но неожиданно глохнет. Да?

— Совершенно верно.

— Виноват во всём я. Дело вот в чём. Из каких-то, может быть, неоправданных подозрений, я сделал в дипломной работе намеренно путанные чертежи некоторых деталей.

— Почему же? — спросили в один голос генерал и профессор.

— Извините, но после разговора с вами, Пётр Кузьмич, я опасался, что чертежи могут попасть не в те руки. Запутал, а предупредить вас не догадался... Я не предполагал, что отлучусь.

— Чем вызвано такое недоверие? — сухо спросил генерал.

— Ну ладно, ладно, генерал, не сердитесь...— запротестовал профессор.— Мне даже нравится, что он так хитро спутал карты. Уж коль скоро мы, зная всё, не могли ничего сделать и решили стать на путь создания нового двигателя, практически мало меняющего существующее положение вещей и не дающего половины достигнутого Споряну эффекта, то вполне понятно, что и разведчики в нём не разобрались бы, если бы сумели его украсть.

— А, может, уже украли... Помните, профессор,— заметил Прозоров,— что произошло перед Отечественной войной с моделью самолёта известного авиаконструктора Н?

— Что же? — полюбопытствовал Споряну.

— Во-первых, истребитель появился у немцев неожиданно и вскоре после того, как были готовы опытные образцы самолёта. Во-вторых, у шпиона

одной иностранной миссии, работавшего одновременно на немецкую и американскую разведку, нашли фотоплёнку, на которой были засняты скопированные чертежи некоторых деталей проекта. Галаджи говорил, что иностранная разведка давно и пристально интересуется и двигателем Споряну. Работники генерала Галаджи нащупали следы, даже некоторые очень интересные снимки. Кто-то скопировал детали камеры сгорания — это расшифровывается на фото. Чертёж дипломного проекта Споряну выполнен на белом гладком ватмане, а копия, судя по снимку — на кальке.

— Если бы даже в их руки попал настоящий чертёж двигателя,— заметил Кремлёв,— то есть одно «но» в нашу пользу — секрет химического состава нового топлива. А без этого горючего ракетный двигатель конструкции инженера Споряну теряет главное: потолок и скорость.

— Ну, это дело компетенции генерала Галаджи. Расскажите лучше, Антон Савельевич, что вы напутали в чертежах своего проекта?

Споряну поднялся, взял предложенную генералом папиросу, задумался, припоминая обстоятельства.

— Я изменил сердце двигателя — положение главной диафрагмы, управляющей подачей горючего. Это лишило двигатель главного — высоты. Уменьшил силу отдачи, чем лишил двигатель других важных преимуществ — скорости, дальности...

В кабинет вошла секретарь.

— Завтрак готов, Алексей Никитич.

— Отлично.

Закрылась дверь. Наступило минутное молчание, прерванное профессором:

— Кто всё-таки, по-вашему,— сказал он, глядя в упор на Споряну,— мог сфотографировать чертежи и где?

— Ума не приложу, Пётр Кузьмич. Не перестаю думать об этом, но никого не могу заподозрить.

— Сходите без промедления к генералу Галаджи.

— Антон Савельевич,— поднялся Прозоров,— а

можете вы восстановить, ну, возродить свой проект в его первоначальных расчётах?

— Это легко сделать, товарищ генерал, если профессор не потерял свою монографию о природе детонирующих газов.

— При чём тут монография?—удивился профессор.

— При том, Пётр Кузьмич, что все расчёты записаны там, между строк печатного текста. Помните, я у вас брал монографию при окончании диплома. Ну, вот туда я и записал на всякий случай всё, что составляет тайну мотора.

— Монография, — оживился профессор, — м-да помнится, она хранится в сейфе лаборатории.

Генерал поднял широкую портьеру, скрывавшую вход в смежную комнату, и жестом пригласил туда профессора и Споряну. Наполнив бокалы, Прозоров предложил тост:

— За блудного сына!

Пригубив бокал с шампанским, профессор отставил его и придвинулся ближе к Споряну.

— На-днях хотим провести испытания снарядов-малюток в стратосфере. Наконец-то убедили некоторых консерваторов... Всё уже подготовлено. Вам поручается вести наблюдения, потом сделаете выводы о качестве своего детища.

— С террасы своей квартиры?

— Неважно откуда.

— Какие же двигатели у высотных самолётов-снарядов? — поинтересовался Споряну.

— Вашей конструкции,— пояснил профессор,— кое-что дополнено конструкторским бюро. Но, надо сказать, двигатели довольно непослушны, капризничают, имеют ограниченный потолок полёта.

— Вполне понятно. При уменьшении объёма камеры для миниатюрного самолёта-снаряда мои ошибки оказывают большое влияние. Я должен встретиться с Владимиром Петровичем.

— Да, да, Антон Савельевич, зайдите к нему,— добавил профессор.

Прозоров поднялся, подал руку:

— Пока, Антон Савельевич. Испытания начнутся послезавтра, ровно в пять утра. Прислушивайтесь к звукам необычной «небесной артиллерии». Пошлём в стратосферу 18 снарядов. Наблюдайте...

— А как семья, Пётр Кузьмич? — спросил Споряну, задерживая руку профессора, рассчитывая услышать что-нибудь о Зине.

— Все живы, здоровы, — неопределённо ответил Пётр Кузьмич, занятый размышлениями о том, кто же мог сфотографировать чертежи.

— Если не секрет, где Зинаида Петровна? — преодолевая смущение, спросил Споряну.

— Здесь, в Самгуни. Заведует лабораторией на станции профессора Русанова. Сегодня должна выехать в командировку. — Пётр Кузьмич заметил, с каким волнением Споряну слушает его, посмотрел на него с подчёркнутым вниманием и добавил с еле уловимой улыбкой: — Одно могу засвидетельствовать, молодой человек: самая дорогая реликвия у дочери — ваша фотокарточка... Ну, я спешу. Заходите домой...

Споряну смущённо опустил глаза, собираясь что-то сказать, но Кремлёв уже был в дверях. Антон Савельевич облегченно вздохнул, как будто сбросил с плеч большой груз, и решительно шагнул к выходной двери.

Оказавшись на улице, он вдруг начал колебаться: «Сейчас же разыскать Зину или сначала зайти к генералу Галаджи? Созвонюсь с Зиной, договоримся, — решил он, — а потом — к генералу». Он осмотрелся по сторонам, заметил вывеску почтамта и быстрым шагом пошёл на переговорный пункт.

Несколько раз звонил он на лесоопытную станцию, но телефон лаборатории не отвечал. Он вызвал приёмную профессора Русанова.

— Зав. лабораторией выехала в командировку, вернётся завтра, — нетерпеливо ответил женский голос, не выслушав до конца вопроса.

Споряну вышел на улицу, задумался. Выкурил быстрыми затяжками папиросу и направился в сторону главной улицы, к генералу Галаджи.

Солнце близилось к закату. Еле заметное движение воздуха доносило из соседнего двора тонкий аромат свежего сена. Когда замирал шелест листвы тополей, слух улавливал далёкий шум водопада на водосбросах второго каскада. Антон и Зина сидели в беседке, вспоминая прошлое, рассказывая о пережитом.

— Долго я, Тоня, не решалась обратиться к Галаджи. Стеснялась, потом не выдержала и пошла тайком от отца. Но о тебе ничего не узнала и там. Может быть, они и знали, да не хотели, не могли говорить.

— А я в это время был уже доставлен в больницу. И тоже думал о родных, о тебе.

— Если бы я знала тогда, кажется, на край света поехала бы, не раздумывая.

— Пётр Кузьмич, наверно, часто вспоминал меня недобрым словом?

— Вспоминал почти каждый день. Ещё больше бедил мои раны. Придёт вечером, задумается. Я знала, что через минуту-две услышу твоё имя.

— Сильно бранил?

— Бывало. А однажды пришёл весёлый. Не успел ещё раздеться — и ко мне. Закрыв книгу, над которой я сидела, и говорит: «Новости, дочка, есть, приятные и для тебя». «Какие, — спрашиваю, — новости?» Он погрозил мне пальцем, улыбается: «Не лукавь, дочка, я ведь всё знаю... Нашёлся блудный сын — цел и невредим. Скоро приедет в Самгунь...»

В квартире заканчивались последние приготовления к большому празднику семьи. С минуты на минуту должны приехать гости. Расставив приборы, бокалы и рюмки, придвинув стулья, Лукерья Ивановна застыла неподвижно перед накрытым столом, подперев рукой подбородок. Елена Савельевна, помогавшая матери, подошла к ней, обняла за плечи.

— Мамочка, отдохни. Весь вечер хлопочешь — свалишься от усталости. Всё уже готово. Скоро гости придут, а ты и принять не сможешь.

— Ничего, Ленуца, такое событие раз в жизни бывает. Ты же знаешь, сам Дмитрий Дмитриевич приедет... Генералы. Вот я и волнуюсь.

— Ой, не хитри, мама: Зиночке ведь угодить хочешь,— сказала Елена Савельевна, не сводя улыбающихся глаз с матери.

Лукерья Ивановна посмотрела на дочь и ответила решительно:

— Ну и пусть! Хочу ей угодить. Она же теперь нам не чужая. Ой, скорее бы гости пришли. Я так хочу посмотреть поближе Дмитрия Дмитриевича. Поблагодарить его за заботу о нас.

Елена Савельевна посмотрела на мать удивлённо:

— Как, и ты уже знаешь, что всё для нас сделал он?

— Давно знаю,— сказала Лукерья Ивановна и многозначительно развела руками. — А ты говоришь, зачем я кружусь вокруг стола.— Она снова начала передвигать закуски, переставлять с места на место посуду. Наконец, отошла от стола, посмотрела ещё раз и спросила:

— Где же Тоня? Ира, позови их сюда. Пусть посмотрят, всё ли на месте.

— Вот они, в беседке, — отозвалась Ира, — сейчас позову.

— Ирочка, подожди,— остановила её Елена Савельевна, — не надо им мешать. Пусть посекретничают. У них ещё столько этих домашних хлопот впереди. А мы тут и без них справимся.

Лукерья Ивановна подошла к окну, стала рядом с Еленой. Минуты две они стояли молча, наблюдая за увлечёвшейся разговорами парой.

— Я очень рада за Тоню,— тихо сказала Елена Савельевна.— С Зиной он будет счастлив— в это можно верить.

— Я тоже так думаю,— отозвалась Лукерья Ивановна.— Ну, не будем им мешать. Пусть поворкуют.

Мать и дочери прошли в гостиную и разместились на кушетке, поджидая прихода гостей.

С парадного донесли мужские голоса.

Профессор Кремлёв, Дмитрий Дмитриевич, генерал

Прозоров, Владимир Петрович, генерал Галаджи с жёнами вошли в гостиную.

— Каперанг опаздывает,— шутил Галаджи,— наверное, начищает свой мундир.

В переднюю вошли майор Капустин — муж Елены Савельевны и председатель Самгуньского городского Совета Михаил Фёдорович Баканов, одетый по случаю торжества в свою неизменную парадную флотскую форму капитана первого ранга. Юрий Капустин, выждав удобный момент, кашлянул и, шагнув в гостиную, взял под козырёк:

— Разрешите доложить. Капитан I ранга прибыл на бал!

Все рассмеялись. Начались взаимные приветствия, поздравления, разговоры.

Большой шутник и весельчак Михаил Фёдорович Баканов умел расположить к себе женское общество любых возрастов. Ира, видевшая его впервые, чувствовала себя с ним так же непринуждённо, как с зятем Юрием и братом Антоном. Каперанг Баканов, как его называли все в Самгуни, хотя он уже не командовал пароходом, а руководил городским Советом, никак не мог расстаться с многолетней привычкой — появляться в обществе в форме капитана первого ранга. Никто не обращал внимания на эти причуды моряка, вернее, прощал ему его слабость.

— А где же ваша супруга? — спросил его Вахрушев, многозначительно посматривая на морскую форму.— Опять мигрень?

В это время в гостиную вошли Антон и Зина, и Антон торжественно произнёс:

— Виновники торжества просят гостей занять места.

Гости расположились за столом. Юрий Капустин наполнил бокалы. Встал Пётр Кузьмич:

— Дорогие гости! Моя единственная дочь сегодня вступает в новую жизнь. Пожелаем же Антону и Зиночке счастья с первого шага их большой жизни. Я пью за новую счастливую советскую семью.

За первым бокалом последовал второй, третий...

Начались оживлённые разговоры, взаимные шутки.

Ира включила радиолу и сделала реверанс перед Дмитрием Дмитриевичем, приглашая его на вальс. Этот с виду медлительный человек становился чрезвычайно лёгким, подвижным в танце. Даже профессор Кремлёв не удержался от комплимента:

— Мой Володя слывёт виртуозом по части вальсов, но куда ему до такого танцора!

После танцев Лукерья Ивановна снова пригласила всех к столу. Зазвенели бокалы. Потом комнату заполнила мелодия любимой песни профессора.

— «Славное море, священный Байкал», — с постановкой выводил Баканов. Напев подхватили Прозоров, Дмитрий Дмитриевич, Антон. Когда песню повели мягкие женские голоса, запел и Пётр Кузьмич.

...Свадебный бал продолжался.

ГЛАВА IV

ПЕРВАЯ ИСКУССТВЕННАЯ ТУЧА

Часов около семи утра со стороны Базальтового перевала донёсся грохот, напоминающий раскаты надвигающейся грозы. И вслед за ним над Кедровой горой, к северо-западу от усадьбы показались причудливо завихряющиеся и быстро растущие кудрявые барашки облаков, постепенно меняющие свою огненно-жёлтую окраску на серебристо-белую. Они разрастались с необычайной быстротой и минут через пять слились, образовав большую многоярусную тучу.

Сколько было этих «барашков», никто не успел, а, может, и не догадался сосчитать.

С первыми раскатами грома этой непонятной в чистом небе грозы все обитатели особняка высыпали на поляну. Каждый высказывал своё мнение и догадку. Ефим Степанович Темляк, рыбовод прудового хозяйства, поглаживая реденькую белую бородку, подмигнул стоящему рядом Споряну и заметил с восхищением:

— Вот это маскировочка! Под прикрытием такой завесы можно опрокинуть любую блицстратегию...

Споряну, занятый своими мыслями, не ответил.

— У вас, Ефим Степанович, оказывается, всё ещё не прошёл фронтовой зуд,— сказал кто-то.

— Не с той стороны вы смотрите,— ответил рыбовод, сделав сердитое лицо.— Война не моя профессия, но кулак нам с вами надо держать всегда натренированным.

— Смотрите, смотрите! — закричали в один голос несколько человек. — Как она жмёт к земле!..

— Похоже, обратится в дождик,— нараспев протянул кладовщик Зосим Лукич.

Почти в то же мгновение упали на землю крупные холодные капли.

— Васятка, тащи дождевики! — расплывшись в улыбке, крикнул Ефим Темляк сыну.

Через несколько минут люди стояли в плащах с капюшонами, подняв кверху головы и стараясь понять, что происходит в толще этой серой туманообразной мути. Потоки ливня, отклоняемого порывами сильного ветра, то клонили кроны деревьев в одну сторону, то набегали вихрем с другой, то силой давили на лес сверху, срывая хвою, листву и молодые ветки. Люди стояли молча, всматриваясь в разбушевавшуюся стихию. Зосим Лукич заговорил первым.

— Д-а-а-а! Не иначе, как наш старик посеял ветер, вот и выросла буря. Ох, уж эти эксперименты! Взлетим когда-нибудь со всем посадом на воздух. Приедут из города — и черепков не соберут. «Была, скажут, лаборатория, а теперь не поможет и амбулатория».

— Ой, Зосим Лукич, — возразил Ефим Темляк, — полвека вы прожили, а определиться в жизни всё не можете. Себя напрасно мучаете. Не для риска вы рождены, а для покоя. За розами ухаживать бы вам да вкушать ароматы. Шли бы лучше садовником к профессору Русанову. Там — всё по вас: тишь да гладь...

— Тьфу, зубоскал! — с сердцем сказал Зосим Лукич.

Ефим Степанович перевёл разговор на другую тему и, обращаясь к сыну, сказал:

— Васятка! Сбегай-ка на пруд, посмотри у мостков мерку. Вода, никак, всё прибывает. Может, позвонить

на створы, аварийные водосбросы открыть. Беги, сынок, да смотри хорошенько.

Когда сын ушёл, Ефим Степанович постоял немного молча, потом достал кисет и стал набивать трубку, прикрывая табак полёй плаща. Раскурив и зажав трубку в кулак, чтобы не попадал дождь, он со скрытым лукавством возобновил разговор:

— Мне думается, Зосим Лукич, что твой страх сродни одной болезни. У нас в Байкалове был такой мужичок. На него частенько находило какое-то наваждение. Говорят, сердце у него было устроено не по норме. Ударит, скажем, гром — он встрепетётся, спрячется в самое что ни есть тёмное место. Раз как-то, во время ледохода у нас против села получился большой затор. К вечеру Тобол вышел из берегов. И вот к ночи затор лопнул, да с такой силой, что застонали стены домов, задребезжали стёкла в окнах. Мужичонка этот сиганул с трубкой в зубах на сеновал, зарылся в сено да со страху и заронил искру... Так бы и сгорел, кабы соседи не вытащили.

— К чему ты это клонишь, Ефим?

— Да так, к слову пришлось. Но оно и пользу иметь может. Ты же на складе приставлен к делу. А там мало ли разных гремучих смесей. Разволнуешься — недолго и сплеховать. Стукнешь нечаянно одно, а оно жажнет по другому, ну, и прощай, Зосим Лукич! Да что Зосим Лукич — вся усадьба комаром в небо улетит...

— Пожалуй, ты и верно рассуждаешь, — проговорил с расстановкой Зосим Лукич.

— Смекай уж сам, Зосим. Каждый в своём деле сам себе хозяин.

— Э-эх-ма, — вздохнул кладовщик. — В совхозе или в кооперативе, пожалуй, спокойнее будет. Туда, видимо, и переберусь...

Налетела ещё более сильная полоса дождя и тут же рассеялась, словно чья-то невидимая рука вдруг отвела её в сторону. Потом ещё несколько минут продолжала моросить мельчайшая водяная пыль, похожая на стелющийся по земле туман. Прояснилось. Дождь и ураган продолжали свирепствовать, но теперь уже в

стороне. Все стали присматриваться к видневшимся вдали дамбам каскада, стараясь угадать, как ливень повлиял на плотины и откосы.

Заметив вдали машину, Зосим Лукич машинально снял кепку и с нескрываемой тревогой проговорил, ни к кому не обращаясь:

— Никак, беда приключилась...

Он провёл рукой по намокшим редким льняного цвета волосам, торопливо накинул на голову кепку, поднял только что опущенный капюшон дождевика. Он не скрывал своего беспокойства и говорил вслух всё, что думал.

— Ох, большое несчастье может быть... Сами посудите, что будет, если сорвёт плотину. Сорок миллионов кубометров воды! Унесёт, всё унесёт! Смоет всё как есть!..

Он помолчал, как бы раздумывая над тем, какое принять решение, и вдруг, резко обернувшись, почти крикнул:

— Чего же мы, олухи, топчемся? Людей, селения, скот спасти надо, выводить из долины на перевал...

Этот обычно медлительный мужчина, к всеобщему удивлению, в несколько прыжков оказался на верху высокой мраморной лестницы и скрылся за дверью. Через секунду его фигура появилась в окне. По движению губ и нетерпеливым жестам было件нятно, что он говорит с кем-то по телефону, предупреждая, видимо, о надвигающемся, по его мнению, несчастье...

Машина мчалась с предельной скоростью, словно неслась по воздуху. На её пути поднимались каскады брызг, и когда они рассеивались, машина была уже далеко, взметала всё новые и новые буруны всплесков. Кто-то не выдержал:

— С хорошей вестью так не спешат...

Почти все невольно думали об одном и том же: успеет ли машина достичь посёлков, расположенных внизу долины, прежде чем рухнет под тяжестью водной громады плотина.

На развилке шоссе бешено мчавшаяся машина накренилась, прижимаясь правым бортом к каменной мостовой, и повернула на просёлок к экспериментальной

лаборатории ЦНИИСТА. От неожиданности несколько голосов не выговорили, а выдохнули:

— К н-а-а-а-м!..

Надсадно взвизгнули тормоза. Прокатившись по инерции несколько метров и затем отпрянув назад, машина остановилась. Из неё вышел генерал Прозоров.

— Где профессор? — чуть сипловатым мягким баском спросил он вытянувшегося постового. Автоматчик бросил короткий взгляд на стеклянный купол крыши и отчеканил:

— В «Моссельпроме», товарищ генерал...

ГЛАВА V

ПОД КУПОЛОМ «МОССЕЛЬПРОМА»

Профессор Пётр Кузьмич Кремлёв первым заметил огненный край восходящего солнца. Дрожащие косые лучи, прогоняя саван утренней тьмы, всё глубже и глубже проникали в складки лесистых гор.

С «капитанского мостика», как профессор в шутку называл сооружённый на крыше двухэтажного лесного особняка просторный купол из плексиглаза, открывались причудливые очертания далей. По мере того, как из-за горизонта поднималось солнце, на фоне тёмной и однообразной синевы леса выступали очертания далёких увалов и хребтов, обнажая направление горных хребтей. Были ли это действительно горные хребты, глубокие долины со сверкающими в их низинах зеркалами лесных озёр или просто колеблющийся мираж лесных далей — учёному было безразлично. Он озабоченно следил в свой бинокль только за одной точкой — Кедровой горой. То и дело опускал бинокль и обращался к сидящему рядом сыну с одним и тем же вопросом:

— Ничего не вижу... Как у тебя, Володя?

— Над обрывом справа поднят красный флаг — хороший ориентир на фоне густой зелени хвои. Но людей я не вижу...

— Смотри, смотри, Володя, внимательнее. Мне важна каждая мелочь. Эх, застилает! — Он торопливо

протёр глаза и вновь прильнул к биноклю. — Ничего не могу различить, — ворчал он с досадой, вращая регулятор. — А у тебя, Володя, видно что-нибудь новое?

— Вижу дымок...

— Вижу, вижу. Так, так! Приготавливаются. Запиши, Володя, время. Это сигнал перед запуском...

— Смотри, смотри, папа, пошли!

— Пошли, пошли, сынок! Наблюдай внимательно.

Вверх, к голубому небосводу, со стремительной быстротой неслись ракетные снаряды, оставляя за собой желтоватые полосы. Через двадцать секунд на большой высоте вспыхнули светлячки ослепительно-ярких огней, и на их месте повисли огненные шары, мгновенно образовавшие облака паров.

Так иногда появляются на горизонте маленькие кудрявые облака, расширяясь и застилая весь горизонт, превращаясь в обложные вороньи тучи, с проливным дождём и шквальным ветром. Моряки не раз видели, как из белых барашков, замеченных у горизонта, вырастает, расплываясь по небу, чёрная туча — предвестник шторма.

Профессор не сводил глаз с контрольных стрелок на приборах. Потом порывисто встал, присел на корточки у аппаратов, разглядывая кривую на рулончике меловой бумаги. Когда по прозрачному куполу ударили первые крупные капли, он пожал плечами и, подняв вопросительный взгляд на сына, не то спросил, не то просто подумал вслух:

— М-м д-да... Это что ещё такое? Никак дождь? Значит, опыты безрезультатны. Начинаем всё сначала...

— Не огорчайся, папа. Диаметр огневого кольца и сила взрыва зафиксированы. Вот только данные после пяти секунд не ясны.

— Отмечаются ли признаки второй детонации?

— Видимо, да. Тут кривая очень непостоянна. После первого скачка есть ещё два, силой превышающие вдвое силу начального разряда.

— Вот-вот!

Профессор словно очнулся, повеселел.

— Слышал, какой басок, а? С ветерком да ещё с огоньком — превеликая сила.

— Всё это хорошо, кабы не такие обильные осадки. Это же противоречит сухим реакциям газов.

— Да-а,— согласился профессор. — Дождик хорош, но не здесь. Вода и огонь живут рядом, да не дружат...

Владимир Петрович первым заметил приближающуюся машину и вскинул бинокль.

— Генерал Прозоров спешит. Видимо, что-нибудь случилось.

— Всё может быть, — согласился профессор. — Пойдём вниз.

Спустившись в фойе-гостиную, они услышали надрывный голос Зосима Лукича, переглянулись. Профессор подошёл к двери, тихонько приоткрыл её. Поняв, о чём идёт речь, сердито прикрикнул на Зосима Лукича и выхватил у него трубку.

— Кто это? А-а-а, каперанг Баканов... Что вы говорите? Да нет, нет. Вздор! Не слушайте вы этого паникёра. Ну, что мне с ним делать? Честен он до мозга костей, а трус до кончиков волос... Как вы сказали? Перевести? Вот-вот, хорошо. Избавьте меня, пожалуйста!..

Зосим Лукич, зная крутой нрав профессора, поспешил удалиться. В дверях он почти столкнулся с Прозоровым и, испуганно посторонившись, уступил ему дорогу.

Генерал, широко улыбаясь, шагнул навстречу Владимиру Петровичу.

— Здравствуй, здравствуй, Петрович! Ну, а старик где? Как у вас тут дела, настроение?

— Он там, — сказал вполголоса Владимир Петрович, кивнув головой в сторону соседней комнаты. — Доволен. В хорошем настроении. Вот только Зосим Лукич чем-то досадил, но он и его прогнал довольно миролюбиво.

— Что же такое мог выкинуть Зосим? Перепугался, видимо, грозы с ясного неба.

— Не знаю, Алексей Никитич. Ну, а как там в зоне?

— Превосходно! — Прозоров лукаво подмигнул. —

Идём к старику, расскажу всё по порядку... Вот только три снаряда... Он взял Владимира Петровича под руку. — Да, только три снаряда полыхнули ниже заданной высоты. Ой, ой, ой, что было!

В эту минуту в комнату вошёл Споряну. Услышав слова генерала, он остановился, вопросительно глядя на говорившего. Тот с улыбкой продолжал:

— Ничего, ничего, инженер. Досталось только елям и лиственницам. Тем, что стояли за глухариным током. Гектаров эдак шесть плашмя положило. Вывернуло с корнем. А некоторые деревья, с гнилой сердцевинкой или дуплистые, под самый корень оторвало и отбросило в сторону на пятьдесят-шестьдесят метров. А что если в такой воздуховорот попадёт самолет? Представляете...

На пороге показался профессор.

— Что это вы гнали, генерал, сломя голову? Рискованно, рискованно! Ну, заходите, выкладывайте всё начистоту. Волнуюсь, братец, волнуясь и не скрываю этого. Хочу знать всё.

Усадив генерала на диван, профессор опустился рядом в кресло и откинулся на спинку, положив ладони на массивные львиные головы-подлокотники.

— Слушаю, Алексей Никитич. Только всё, без утайки. Комиссия комиссией, а вы рассказывайте то, что сами видели.

Генерал начал обстоятельно излагать наблюдения, подкрепляя факты своими комментариями. Профессор, слушавший молча, вдруг поднялся и зашагал по комнате. Генерал умолк.

— Говорите, говорите, генерал.

Прозоров изложил мнение членов комиссии о преждевременных взрывах снарядов. Профессор вдруг остановился и сказал сухо официальным тоном:

— Дублированный чертёж двигателя серьёзно искажён. — Он зашагал по комнате, насупив брови. Потом остановился и сказал оживлённо: — Теперь всё поправимо: сам конструктор этим займётся.

— Завтра он приступает к работе, — вставил Прооров.

— Ну и дела!.. — громко сказал появившийся на пороге Вахрушев. — Я вижу, Пётр Кузьмич и не по-

дозревает, — сказал он, пожимая всем руки, — что он великий покоритель природы — повелитель дождей.

Профессор молча переглянулся с сыном, потом с генералом и устало опустился в кресло. Затем вновь поднялся и подошёл к окну. Стена ливня удалялась на юго-запад, закрывая весь доступный взору горизонт.

— Я звонил, профессор, в шесть пунктов, — между крайними 219 километров — и всюду дождь. И все поражены: с утра на небе ни облачка...

— Вы, Дмитрий Дмитриевич, пожалуй, отчасти правы. Но, может быть, это случайность? Если удастся всё повторить, то польза, безусловно, очевидна.

— Да вас, дорогой профессор, на руках будут носить жители засушливых районов.

— Значит, советуете повторить?

— Непременно!

— Неожиданно всё это получилось, но похоже, что Дмитрий Дмитриевич прав. Вот только удастся ли вызвать повторение такого обилия осадков?

— А вы попытайтесь десять, двадцать раз, — убеждал Дмитрий Дмитриевич. — Коли раз удалось, значит, ключ уже в ваших руках. Зрелище было просто фантастическое, захватывающее!

— Явление обычное, Дмитрий Дмитриевич, для нашего времени, — заметил Прозоров. — Страна развивается, растут люди, совершенствуется техника.

— Да-а, достижения нашей техники поистине огромны, — подтвердил профессор. — Что вчера считалось достижением, сегодня сдаётся в архив истории... — Он хитровато улыбнулся и положил руку на плечо Прозорова: — Помните, Алексей Никитич, как в 1918 году вы изобретали берёзовую пушку?

— Как не помнить, Пётр Кузьмич, — улыбнулся Прозоров, — вместе ведь мастерили.

И Пётр Кузьмич рассказал занятную историю. Было это в Сибири, в годы гражданской войны, в годы борьбы сибирских партизан с карательными отрядами адмирала Колчака и японскими оккупантами. Один из партизанских отрядов, которым командовал прославленный таёжный охотник Павел Ваганов, перехватил у колчаковцев два вагона боеприпасов, сре-

ди которых было 50 ящиков артиллерийского пороха. Свинец и гранаты, частично и картечь, нашли применение в отряде, вооружённом в большинстве своём охотничьими фузеями¹, штуцерами², берданками³, марки, как говорили партизаны, тысяча девятьсот японской войны. Не находил применения только артиллерийский порох, ставший обременительным грузом в отряде.

Одни предлагали спрятать порох понадежнее в тайге до лучших времён. Другие советовали использовать для подрыва мостов. Третьи — оборудовать самоходную мину-вагон и пустить навстречу бронепоезду колчаковцев. Партизанскому вожаку Павлу Ваганову больше нравилась идея вагона-мины. «Ну, а ты как думаешь, Алёха?» — спросил однажды Ваганов своего молоденького адъютанта Алексея Прозорова.

— Я думаю, пушку надо сделать, Павел Никитич, из кручёной берёзы и стрелять картечью по колчаковским поездам...

Партизаны встретили это предложение смехом, остротами. Ваганов назвал его детской игрушкой, пустой затеей. Только один партизан, молодой преподаватель химии Томского института Пётр Кремлёв, заинтересовался «берёзовой пушкой». Вместе с Прозоровым они раздобыли нужные инструменты. Выбрали в лесу и спилили приземистую кручёную берёзу. Сначала раскалённой пешней, потом длинным ломиком прожгли в центре берёзового бревна подобие ствола. Рассверлили его на самодельном станке и загнали вовнутрь разысканную в ближайшем депо четырёхдюймовую трубу. Тильный конец её был наглухо заварен стальной втулкой.

Пушка понравилась отряду и действовала безотказно. С тех пор изобретателя деревянной партизанской пушки Алексея Прозорова все в отряде стали называть в шутку «командиром берёзовой артиллерии». Образцы этих пушек можно и сегодня встретить в музеях Сибири...

---

¹ Кремневое ружьё.

² Охотничье нарезное ружьё.

³ Однозарядная винтовка.

У подъезда слышались голоса генерала Галаджи, членов комиссии. Профессор пошёл им навстречу.

— Прошу, — обратился он к прибывшим, — в моё подземное хозяйство. О применении нового топлива вы уже имеете представление по запуску самолётов-снарядов. Теперь посмотрим его наземное применение. Может, и к вам вопросы будут.

Спускаясь по ступенькам к лифту, генерал Галаджи взял профессора под руку и резко остановил:

— А вы знаете последнюю новость?.. Со вчерашнего дня Дмитрий Дмитриевич первый секретарь обкома партии.

— Поздравляю! От всей души поздравляю, весьма рад, — повторял профессор, пожимая руку Вахрушеву. — Это очень кстати. Теперь нам так нужна высокая поддержка, Дмитрий Дмитриевич.

— Можете быть уверены, дорогой профессор, — партия найдёт силы и средства для поддержания новаторов науки.

Прозоров, поздравив Вахрушева, пошёл рядом, рассказывая что-то.

ГЛАВА VI

В ПОДЗЕМНОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Лифт остановился. Из распахнувшихся дверных створок потянуло прохладой. Профессор скрылся в полумраке сводчатого углубления. Щёлкнул выключатель. Вспыхнул ровный свет матовых бра, осветивших кафельную площадку, покрытую ворсистой ковровой дорожкой, у окончания которой, словно нехотя, пошевелилась массивная глыба гранита. Медленно поворачиваясь вокруг своей оси, она поползла в тело стены, открывая вход в тёмный сводчатый тоннель. Пройдя шагов сто в его полумраке, Дмитрий Дмитриевич проговорил нараспев:

— Куда ты ведёшь нас? Не видно ни зги...

— Слишком нежно, Дмитрий Дмитриевич, — слышался густой бас одного из членов комиссии. —

Шляхтич, надо полагать, выкрикнул это Ивану Сусанину на самой высокой ноте...

Профессор, пряча улыбку, остановился, предупредительно поднял руку.

— Тссс. Шуметь не разрешается.

Вспыхнул луч карманного фонаря и, чуть вздрагивая, побежал по каменной стене. Через минуту-две пучок света, направляемый рукой профессора, нащупал мраморный восьмигранник, вмурованный в стену. На глади мрамора выступила славянская вязь: «Да не осквернится обитель сия ни делом, ни словом, ни помышлением...»

— В старину здесь аввакумовцы спасались от грехов земных. Это их сооружение, — пояснил профессор

— Теперь готовьтесь лицезреть лики святых, — пошутил Дмитрий Дмитриевич, — а там приобщимся к мощам великих угодников... Да, Пётр Кузьмич, а мощи «святого Софрония» сохранились?

— Антирелигиозному музею передали. «Святой Софроний» — на редкость грубая фальшивка. Когда анатомы присмотрелись к скелету, он оказался женским.

Профессор остановился, прислушиваясь к чему-то. Все затаили дыхание. Откуда-то из глубины горы доносилось ровное гудение, напоминающее «пение» телеграфных проводов тихой ночью.

— Слышите?.. — оживлённо произнёс профессор. — Поют, как басовая струна. Поют безумолку, — он взглянул на циферблат ручных часов, осветив их фонариком, — вот уже 125 часов...

Профессор нажал кнопку. Прямо перед спутниками, словно поднятый волшебной силой, отделился и пошёл вверх каменный квадрат стены. Открылся огромный сводчатый зал, похожий скорее на подземный ангар. На длинных стендах, вдоль параллельных двухтавровых балок стояли странной формы У-образные двигатели. В развилке каждого вместо обычного бака для горючего — цилиндрический стакан, напоминающий укороченный наполовину кислородный баллон. Под высокими каменными сводами, покоящимися для безопасности на чугунных колоннах, гудение двадцати

различных моторов сливалось в один голос и было похоже на мощную октаву сирены океанского лайнера.

Перед профессором откуда-то из полумрака появился плотный мужчина в синем, аккуратно облегающем фигуру комбинезоне и отчеканил:

— Стендовые испытания проходят успешно. Подача горючего и его сгорание протекают нормально. Присущих нет. Двигатели переключены на максимальный режим.

— Прошу ознакомить правительственную комиссию с характером стендовых испытаний.

Дежурный инженер сложил руки рупором и крикнул в глубину подземного зала:

— Механик! Журнал стендовых испытаний — быстро!..

Члены комиссии неторопливо переходили от одной группы моторов к другой, прислушиваясь к мерному гудению двигателей. Дмитрий Дмитриевич и генерал Прозоров о чём-то вполголоса переговаривались между собой. Потом Дмитрий Дмитриевич подошёл к профессору.

— А как же, профессор, выключить эту бушующую стихию, как немедленно остановить двигатель, если это потребуется?

Дмитрий Дмитриевич сказал это, обменявшись лукавым взглядом с Прозоровым. Они оба хорошо знали, что профессор демонстрирует это всегда сам и с большой охотой. И действительно, вместо ответа на вопрос, профессор подошёл к контрольному щиту управления одного из двигателей, нажал красную кнопку, и мотор, тяжело вздохнув, умолк. Повернувшись к членам комиссии, он пояснил:

— А теперь, чтобы запустить двигатель вновь, достаточно нажать белую кнопку...

Его указательный палец лёг на эмаль кнопки. Послышался еле уловимый металлический щелчок, и внутри трубки, отводящей газы, послышалась знакомая «мелодия» вырывающихся с огромной силой газов, свидетельствуя о том, что двигатель работает вновь.

— Зелёная кнопка, — пояснил профессор, — это

управление подачи газа в камеры сжатия, — и начал наглядную демонстрацию.

— Видите шкалу? — продолжал он. — На ней 10 делений. На первом делении горючего поступает столько, сколько нужно для нормальной работы малолитражного автомобильного двигателя или мотора небольшого катера. На втором делении — питание двигателя утраивается. Его достаточно для работы любого автомобиля на предельных скоростях. Третьего деления достаточно для поршневой группы мощного плантажного трактора, семитонного грузовика или речного катера на 100—150 пассажиров...

Теперь начал объяснения дежурный инженер.

— Малолитражные двигатели, — уверенным тоном докладывал он, — за время работы на стенде проделали «путь», равный 10—11 тысячам километров. Расход горючего на 100 часов работы исчисляется несколькими килограммами. Из этого следует, что одного баллона горючего (какие стоят сейчас на моторах) хватит на 120 тысяч километров.

— Позвольте, — перебил его один из членов комиссии, — насколько я понимаю, этим решается грандиозная проблема народного хозяйства. И решается просто фантастически.

— Вы правы, Матвей Александрович, — заметил главный конструктор завода, изготовлявшего опытные двигатели для лаборатории профессора Кремлёва. — При выпуске автомобиля цех сборки ставит на машину один такой баллон с новым горючим, и у её владельца нет хлопот о бензине. Одного баллона, если я не ошибаюсь, хватит на всю жизнь автомобиля?

— Именно так, — согласился профессор. — Только один баллон на весь срок эксплуатации или до капитального ремонта. Мне кажется, это неплохо.

— Не нужны будут бензоколонки, склады горючего, — добавил Прозоров. — Исчезнут на улицах городов и сёл пары бензина и керосина, люди забудут о них, как мы забыли об огне, добываемом путём трения. Бензин и керосин выйдут из употребления так же, как отжила свой век лучина.

— Пётр Кузьмич, — обратился Споряну к profes-

сору Кремлёву. — Профессор Хрусталёв и профессор Левашов заинтересовались устойчивостью налёта на металле. Я несколько отстал за время командировки. Не знаю о последних исследованиях...

— Явления чрезвычайно интересные, — стал объяснять Кремлёв. — Обратите внимание, коллеги, на слой полированного налёта на внутренней плоскости газоотводной трубы... Не поддаётся воздействию не только атмосферных влияний, но и многих кислот. В полном смысле — антикоррозийное вещество.

— Надо полагать, — заметил Хрусталёв, — очень высока устойчивость этого налёта и в процессе трения... Профессор Левашов уже пробовал его удалить, но слой и даже его блеск остаются неизменными.

— Исследования показали, — подтвердил Кремлёв, — что налёт необычайно устойчив. Почти не подвержен механическому воздействию. Соляной раствор любой концентрации не влияет совершенно. Налёт приобретает при этом эксперименте какой-то глубокий зеркальный блеск, точно канал трубы подвергся особому хромированию.

— А при воздействии кислотами?

— Устойчив. Сейчас лаборатория работает над разгадкой этих секретов.

— Это очень важно, Пётр Кузьмич, — убеждённо сказал Хрусталёв. — Если налёт не менее устойчив и по отношению к атмосферному влиянию, то это же новое противокоррозийное вещество!

Учёные продолжали беседовать о возможностях покрытия налётом водопроводных труб, а Споряну думал о том, что свойство газа покрывать устойчивым налётом металл делает его непригодным для поршневых двигателей, особенно при межпланетных полётах.

А в противоположном конце стенда практики слушали пояснения инженера:

— На мощном моторе, — говорил он, — расход горючего наиболее эффективен. Здесь действие газов возрастает пропорционально объёму камер двигателя и требует горючего на 10 процентов меньше... т. е., чем больше объём цилиндра, тем эффективнее сгорание, тем больше давление газов.

— Будьте добры... — раздался чей-то бас. — На этой шкале десять делений. Какова же сила сжатия на десятом делении? Можно ли её применить, скажем, на мощном паровозе, на танкере?

— О последнем делении, — пояснил дежурный инженер, — можно составить представление по следующим данным. На пятом делении можно питать не только двигатель дизельпоезда, но и авиационные моторы любой мощности. Седьмое отмечает максимальные потребности океанского лайнера водоизмещением до 50 тысяч тонн. А десятого вполне достаточно для того, чтобы вращать турбины таких гидроэлектростанций, как «Днепрогэс».

— Т-а-а-к, — протянул тот же бас, — что-то колоссально большое. В чём же состоит секрет необычайной силы этого горючего?

— В самой его химической природе, — ответил подошедший Кремлёв.

Закончив обход стендов, члены комиссии начали расспрашивать о том, как идёт подготовка базы для всестороннего испытания нового горючего в производственных условиях.

— Намечена обширная программа испытаний, — сказал генерал Прозоров. — В одном из морских доков закончено оборудование океанского лайнера. Сейчас на двигателях монтируются гнёзда для установки баллонов. В недалёком будущем можно начинать заводские испытания... Выделено 20 автомашин различных марок и десять мощных тракторов-тягачей. Идёт проверка качества монтажа двигателей... Готовы водители, намечены маршруты.

Члены комиссии беседовали о подготовке к большим производственным испытаниям, а Вахрушев, прислушиваясь к их разговорам, мысленно уносился в недалёкое будущее. Он со всей ясностью представлял работу теплоцентралей, не выбрасывающих из своих труб дыма и пепла, бесшумный бег автомобилей, не оставляющих за собой выхлопных газов и бензиновых паров. Он мысленно старался представить, какой экономический эффект принесёт кругосветное плавание судов без захода в порты и какие это вызовет толки в

среде торговцев углем и нефтью на больших морских дорогах.

— Довольно успешно, — как бы подкрепляя мысль Вахрушева, говорил Прозоров, — готовятся к испытанию нового горючего пять городских ТЭЦ, различных по мощности.

— Следовало бы, — заметил Кремлёв, — посмотреть всё это в работе.

— Испытания лайнера, профессор, должны начаться при вас. Вам поручено перерезать ленту, соединяющую корабль с берегом.

— Прекрасно. Обязательно буду.

— Хороши игрушки! — Дмитрий Дмитриевич хлопал ладонью по баллону. — Поставил одну такую на речной теплоход и гуляй всю навигацию. Ни дров тебе, ни угля, ни кочегаров...

— Да, — подтвердил профессор, — ёмкость баллона всего 50 литров. Но тем не менее не за горами то время, когда в трюмах судов исчезнут угольные ямы, дровяные и нефтяные отсеки, когда место бензиновых баков на самолётах займут пассажирские кресла.

— Красота! — оживился Вахрушев. — Представьте: стоит океанский пароход у причала. К его борту подходит грузовой автомобиль. Опускается трос судовой лебёдки. Шофёр цепляет на крюк контейнер. Поднимается в этом контейнере вот таких 20 баллонов на палубу. А там механик ставит 18 из них в сейф, а два — под стальной герметический кожух на двигателях. Включает регулирующие механизмы и... свободен на пять тысяч миль. Два баллона — пять тысяч миль. Один контейнер горючего на всю навигацию.

— Фантазия!..

— Нет, это уже не фантазия, а ясная перспектива, уважаемые гости, — пояснил Прозоров. — Вот она, смотрите. Хотя и не вечный, но бесспорно долговечный двигатель, ломающий все прежние представления о движении не только на земле и воде, но и под водой, и в стратосфере.

— Пётр Кузьмич, а как же всё-таки с дождями? — улыбаясь, спросил Дмитрий Дмитриевич. — Я не моряк и не лёгчик. Моя стихия — грешная земля. Дож-

дик меня интересует. Дождик. Тысячи, сотни тысяч хлеборобов степных районов мечтают об этом. Дождей ждут пески пустынь. Вы запустили в небеса, кажется, 18 снарядов...

— Три из них взорвались над самой землёй, — уточнил Споряну.

— Да, да, три снаряда, — подтвердил профессор. — Риск, большой риск...

— Хорошо. Но 15 или даже пусть 5 поднялись в стратосферу. Значит, есть надежда — полетят все, сколько нужно и куда нужно. Эх, вот бы запустить туда не 15, а 150 или, если нужно, и все 1500. Представьте себе, профессор, — плывут кучевые облака, а на земле ни росинки. Всё сохнет: хлеба, сады, травы. И вот вы, главнокомандующий небесной артиллерией, отдаёте приказ: «Расстрелять облака, встряхнуть их так, чтобы ливнем упали на землю».

— Опыт, продемонстрированный сегодня, — вставил генерал Прозоров, — эту идею превращает в реальность.

— Правильно, — заметил Дмитрий Дмитриевич, — значит, поведём наступление на природу развёрнутым фронтом.

— Идея искусственного дождевания, её значение для страны...

— Для всего мира, профессор...

— Допустим, и для всего мира, мне понятна. Но двигатель... — он взглянул на Споряну. — Я в нём ещё не уверен. Рискованно... опасно, тем более в размерах, которые вы предлагаете. Ведь достаточно взорваться близко от земли всего 10—15 снарядам из 150 — и...

— А я уже вижу, профессор, — мечтательно сказал Дмитрий Дмитриевич, — как цветут в пустынях сады, слышу, как колыхается бескрайнее зелёное море высоких трав среди песков...

— Идея благородная, жизнеутверждающая.

— Значит, профессор, вы согласны повторить опыты?

— Попробуем, непременно попробуем, но...

— Нет уж без всяких «но». Дайте вашу руку, ве-

ликий поливальщик — Илья Пророк, сошедший на бrenную землю.

— Хорошо. Опыты повторим. Буду торопить инженера Споряну. От него зависит успех этой проблемы. Без него, да ещё в зонах населённых пунктов, я с этими «игрушками» экспериментировать не решусь. Правда, здесь, над дебрями леса можно попробовать...

Он повернулся к дежурному инженеру, что-то сказал полушёпотом, потом весело продолжал:

— Ну, а теперь, друзья мои, наверх. Там обменяемся мнениями и по русскому обычаю — к столу.

— Профессор, я тороплюсь...

— Дмитрий Дмитриевич! Прошу не возражать. Вы в моём монастыре, стало быть, придерживайтесь моих уставов. Тем более, что есть повод поднять бокалы. — Пётр Кузьмич намекал на новое назначение Вахрушева.

— Какой повод? — любопытствовал один из членов комиссии.

— Пётр Кузьмич, — шутливо погрозил профессору Вахрушев, — не разглашайте под землёй доверенную вам тайну. Место здесь ненадёжное.

Пётр Кузьмич предложил всем войти в глубокую нишу. Когда люди разместились, по стене скользнул пучок света ручного фонарика и раздался щелчок включаемого рубильника. Площадка ниши начала медленно разворачиваться. Сделав пол-оборота, она чуть вздрогнула и бесшумно поползла вверх.

ГЛАВА VII

В ЗАМКЕ ФРАУ ФОН БРЕТТ

Новые хозяева замка фрау фон Бретт часто задерживались до утра. Трижды из-за этого Иржи Томмах не мог выйти к воротам на свидание с внуком. Он встретился с ним только спустя недели две.

Однажды, любуясь садом, Иржи Томмах услышал знакомый голос у ворот замка. Он ещё издали узнал голос внука и испуганно замахал руками, прося, что-

бы тот замолчал. Оглядываясь по сторонам, он рассказал вкратце внуку историю своего заточения. Условившись о часах встречи у ворот по ночам, они распрощались.

Через несколько дней Энрике принёс старому Томмаху пару голубей и, ничего не спрашивая, сказал коротко:

— Если нужно будет, пошли известие с голубем. Так просили наши...

Когда дед опомнился, внука уже не было. «Так просили наши», — мысленно повторял Иржи Томмах, осторожно ступая по дорожке, чтобы не выдать себя, и прижимая к груди тёплых дрожащих голубей. Молча поднялся на балкон второго этажа, спрятал в старой пустой клетке голубей и, вернувшись в свою комнату, лёг в постель. Но уснуть долго не мог. «Так просили наши», — звучало у него в ушах.

Вскоре голуби настолько привыкли к старику, что он решил выпустить их на волю. Они долго кружили около замка, наслаждаясь свободой, потом вернулись на террасу. Томмах насыпал им зерна и ушёл. Утром голуби снова оказались на террасе. Через неделю они привели ещё несколько пар домашних голубей. А позднее, достаточно было старику выйти на один из балконов, как голуби атаковали его со всех сторон. От внука он узнал и о том, что первая пара голубей часто прилетает домой и уводит с собой остальных. Дед ещё заботливее стал ухаживать за своими пернатыми друзьями.

С тех пор Иржи Томмах часто пользовался услугами голубей для пересылки «новостей» замка, которых он узнавал с каждым днём всё больше и больше. Но он не знал, какую службу сослужили голуби друзьям его внука, вынося на своих крыльях тайны старого замка.

Новые хозяева попросту не замечали старого сторожа. Иржи не мог выйти из замка, потому что ключи от всех выходов были в руках ночных обитателей. Прогнать старика или уничтожить его они не могли, потому что он один знал все тайники замка и был им ну-

жен. Посвящать в тайны замка новое лицо было куда рискованней.

Старик молчал и наблюдал. Молчал, но не одобрял того, что начал понимать. Однажды, проводив ночных обитателей замка в лабиринт подземного выхода и опустив тяжёлую чугунную плиту, он вернулся в зал и долго стоял в раздумье посреди только что покинутого зала. «... Базальтовые горы... инженер Споряну.» — повторял он услышанные обрывки фраз, стараясь понять их смысл, сопоставить с тем, что слышал от внука, но так и не смог связать их воедино.

— Будь оно проклято, это гнездо злодеев, — сказал он сердито, махнул безнадёжно рукой и пошёл в свою комнату.

Он долго лежал с закрытыми глазами на старой, продавленной и потёртой кушетке, мысленно перебирая в памяти всё, что запомнил из слышанного. Его тревожило слово «Москва», которое так часто сегодня повторялось в разговоре. Иржи Томмах очнулся от раздумий, когда из пустого зала полилась полночная мелодия боя старинных часов. Он открыл глаза, прислушиваясь к давно знакомым звукам, широко улыбнулся и бодро поднялся с кушетки, хлопая по бёдрам руками и приговаривая:

— Совсем было запамятовал! Ах ты, старый глупец, да где же раньше-то были твои мозги? Старею, совсем старею — такое запамятовал — тьфу, тьфу, анафема...

Продолжая бранить себя, он открыл стенной шкаф и начал перебирать там что-то. Через несколько минут достал тетрадь, положил её на столик у изголовья кушетки, придвинул стул и зажёл свечку. Долго он выводил на листке бумаги трудно поддающиеся старой руке буквы, затем вырвал его, аккуратно свернул несколько раз, спрятал за подкладкой шляпы.

Он ещё несколько раз ложился на кушетку, пытаясь уснуть, но, поворочавшись, поднимался, подходил к окну, словно никак не мог дожидаться рассвета. Наконец, до его слуха донёсся утренний перезвон часов городской башни. Он торопливо взял шляпу, отыскал за подкладкой записку, посмотрел пристально на

неё, снова положил на место, плотнее одел шляпу и скрылся в боковой двери. Почти час он шаркал подмётками ботинок по ступеням крутой каменной лестницы, ведущей на верх главной башни. Временами, нечаянно стукнув о каменную стену котелком, в котором нёс своим питомцам зерно, он пугливо останавливался, затаив дыхание, и робко оглядывался вокруг.

Когда он поднялся на верхнюю площадку, с которой был виден весь город, солнце уже показало из-за горизонта свой огненно-дрожащий край. Весь город: оцинкованные крыши домов, зеркала окон, обращённых к восходу, купола монастыря, кирх и башен — словно горел, отражая яркие лучи восходящего светила. Иржи Томмах будто не замечал этого. Он пристально всматривался в западную часть города и, наконец, радостно улыбнулся и произнёс с облегчением: — Летят... Уже летят, увидели...

К башне приближалось несколько разноцветных голубей: белоснежные, коричневые, белокрылые. Старик не глядя взял из котелка горсть зерна и посыпал его около своих ног.

Голуби привычно упали к ногам Иржи Томмаха. За ними подлетела стая сизарей¹. Ссорясь из-за зерна, они разом взлетали, громко хлопая крыльями, снова садились на пол, перила башни и плечи старика. Он насыпал зёрен на руку и не успел ещё протянуть её, как на ней уже сидела пара белокрылых ручных голубей. Томмах внимательно рассматривал их, подсыпал зёрен и, улучив момент, поймал одного. Голубь сначала замахал крыльями, но потом успокоился, продолжал склёвывать зёрна с ладони. Томмах повременил немного, потом осторожно взял голубя за крылья, погладил его, положил в шапку и наклонился к полу. Минуты через две выпрямился, подошёл к барьеру и подбросил голубя в воздух. Тот взвился ввысь и стремительно полетел в сторону города.

Иржи Томмах долго смотрел ему вслед, щурясь и улыбаясь. Когда голубь скрылся из виду, старик облегчённо вздохнул и тихо произнёс:

---

¹ Дикий голубь

— Полетела весточка... Найдутся ли люди, которые разгадают эту тайну?..

В следующий вечер новые хозяева замка куда-то спешили. Когда опустилась тяжёлая чугунная плита, преграждающая выход из подземного лабиринта, один из ночных посетителей старого замка включил ручной фонарик. Высокий, с угловатыми плечами, сильно полысевший мужчина поднял предупреждающе руку и осторожным шагом вернулся к чугунной плите. Минуту он прислушивался к движениям и шорохам по ту сторону плиты и, убедившись, что сторож ушёл, заговорил:

— Вы, майор, вполне доверяете этому... ну, как его...

— Иржи Томмах, — подсказал майор.

— Да, да. Этому опытному придворному лакею.

— Проверяем, господин адмирал. В доме баронессы он живёт 40 лет. Отзывы барона самые положительные. Полагаю, этот старик безопасен в таких условиях. Из замка нет выхода.

— А связи, родственники?

— Пока нет улик.

— Пока...

— Именно пока. Ведётся тщательная проверка.

Адмирал промолчал и, повернувшись, пошёл за третьим спутником, освещавшим узкий подземный ход ручным фонариком. Сейчас он думал уже совсем о другом. Перед его глазами возникали фантастические картины, описанные в последних донесениях «Консула». У самого выхода из подземелья спутник выключил фонарик и свистнул, подражая иволге. Почти рядом из темноты возникла фигура автоматчика. Майор Саккен, на шаг опередив адмирала, спросил:

— Светает?

— Гаснут звёзды, — ответил автоматчик и, круто повернувшись, пошёл к выходу.

Миновав заросли, скрывавшие ход в подземелье, спутники сели в закрытую машину. Шофёр минут десять ехал с потушенными фарами, а когда машина вышла на шоссе, включил подфарники и прибавил газ. Машина, быстро набирая скорость, понеслась по асфальту. Молчавший всё время адмирал положил руку

на колено рядом сидевшего майора и, почти шёпотом, сказал:

— На несколько дней отлучусь. Следите за событиями.

— Есть следить, — так же тихо отозвался майор.

В пригороде машина остановилась у калитки заросшего густой зеленью палисадника. Адмирал вышел, не сказав ни слова, и скрылся за калиткой. Машина так же неслышно тронулась и вскоре скрылась за поворотом.

Адмирал открыл высокую дверь парадного, снял пыльник, одел форменный плащ, сменил шляпу на морскую фуражку и с другой стороны сада на другой машине поехал в городскую служебную квартиру. На одной из улиц шофёр «помигал» световыми сигналами, и в тот же миг в следующем квартале распахнулись ворота. Машина с ходу проскочила во двор. Через несколько минут адмирал уже сидел за столом в своём кабинете, перечитывая новое донесение. На бланке с пометкой «срочная» было всего несколько фраз.

«Готовятся повторные испытания. Предполагаемый район — северо-восточные отроги Базальтовых гор. По неточным данным испытывается «СИД-1» инженера Споряну. Район испытаний тот же. В обоих случаях имеет непосредственное отношение к испытаниям профессор Кремлёв. Устанавливаем подробности».

«Консул»

Адмирал перечитал донесение ещё раз, откинулся в кресле, допрашивая самого себя. «Неужели это тот самый инженер Споряну?.. Не может быть! Он же при встрече с «Корнетом» упал в пропасть... Не мог же он воскреснуть из мёртвых?» Адмирал долго сидел молча, потом не спеша поднялся, подошёл к простенку и дёрнул за шнур. Открылась большая географическая карта СССР, испещрённая карандашными пометками. Адмирал подошёл ближе.

«Значит, здесь, у отрогов Базальтового перевала, — подумал он. — Но что же там может быть?.. И кто такой Споряну: однофамилец того или...»

Он долго стоял молча, размышляя. Потом быстрыми шагами подошёл к столу, взял из настольного держателя листок бумаги и написал: «Срочно выяснить личность инженера Споряну. Какова связь, отношения с конструктором Антоном Споряну. Вторично запросить «Консула» — Адмирал».

Свернув записку, адмирал опустил её в отверстие «почтового ящика» в стене и включил настольный вентилятор. Вспыхнула зелёная лампочка в верхней люстре. Через несколько секунд послышался металлический щелчок и вентилятор остановился.

Адмирал медленно прошёл к стене, из которой торчала хромированная ручка, открыл сейф, достал объёмистую папку, вернулся к столу и опустился в кресло.

Над документами он просидел не менее часа, потом откинулся в кресле, прищурил глаза. Достал из стола донесение «Консула», прочитал и вновь задумался. «Очевидно, это тот самый Споряну», — решил адмирал. Он снова прошёл к карте.

— В районе Базальтовых гор, — произнёс он нараспев, рассматривая район Базальтового перевала. — Интересно, чрезвычайно интересно... Что же там готовится? Хорошо, если удастся проникнуть поближе к перевалу и увидеть всё своими глазами...

Он постоял ещё несколько минут в раздумье, затем подошёл к столу, вложил документы в папку, закрыл её в сейф и опустился в кресло. Так он просидел минуты три. Затем медленно протянул руку к настольной лампе, выключил её, усталое поднялся и не спеша скрылся за портьерой боковой двери.

Щёлкнул замок закрывшейся за ним двери, в люстрах кабинета погас свет.

На улице уже занималась утренняя заря.

ГЛАВА VIII

«СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ»

Августовский закат позолотил зубчатые снежные вершины Базальтовых гор. Причудливые уступы синих громад казались неестественными, нарисованными кистью неопытного художника. Именно они, эти

горы, и волновали сейчас стоявшего в раздумье на башне буддийского храма высокого, костлявого, сильно полысевшего мужчину.

Зажав в узловатых крупных руках «стволы» морского бинокля, он медленно просматривал горные края, будто отыскивал уходящий к снежным вершинам караван.

Был ли это учёный-геолог или богатый турист — любитель горных пейзажей, или очередной разведчик — никто не знал. Иностранцы приезжали в эти красивые места, не спрашивая согласия местных властей, и уезжали, не докладывая. Они бесцеремонно фотографировали дороги, перевалы. И так же бесцеремонно располагались на отдых и ночлег там, где им нравилось. Этот иностранец — «турист в синем берете», как его называли местные жители, — прибывший в сопровождении двух атлетов, облюбовал башню буддийского храма, в двух километрах от отеля «Лесная каравелла». Правда, он не фотографировал мостов и дорог, но настойчиво выводил у старожилов направление и конечные пункты горных троп.

Пользуясь хорошей погодой, он почти весь день проводил на башне: наблюдал розовое зарево светящихся в лучах заката снежных вершин, долго не отрывался от бинокля, молча любясь огненной панорамой гор. Солнце уже спускалось за горизонт, но снежные пики всё ещё горели, словно далёкие костры. Один из его спутников нарушил молчание:

— Чудесное зрелище, адмирал...

Иностранец медленно повернул голову в сторону говорившего. Взглядом он будто хотел пронзить насквозь так неосмотрительно проговорившегося собеседника.

— Не за-бы-вай-тесь! — раздражённо проговорил он по слогам и вновь прильнул к биноклю.

— Виноват, господин профессор...

«Профессор» не ответил. Когда сгустились сумерки, заслонившие тёмной пеленой горные хребты, он молча передал бинокль своему спутнику и пошёл к выходу. Спустившись по освещаемому ручным фона-

риком лабиринту лестниц, он сел в машину, резко захлопнул дверцу и процедил сквозь зубы:

— В монастырь...

Визит в монастырь затянулся до поздней ночи.

«Профессор» возвратился в хорошем расположении духа, довольный встречами, беседами. Не менее часа он ещё делал какие-то пометки в блокноте. Вскоре в окнах его комнаты потух свет, но «профессор» ещё долго лежал с открытыми глазами, занятый своими мыслями. Потом медленно закрыл отяжелевшие веки.

Рано утром он почувствовал, что прямо в окно упал ослепительный луч. Он открыл глаза и вскочил, не понимая, в чём дело. В комнате было во много раз светлее, чем днём. Выйдя на балкон, адмирал Ландэ застыл в изумлении. Над Базальтовыми горами стояло яркое зарево, выбросившее к земле огненные полосы молний.

Не успел он собраться с мыслями, как зарево потухло. Где-то далеко-далеко слышались дробные раскаты грома.

— Гроза надвигается, — процедил он сквозь зубы с таким недовольством, словно эта гроза — самое неприятное для него событие. Прищулив глаза и помолчав немного, он добавил: — а возможно, и повторение тех же испытаний...

«Что это за тайна, как в неё проникнуть? — думал он, припоминая донесения разведки. — Проникнет ли в эти секреты «Брюнет-прима»?

Он долго ходил по комнате, озадаченный вспышками заоблачного зарева, сопровождаемого необычным громом: «Что же всё-таки означает «СИД-1»: новое реактивное оружие или стратосферный самолёт? Если самолёт, то чем вызвано зарево? Если сверхмощная пушка, то какая связь между ней и грозовым циклоном?»

— В чём же всё-таки дело? — повторил он громко, наблюдая за усиливающимся ливнем. Вскоре налетела ещё более сильная полоса ливня, и адмирал уснул под убаюкивающую песню застучавшего по железной крыше дождя.

Та же мысль тревожила «профессора» и весь следующий день. К вечеру ему позвонил шеф «Колледж Экономик».

— Господин профессор, вы читали сообщения газет о «Солнечной буре»?...

— О солнечной? — переспросил профессор.

— Именно о «солнечной»...

Шеф так подчеркнул сказанное, что «профессору» Ландэ, старому разведчику, стало всё ясно. Через полчаса в сопровождении своих спутников он сидел в самолёте с газетой «Шарк телеграф» («Телеграф Востока») в руках, на первой странице которой выделялся жирный заголовок:

СОЛНЕЧНАЯ БУРЯ!..

САМГУНЬ (по радио). Ровно в шесть часов по местному времени над Базальтовым перевалом, а может, и за ним, блеснули яркие вспышки, похожие на взрывы атомной бомбы. И в то же мгновение понеслись в высоту огненные полосы ослепительного света, напоминающие лучи мощных прожекторов. Прошло несколько мгновений, и на широком пространстве небосвода, над уносящимися в стратосферу полосами огненных лучей, вспыхнуло огромное зарево.

Каждый, кому посчастливилось наблюдать это загадочное явление природы, реагировал по-своему. Одни падали на землю, закрывая глаза в суеверном страхе и ожидая конца мира; другие застывали в недоумении, стараясь найти объяснение этому чуду. Всё население города высыпало на улицы и смотрело на пылающий небосвод, затаив дыхание.

Что же произошло над Базальтовым перевалом?..

Космический пожар!.. Тогда чем объяснить огненные полосы,

исходившие от земли?.. Северное сияние, переместившееся в южные широты!.. Нет, неправдоподобно и это предположение. Десятки людей, с которыми удалось побеседовать нашему корреспонденту, высказывали самые различные догадки, но только некоторые из них были близки к истине.

Солнечная буря!..

Эту мысль разделяют многие, и она, вероятно, всего ближе к истине.

Что же произошло в районе Базальтового перевала?.. Какие явления последовали за «Солнечной бурей»?..

Сияние продолжалось несколько минут, но никто не запомнил сколько. Не запомнил этого и наш корреспондент. Как только разверзлись небеса, слышались далёкие, глухие раскаты грома, от которых содрогалась почва под ногами.

Погасло сияние, весь небосвод заволокло тучами, и начал накрапывать дождь, перешедший в грозовую ливень. Дождь

был необъяснимо обилен, поистине тропический ливень, загадочный для района Базальтовых гор. Но ещё непонятнее другое: после первых тёплых и редких капель пошёл, без преувеличения, ледяной дождь. Создалось впечатление, что эта обжигающая стужей вода захватывается одним концом гигантского смерча в районе Северного полюса, а из другого низвергается над Базальтовым перевалом.

Кое-кто допускает эту мысль. Сколько продлится загадоч-

ный, как и само сияние, ливень — сказать трудно. Когда пишутся эти строки, за окном бушует стихия, и, кажется, не будет ей конца. Налетающие порывы ветра, пожалуй, правильнее было бы назвать воздушным круговоротом. Они настолько сильны, что не перестаёшь думать: «Вот сейчас весь дом сдвинется с места...»

Наблюдения будут передаваться каждый час по радио. Телефонная связь повреждена...»

Адмирал дважды прочитал это сообщение. Ниже под сенсацией были помещены первые редакционные комментарии о «солнечной буре». В них говорилось:

«...По первым поступившим в редакцию сообщениям, произошёл взрыв крупнейших в Европе подземных бензохранилищ. Затем эти утверждения были опровергнуты наблюдениями гидрометеорологических пунктов, расположенных вблизи Базальтового перевала, и рассказами очевидцев. В районах, прилегающих к Базальтовому перевалу, загадочное сияние наблюдалось в направлении юго-западных отрогов. В районе «Лесной каравеллы» и окрестных горных селениях слышны были грозовые раскаты большой силы, сопровождавшие сияние. Это служит свидетельством того, по мнению учёных, что наблюдавшееся явление вызвано не какими-то наземными взрывами, а солнечными изменениями.

Вот что рассказал один из очевидцев — пилот трансазиатской воздушной трассы:

«...Я был на высоте пяти тысяч метров над областью Базальтовых гор. Вдруг в кабине стало светло, как при вспышке магния. Не успел я сообразить, в чём дело, как грянул гром такой силы, что заложило уши. В то же мгновение самолёт подхватило воздушным течением и с огромной скоростью потянуло к земле.

Я заметил, что нахожусь на высоте двух тысяч метров. Столкновение с высокими пиками Базальтового перевала было неизбежно. Пришлось резко изменить

курс, чтобы набрать необходимую высоту. Самолёт раскачивало, как в люльке. Приборы показывали, что он шёл в зоне грозы. Зарево стояло не более 15—20 секунд, но воздушная болтанка прекратилась лишь в районе Кентабада...»

От редакции: «В следующих номерах читайте подробные комментарии очевидцев и учёных».

Адмирал не торопясь отложил газету, посмотрел ещё раз на заголовок «Солнечная буря», свернул газету трубочкой и положил в карман. Через полчаса самолёт развернулся и пошёл на посадку.

Адмирал молча вышел из самолёта и направился к стоявшей на поле аэродрома машине. Выехав на городскую улицу, он взглянул на часы, закурил папиросу, глубоко затянулся и, выдохнув облако дыма, сказал шофёру:

— В служебную...

Майор Саккен встретил его ещё одной новостью:

— Вернулся барон фон Бретт, господин адмирал.

— Очень кстати. Беседовали?

— В общих чертах...

— Как в «Лесной каравелле»?

— Много любопытного. Наблюдали странное явление...

— Знаю,— перебил адмирал.— Жду барона через полчаса,— добавил он и скрылся в дверях своего кабинета.

Беседа с бароном продолжалась около двух часов. Адмирал молча выслушал доклад барона — резидента в «Лесной каравелле»,— затем подробно расспросил о том, кто из агентов близок к району «солнечной бури».

— Теперь нас в первую очередь интересует это,— заметил он.— Нужно развернуть пункт постоянных наблюдений и держать нас в курсе всех дел самым подробным образом.

— Цитрусовод Таберидзе,— подсказал барон,— может оказаться очень полезным в этом деле. Он работает вблизи района «солнечных бурь», в институте субтропиков, в Самгунй.

— Отлично. Дайте ему особое задание...

К концу беседы адмирал вызвал майора.

— Барону фон Бретт нужен человек, знающий электротехнику и радио. Кого мы можем предложить?

Майор Саккен задумался, вспоминая, кто из разведчиков знаком с этими специальностями. Адмирал пояснил:

— Не обязательно кадрового разведчика. Можно просто грамотного человека. Он будет обслуживать метеопункт в «Лесной каравелле».

— Есть такой,— ответил майор.— Электротехник городской ТЭЦ, внук Иржи Томмаха.

— Нашего ключника? — не без удивления переспросил барон.

— Совершенно верно. Вас это не устраивает, барон?

— Нет, почему же, если вы рекомендуете...

— Вы нам рекомендовали деда, а мы вам — его внука.

Адмирал улыбнулся. Он понял, что майор Саккен решил разом «убить двух зайцев»: убрать лишнего человека, который мог бы через своего деда проникнуть в тайны замка, и завербовать ещё одного шпиона.

— В «Лесной каравелле»,— пояснил майор Саккен,— этот юноша будет незаменим. Тем более что ваша супруга, баронесса фон Бретт, так расположена к его семье. Ну, а в будущем работа на метеопункте поневоле приведёт его к нам.

Адмирал и барон фон Бретт переглянулись. Барон встал, подал майору руку:

— Вы, майор, человек перспективы...

— Разведчик остаётся разведчиком, господин барон,— с улыбкой ответил майор.— Энрике Томмах молод, но опытен в радиотехнике. Всё остальное будет зависеть от нашей щедрости при оплате его труда.

Барон фон Бретт попрощался и вышел из кабинета. Адмирал и майор встретились взглядами.

— Не рискованно ли ваше предложение, майор? — задумчиво произнёс адмирал.— Вы уверены в том, что этот юнец будет работать на нас?

— Пока он поймёт это, господин адмирал, пути отступления будут отрезаны. Барон опытен в таких делах... К тому же Энрике Томмах влюблён в одну из на-

ших красавиц. Значит, связь с разведкой налицо. Вряд ли ему удастся доказать, что он только невинный влюблённый агнец.

— Смотрите в оба, майор, — наставительно заметил адмирал и поднялся. — Готовьте его к поездке в «Лесную каравеллу». Расписки в получении денег будут ещё одним звеном цепи, связывающей его с нами.

— Естественно.

— До десяти вечера вы свободны, майор, — дружелюбно сказал адмирал, протягивая руку. — Распорядитесь, чтобы из «Колледж Экономик» мне доставили личное дело «Туриста».

— Слушаюсь!..

Майор вышел. Адмирал вызвал машину и поехал на загородную дачу. А барон фон Бретт в это время поджидал в гостинице Энрике Томмаха. «Пожалуй, неплохо, что выбор майора Саккен пал на этого паренька, — размышлял барон. — К тому же он, кажется, в коротких отношениях с Агнесой Краус. Необходимо её тоже перевести в «Лесную каравеллу». Это неплохая приманка для Энрике. Сразу окажется в двойной ловушке». Зазвонил телефон. Барон взял трубку.

— Барон фон Бретт слушает.

— К вам Энрике Томмах, — пояснил дежурный гостиницы.

— Пропустите.

Барон положил трубку. Ещё раз обвёл взглядом стол, нет ли на нём чего лишнего, поднялся. В дверь постучали.

— Войдите!

— Здравствуйте, господин барон, — робко сказал Энрике Томмах, в нерешительности останавливаясь у двери. — Вы меня звали?..

— Проходи, проходи, Энрике. Присаживайся. Да, я просил зайти. К тебе есть просьба от баронессы.

Барон умолк, наблюдая за юношей. Энрике прошёл к столу, опустил на отставленный стул. Барон сел рядом и опять заговорил с улыбкой:

— Знаешь, Энрике, баронесса просила меня разыскать тебя, и только тебя. Дело в том, что нам для обслуживания виллы в районе «Лесной каравеллы» нужен

человек, знающий электротехнику и радио. Баронесса не желает ни о ком слышать, кроме тебя. «Мы, говорит, знаем эту семью, Иржи у нас провёл всю жизнь. Его внуку можно доверить виллу...» Вот я и решил пригласить тебя, поговорить. Как ты на это смотришь?..

— Неожиданно как-то, господин барон,— ответил Энрике.— Я никогда не мечтал о такой поездке.

— А ты не беспокойся. У нас тебе будет хорошо. Переезд оплатим прилично. Сколько ты зарабатываешь сейчас?

— Тридцать марок в неделю. Есть ещё аккордные работы на заводе до ста марок в месяц...

— Пустяки. Мы будем платить 350 марок в месяц. Работать четыре часа в день. Суббота и воскресенье — выходные. На переезд баронесса определила тебе тысячу марок... Как, согласен?

Энрике не знал, что ответить. Он даже и не мечтал о таком заработке. В голове всё перепуталось от неожиданности. То ему казалось, что барон шутит, то мысли работали в другом направлении: «Получу тысячу марок,— думал он,— как обрадуется мама!.. Буду посылать ей каждый месяц двести марок...» И вдруг, будто кто толкнул в спину: «Может, меня хотят завербовать, как вербовали в Лаос, и послать на войну?..

— Где я буду работать, господин барон? — спросил он срывающимся от волнения голосом. Барон уловил его волнения и дружелюбно ответил:

— Ты не волнуйся, Энрике. Будешь жить у нас, на вилле. Работа пустяковая. У нас машина, электроустановка, киноаппарат. Вот это и будет твоим хозяйством. Ну, там ещё магнитофон, радиола.— Он склонился к нему и сообщил, как самую сокровенную тайну: — Баронесса мне сказала по секрету, что Агнесса Краус скучает по тебе... Ради неё она...

— Агнесса Краус!.. — не удержался Энрике. — Разве она с вами?..

— Да, она у нас работает. Они очень дружны с баронессой.

Энрике растерялся окончательно. Он не знал, как себя вести. Признаться — неудобно. Скрывать — уже бесполезно: выдал себя — проговорился. Пока он соби-

рался с мыслями, барон сказал, положив руку ему на колено:

— И не раздумывай. Скажешь спасибо баронессе... Ты даже не представляешь себе, как обрадуется твоя Агнесса.

Энрике пристально взглянул на барона, думая: «Неужели это правда?»

Барон поднялся. Прошёлся по комнате и спросил:

— Посылать телеграмму?

— Нет, пока не надо... Я посоветуюсь с мамой. Завтра скажу.

— Ну, хорошо. Отложим до завтра. Баронессе я позвоню... Может, передать привет Агнессе?..

Энрике улыбнулся и поспешно вышел. Но барону было ясно, что привет передать надо.

Так началась новая страница в жизни и судьбе Энрике Томмаха.

ГЛАВА IX

«КОЛЛЕДЖ ЭКОНОМИК»

Занятия в разведывательной школе, скрывавшейся под кличкой «Колледж Экономик», приближались к концу. Последний месяц молчаливые фигуры преподавателей появлялись всё реже и реже. Лишь шеф колледжа с прежней педантичностью — в двенадцать ноль-ноль — приходил в славянскую группу, но и он интересовался только одним: следят ли будущие разведчики за периодической печатью, хорошо ли разбираются в географии, твёрдо ли знают расположение административных пунктов, упоминаемых в печати, знают ли, какое население преобладает в этих районах, каковы отличительные особенности его языка, быта и культурного развития.

Шеф приходил в одном и том же гладком коричневом костюме с еле заметной светлой полоской. Менялись только носовые платочки в боковом кармане пиджака. Никто не знал его фамилии, звания, служебного положения, хотя было бесспорно, что он принадлежит к узкому кругу опытных офицеров разведки.

Конспирация шефа была привычной и никого не удивляла. Разведчики не знали и даже не видели друг друга, хотя учились в одной аудитории три года. Эта аудитория представляла собой овальный зал с кабинками-ложами, отделёнными друг от друга. Преподаватель видел всех слушателей, а они — каждый только преподавателя. Никто не знал даже имени своего соседа. В аудиториях можно было услышать лишь номера или клички. Но бесспорным для всех было одно: цели и географические районы их будущих действий.

В последние недели шеф стал часто оставаться наедине с интеллигентным чернобровым шатеном, в совершенстве владеющим польским, украинским, чешским, болгарским, русским языками. Вот и на этот раз, поправив белоснежный платочек в кармане, шеф обвинил многозначительным взглядом кабины аудитории и сказал с расстановкой:

— На сегодня всё. Можете быть свободны... Прошу остаться только «Туриста».

Эта кличка была присвоена чернобровому шатену не случайно. Ещё при отборе разведчиков в школу, шеф колледжа, представляя кандидатуру чернобрового шатена начальству, обратил внимание Ландэ на знание будущим разведчиком языков и обычаев славянских народов, особенно интересовавших в то время руководителей разведки, на его большой опыт туристских поездок по славянским странам, прежде всего по советским республикам, на широкие связи со студентами и т. д.

— Это очень нужная кандидатура, — заметил одобрительно адмирал и в графе анкеты «девиз разведчика» написал: «Турист».

«Турист» мечтал не о такой карьере. Он поступил в университет, стал готовиться к научной работе, мечтал об открытиях, славе. На последнем курсе университета он установил контракт с одним известным профессором, принял лестное предложение стать его ассистентом, но в самый последний момент ему объявили о том, что в числе наиболее способных студентов, подающих большие надежды, его посылают в специаль-

ную аспирантуру «Колледж Экономик». Так он оказался в школе разведки.

Удостоиться чести — получить кличку лично от адмирала — удавалось немногим. Он жаловал своим вниманием только избранных. Бывали пополнения в школе, среди которых не оказывалось ни одного крестника адмирала. Но уж если он давал кличку, она становилась вторым именем разведчика.

Понятие «подающий надежды», с точки зрения руководителей разведцентра «ОСТ», заключало в себе не только уровень знаний «Туристом» физики, но и степень морального падения. Целая цепочка уголовных преступлений говорила о том, что этот субъект не остановится ни перед чем. Он был, прежде всего, шантажистом-профессионалом.

Когда шеф и «Турист» остались в аудитории одни, шеф жестом руки пригласил следовать за собой. Поднявшись на возвышение за кафедрой, он потянул шнур. Портьера отодвинулась, обнажила дверь. Шеф вставил ключ в замочную скважину, и они оказались на толстой ковровой дорожке длинного коридора, отделанного панелями красного дерева. В конце коридора шеф небрежно распахнул расходящиеся в стене лёгкие двери.

— Пока ознакомьтесь с обстановкой,— сказал он, указывая на кресло у круглого столика под тяжёлой бархатной скатертью, а сам скрылся за портьерой боковой двери.

Рассматривая многолетние кактусы, пейзажи, висевшие в строгих рамах, «Турист» не заметил, как пробежало время. Присмотревшись к обстановке, он обратил внимание на лежавшую газету, на первой странице которой выделялся кричащий заголовок: «Солнечная буря над Россией!» Он придвинул газету поближе и начал читать. Увлёкшись газетным сообщением, он не заметил, как в комнату вошёл адмирал в сопровождении шефа. Несколько мгновений они стояли молча, поглядывая друг на друга. Потом адмирал кашлянул и спросил дружелюбно:

— Интересное сообщение, не правда ли?

Разведчик вскочил и отчеканил:

— Прошу прощения, увлёкся. Необычайно интересное явление. Но мне кажется...

— За этим я вас пригласил,— перебил адмирал,— и, видимо, не ошибся. Присаживайтесь. Поговорим о деталях.

Адмирал внимательно слушал «Туриста», то и дело одобрительно кивая головой. Видно было, что рассуждения будущего разведчика о причинах «солнечной бури» ему нравятся. Да это было и вполне естественно. «Турист» не только прошёл школу разведки у крупных знатоков своего дела, но и блестяще закончил перед этим физический факультет университета. Именно поэтому и пал на него выбор для проведения глубокой разведки — установления истинных причин «солнечной бури». Выслушав мнение «Туриста», адмирал посидел несколько мгновений, как бы решая: поручать или не поручать эту большую операцию молодому, ещё не бывавшему в переделках разведчику. Потом поднялся, зашагал по комнате, отчётливо выговаривая каждое слово:

— Ваши гипотезы совпадают с моими: а именно, это не естественное явление природы, а дело рук человека. Но кто этот человек — вот в чём вопрос? К сожалению, мы не располагаем даже наводящими на это фактами.

Адмирал остановился, постоял в раздумье. Подошёл к столу, опустился в кресло и заговорил повелительным тоном:

— Умение раскрыть эту большую тайну будет вашим экзаменом. Некоторое время вы будете находиться в этом здании, точнее, в одной из квартир. Вот вам ключ от неё. Всё остальное сообщит вам шеф.

«Турист» удивлённо взглянул на адмирала, собираясь что-то сказать, но тот поднялся, пожал руку и скрылся за портьерой. Шеф же сказал наставительно:

— Прежде чем пользоваться квартирой, вы должны ознакомиться с ней обстоятельно. В квартире три комнаты: левая — рабочий кабинет, справа — спальня со всеми удобствами, в середине — столовая, в которую вам будут доставлять завтраки, обеды, ужины. Но учтите, ключ должен быть всегда при вас. Другой ключ

у нас. В столовую и кабинет никто войти из коридора не сможет, если дверь между ними будет открыта. Не забывайте ещё одну деталь. Когда дверь в столовую из коридора или спальни не закрыта плотно, из кабинета в столовую дверь не открыть. Всё это необходимо для того, чтобы предостеречь жильца от случайностей и ненужных для разведчика общений. Все архивные материалы в вашем кабинете. Постарайтесь их изучить внимательнее, отыскать пути к этой тайне. Когда будете готовы к беседе, заходите после часа в этот кабинет. Адмирал будет предупреждён. Кабинет открывается вашим ключом. Ну, вот и всё. Квартира справа по коридору, номер пятый. Желаю успеха...

Проводив шефа до двери, «Турист» остановился, задумался, стараясь обдумать детали беседы. Так он простоял несколько минут, затем решительно шагнул к двери, ведущей в коридор.

ГЛАВА X

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

«Турист» неуверенно открыл дверь в свою новую квартиру и остановился. Небольшая, почти квадратная передняя, с внутренними шкафами для верхнего платья по сторонам. Из прихожей в столовую — стеклянная дверь. Он медленно открыл её и вошёл. Комната выходила окнами в сад. У окна справа на столике радиола. В левом углу пианино. Посредине комнаты небольшой овальный стол и четыре полумягких стула. Искусно вделанный в стену сервант. Напротив мягкий диван под таким же чехлом, как и стулья.

«Неплохо», — сказал про себя «Турист» и вернулся в прихожую, чтобы повесить макинтош, шляпу и заняться осмотром всей квартиры.

Распахнув шкаф, он невольно улыбнулся предупредительности: все его вещи из комнаты были перенесены сюда. Вернувшись в столовую и осмотревшись, он заметил на столе книжечку, напоминающую ресторанное меню. Раскрыл её. На первом листе было написано синим карандашом: «В верхнем отделении серван-

та напитки. В нижнем — холодильнике — закуски. Завтрак, обед и ужин можно заказать таким образом: подчеркнуть на листке меню необходимые блюда, написать номер своей квартиры, свернуть меню трубочкой, вложить в патрон, патрон вставить в никелевую трубку, выступающую из стены серванта, и повернуть зелёный выключатель».

Он оторвал один листок меню, подчеркнул блюда на обед, ужин и завтрак на следующий день, пометил номер квартиры, взял из ящика-ниши серванта патрон, вложил свёрнутое меню, вставил патрон в трубку. Щёлкнули контакты, и патрон исчез. Он постоял минуту, затем решил осмотреть кабинет. Это была небольшая продолговатая комната. Из обстановки: письменный стол, кресло, книжный шкаф с литературой, этажерка с какими-то разноцветными папками, кушетка. На столе пепельница, электрическая зажигалка, чернильный прибор, карандаши и под пресс-папье ещё записка: «Все материалы для работы в папках на этажерке. В случае необходимости иметь другие материалы, звоните по телефону номер 0-2-0. Телефонный аппарат в правом верхнем ящике письменного стола».

«Турист» взял с этажерки верхнюю папку и начал перечитывать документы. Это были донесения агентов разведки за последние 15 лет, относящиеся к одной и той же теме: «Реактивные двигатели новых систем». «Турист» ещё раз прочитал оглавление, недоуменно пожал плечами, думая: «Какое отношение к солнечной буре имеют двигатели?» Он открыл ящик стола, снял с рычага миниатюрного аппарата трубку и поднёс руку к диску, чтобы набрать номер. В это время послышалось движение открываемой двери в столовую. «Турист» поспешно встал и направился к двери. Но дверь из кабинета в столовую оказалась закрытой. «Видимо, нечаянно захлопнул», — подумал он и вставил ключ, чтобы открыть дверь и встретить вошедшего. Но дверь не поддавалась. Ключ свободно поворачивался, слышно было, как отодвигается задвижка замка, но дверь даже на миллиметр не сдвинулась в приотворе. Он вспомнил предупреждение шефа и рассмеялся.

В столовой слышался звон посуды, шаги человека, стук закрываемых дверей серванта. «Турист» нервно ходил около двери, прислушиваясь к звукам в столовой. Он знал, что проникнуть в столовую невозможно, но любопытство брало верх, и он думал только об одном: кто принёс обед, мужчина или женщина? Прошло некоторое время, донёсся стук закрываемой двери. Он нетерпеливо повернул ключ — дверь в столовую открылась. Он скорее в прихожую, вставил ключ, чтобы открыть дверь в коридор и посмотреть, кто же к нему заходил. Но произошло то же самое: ключ легко поворачивался, свободно отходил затвор замка, но дверь не открывалась. Вспомнив, что он не закрыл дверь в кабинет, он с досадой вынул ключ и торопливо направился к двери кабинета. Дверь была полуоткрыта. «Турист» с досадой захлопнул её и снова направился в прихожую. Дверь в коридор свободно открывалась. Но там, естественно, уже никого не было.

Бросив пиджак на спинку стула, он сел за накрытый обеденный стол. Аппетитно поел, накрыл пустые тарелки салфеткой, прошёл в кабинет и погрузился в чтение донесений. На первый взгляд эти короткие сообщения могли показаться утомительно скучными и неинтересными. Но «Турист» улавливал кое-что любопытное, интригующее. в таких, например, депешах: «...Конструктор Н. произведён в генералы. В том же месяце ему выдана крупная денежная премия. Сейчас конструктор находится в длительной командировке в городе К., где на одном из заводов производятся его реактивные двигатели прежней системы. «Брюнет-прима».

«...В пещерах Базальтовых гор открыты гремучие газы. Месторождение обнаружено бригадиром лесоопытной станции Коевым. Доступ к пещерам закрыт — «Адъютант».

«...В ЦАВИ строжайше засекречена дипломная работа студента моторостроительного факультета Антона Споряну. — «Брюнет-прима».

«...Дача общества охотников в Самгуни обнесена за одну ночь колючей проволокой. На всех дорогах, ве-

дущих к Кедровому перевалу, усилена охрана. — «Адъютант».

Перечитывая эти депеши, «Турист» обратил внимание на повторяющиеся подписи под донесениями, относящимися к институту ЦАВИ и тайнам Базальтовых гор. Он раскрыл блокнот и стал кратко записывать существо сообщений отдельно на страницах, помеченных сверху: «Брюнет-прима» и «Адъютант». За этой выборкой он просидел почти пять часов, не заметив, как прошёл день. Расправив плечи, он закурил и стал прохаживаться по кабинету. «Хорошо бы, — подумал он, — поехать сейчас за город — отдохнуть на свежем воздухе, покупаться в прохладной воде. Но адмирал и шеф не предупреждали, дозволены ли мне эти удовольствия». Обдумывая эту ситуацию, он убедил себя в том, что если такие прогулки не дозволены, то адмирал предупредил бы его об этом. Подойдя к столу, он открыл ящик, снял с рычага трубку аппарата и набрал 0-2-0.

— У аппарата дежурный.

— Говорит пятый.

— Я вас слушаю.

— Могу ли я рассчитывать на машину для поездки за город?

— Когда прикажете?

Покорный тон дежурного не только успокоил «Туриста», но и придавал ему смелости. И он добавил повелительно:

— Мне нужно сейчас же. Немедленно!..

— Через две минуты машина будет у подъезда. Запомните номер ДР-00-05. Она в вашем распоряжении круглосуточно. Звонить в парк по номеру 0-33-99.

Дежурный положил трубку. «Турист» взял блокнот, закрыл двери кабинета и спальни, накинул на плечи макинтош, взял в руки шляпу и вышел в коридор. Минут через пять он уже полулежал на заднем сидении роскошного автомобиля, мчавшегося по гладкой ленте асфальта. Огромные кроны каштанов почти смыкались над шоссе, образуя подобие зелёного, прямого, как стрела, тоннеля.

Покачиваясь на просторном мягком сидении, «Ту-

рист» мысленно представлял себе тёмносиние вершины Кедрового перевала, дачу охотников у подножья гор. «Но какое отношение, — думал он, — имеет открытие гремучих газов и реактивный двигатель к даче охотников и дипломному проекту студента Антона Споряну? Какая между всем этим логическая связь? Тем более между реактивными двигателями и «солнечной бурей»?

Мысль «Туриста» лихорадочно перескакивала от одной гипотезы к другой, но он продолжал их отвергать, строя всё новые и новые предположения. Иногда ему уже казалось, что он нашёл разгадку тайны, но не проходило и двух минут, как, отбрасывая выдвинутые доводы, он начинал отыскивать новые. Занятый своими мыслями, «Турист» не заметил, как миновал дачный пригород, железнодорожный разъезд. Очнувшись от размышлений, коротко бросил шофёру:

— В город!..

Вернувшись в свою квартиру, он поспешно снял макинтош и шляпу, прошёл в кабинет и снова погрузился в чтение архива разведки. Просидел за письменным столом до трёх часов утра, но записал в свой блокнот лишь две заинтересовавшие его детали: о варианте «М» и о Пал Саныче.

ГЛАВА XI

В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

Утром «Турист» покинул постель раньше обычного. Принял ванну, позавтракал и закрылся в кабинете, предвкушая знакомство с любопытными деталями. Перечитывая документы в папке «Корнета», он нашёл записную книжку, по утверждению «Брюнета-прима» принадлежащую некому майору Звездину, но в ней не оказалось ничего, проливающего свет на какие-либо обстоятельства, относящиеся к «солнечной буре» или изобретению Споряну. Там были краткие выдержки из газет, собственные размышления о горьком «хлебе» разведчика, ничего не говорящие пословицы, анекдоты и т. п.

Перечитывая записную книжку, «Турист» не без основания подумал: «Наверно «Брюнет» сам сочинил эту чепуху, чтобы обратить на себя внимание начальства». Куда интереснее оказались другие сообщения. Особенно заинтересовали его два. Он выписал их дословно. В одном речь шла о том, что профессор Кремлёв очень обеспокоен исчезновением инженера Споряну. В другом разведчик сообщил, что «изобретателя разыскивают, чтобы вернуть немедленно в распоряжение начальника ЦАВИ». «Турист» снял трубку телефона, набрал номер.

— Прошу дежурного картотеки. Если можно, дайте справку: что означает ЦАВИ, в какой области науки работает профессор Кремлёв, что изобретено инженером Споряну. Можно и по телефону. Да, буду ждать.

Через несколько минут в столе дрогнул звонок телефона. «Турист» взял трубку, придвинул листок бумаги и сделал нужные записи.

Перечитав остальные агентурные донесения из папки «Корнета», он взял лист бумаги и начал обобщать прочитанное, — вернее, составлять план большого разведывательного задания.

Изложив на двух листах свои предположения о «солнечной буре» и сопутствующих ей обстоятельствах, «Турист» дважды перечитал написанное и закрыл его в стол. «Отдохну, проветрюсь и на свежую голову ещё раз проверю себя».

Всю вторую половину дня он провёл за городом. Ходил по тенистому лесу, отдыхал на берегу речки. Утром ещё раз перечитал план, внёс поправки, переписал начисто и пошёл к адмиралу. Он смело вошёл в приемную, но когда приблизился к столу, вдруг почувствовал робость. «А вдруг адмиралу не понравятся мои выводы, — подумал он и остановился в нерешительности. — Может, подождать, подумать ещё, проверить себя?» Он уже склонялся к мысли вернуться, но тут раздался голос:

— Здравствуйте!..

— Здравствуйте, господин адмирал! — вытянув-

шись, машинально ответил «Турист», обводя взглядом комнату. Но в комнате никого не было.

— Пока я вас не смогу принять, — слышался откуда-то сверху тот же голос. — Оставьте ваш доклад на столе. Несколько позже я вас приглашу.

«Турист» положил папку на стол и направился к выходной двери, думая: «Как в «Новых временах» с Чарли Чаплиным».

Он не спеша открыл дверь, вышел в коридор. Вернувшись в свою комнату, усталое опустил на диван, вытер носовым платком вспотевший лоб. Так он просидел полчаса, думая то о телеэкранизации помещения, то о логичности своих доводов, то о взаимосвязи «солнечной бури» и открытых месторождений гремучих газов. Ровно в два часа зазвонил телефон, «Турист» взял трубку.

— Пятый у аппарата, — сказал он торопливо и резко поднялся.

— Жду, готов вас слушать, — раздался отчётливый голос адмирала.

«Турист» торопливо сунул в карман блокнот и направился к двери. Адмирал встретил его посреди комнаты, предложил кресло и сразу заговорил о деле:

— План ваш не лишён логики. «Солнечная буря» — и в том же районе открытие гремучих газов. Беспокойство профессора-химика о судьбе инженера-моторостроителя. Наконец, работа над новым топливом, изобретение реактивного двигателя — всё это, судя не только по агентурным данным, имеет какую-то взаимосвязь. Но какую? Можете вы ответить на эти вопросы шире, подробнее?

«Турист» достал блокнот. Адмирал не спеша взял его из рук разведчика, посмотрел некоторые записи, положил блокнот на стол и сказал наставительно:

— Разведчик не должен привыкать к работе по шпаргалкам. Никаких дневников и блокнотов. Память, и только память... Да, я перебил вас. Говорите всё: догадки, предложения.

«Турист» повторил свои предположения о взаимосвязи целого ряда фактов и высказал смелую, неожиданную даже для адмирала гипотезу:

— Возможно, — говорил он убеждённо, — что им удалось поднять в определённый участок атмосферы значительное количество гремучих газов и взорвать их. Не этим ли объясняется явление, получившее название «Солнечной бури»? Почему оно произошло на одном, очень ограниченном по сравнению с планетой участке? Почему именно в районе Базальтовых гор — в том географическом районе, где открыты гремучие газы? В естественный выпад большого количества газов в атмосферу и их стихийный взрыв я не верю. Это могло произойти близко над землёй, но на такой высоте...

Адмирал задумался. Поднявшись, прошёлся по комнате, сел напротив. После некоторого раздумья сказал:

— Пожалуй, вы близки к истине. Ну что ж, в добрый час! Вам и карты в руки. Поручаю лично убедиться в своей правоте. Через неделю-две вас переправят через границу. Разработают детали, проинструктируют. — Он снял трубку телефона и позвонил в картотеку. Через минуту-две вошёл молодой человек в чёрных очках, молча положил на стол красную папку и так же молча удалился. «Турист» заметил, что чёрные очки даже не взглянули в его сторону. Адмирал раскрыл папку и продолжал: — Запомните адреса явок. Именно запомните. Слушайте внимательно: «Брюнет-прима» — это старший научный сотрудник Метеорологического института — Эмиль Яковлевич Фирсун. Всю корреспонденцию направлять через него, шифром. Шифры получите. На всякий случай там ещё есть наш запасной человек. Давно мы его не беспокоили. Это «Адьютант» — Шпангель — учитель рисования в Самгуни. Но это на крайний случай.

— А кто такой «Корнет»? — не удержался «Турист».

— Его нет. Провалился. Кто он был, неважно, — неохотно ответил адмирал и поднялся. — Вот и всё пока. Тренируйте память. Через неделю к вам зайдёт зубной врач: поставит коронку на один из зубов, в ней будут шифры. Он же сделает маникюр: в двойном ногте будут явки, названные мной. — Он протянул

«Туристу» руку: — Желаю удачи. Перед выездом встретимся.

«Турист» уже направился к выходу, но адмирал остановил его у порога:

— Да. Не лишне было бы вам познакомиться с заметками архива замка фон Бретт. Вы не читали ещё их?

— Нет, не читал.

— Напрасно. Обязательно познакомьтесь. Там есть немало любопытных деталей не только об изобретении инженера Споряну, но и о его жизни. Правда, факты давние, но заслуживающие внимания и сейчас.

Угадывая строго наставительный тон сказанного, «Турист» вытянулся:

— Есть изучить архив фон Бретт...

— Не весь. Весь вам просто ни к чему. Внимательно изучите только то, что имеет отношение к инженеру Споряну. Понятно?

— Так точно, понятно.

— Ну вот, пока всё.

— Разрешите идти?

— Да, вы свободны.

Вечером, вернувшись с прогулки, «Турист» нашёл на столе конверт... В конверте — паспорт на имя Пауля Митчелл и записка: «...Здесь всё, что вам нужно знать. Выучите наизусть. Когда хорошо усвоите, позвоните 0-3-0».

Прочитав дважды описание встречи Вульфа с Цвельтом в замке фон Бретт, «Турист» начал пересматривать свои записи, выдержки из архивных документов разведки. Но ни к каким выводам прийти не мог.

Позвонил в архив, но получил странный ответ: «Остальные документы пока прислать не можем...» Виноватый тон работника архива насторожил «Туриста». «Не случилось ли что-нибудь?» — мелькнула тревожная догадка. Он резко поднялся, нервно заходил по комнате. Потом поспешно снял трубку телефона, позвонил.

— Должен немедленно доложить Вам, господин адмирал... Очень важно...

Торопливо положив трубку, он направился в коридор. Адмирал вошёл в кабинет почти одновременно и встретил «Туриста» испытующим взглядом.

— Документы замка фон Бретт...

— Знаю,— перебил адмирал... Потом невесело улыбнулся, подошёл к сейфу, достал папку и протянул «Туристу»: — Прочитайте и возвратите мне. Тут есть всё, что вам нужно. Исчез только один документ, но пусть вас это не беспокоит. След обнаружен, известные лица...

Адмирал не стал разъяснять: кто эти лица, при каких обстоятельствах исчезли документы, в чьих руках оказались? Но «Турист» чувствовал, что над ним начинают сгущаться тучи той страны, куда ему предстоит проникнуть с опасным поручением. Он ничего не сказал о своих догадках адмиралу, чтобы не выдать настроения.

Вернувшись в свою квартиру, «Турист» достал из папки рукопись, прочитал опись, находившуюся в папке. В ней значилось:

I. Рукопись «Дипломный проект» (фото-копия).

II. Обзорный доклад «Брюнет-прима» — «Консул».

III. Встреча Цвельта и Вульфа в замке фон Бретт.

«Турист» перелистал документы, но обзорного доклада не обнаружил. Посмотрел ещё раз в папку. И там нет. Он снова перелистал рукопись, но безуспешно.

«Хорошо, — подумал он, — с описанием встречи в замке я уже знаком. Почитаю рукопись «Дипломного проекта». Он снял пиджак, взял рукопись и лёг на диван, углубившись в чтение. Читал долго, сосредоточенно. Потом начал делать выписки в свой блокнот.

Ни в этот день, ни позже «Туристу» не удалось познакомиться с остальными материалами об инженере Споряну. Когда на второй день «Турист» ещё раз позвонил в архив, самого важного документа опять не оказалось. Он бесследно исчез вместе с другими документами разведки, относящимися к Споряну.

Сколько ни старался «Турист» разыскать его — всё безуспешно. Об исчезновении документов, видимо, позаботились опытные люди, но какие — можно было только предполагать и догадываться.

СИНЯЯ ПАПКА

Начиналось активное соперничество двух разведок. Пока разведчик, носящий имя «Туриста», знакомился с архивными документами, пока его вдохновитель — руководитель разведцентра «ОСТ» адмирал Ландэ готовил его переброску на территорию СССР, Самгуньскому отделу КГБ стали известны некоторые важные подробности о замыслах врагов.

Начальник Самгуньского отделения КГБ генерал Галаджи уже располагал рядом фактов о том, что матёрый шпион Ландэ протягивает свои лапы не только к открытию профессора Кремлёва, но и к изобретению инженера Споряну. Началась разработка контрмер. Галаджи решил поручить это щепетильное дело самому опытному работнику отдела — полковнику Вересаеву. Однажды, пригласив его к себе, Галаджи долго смотрел молча ему в глаза, как бы спрашивая себя ещё и ещё раз: «Нужно ли взваливать на его плечи ещё разведцентр «ОСТ»? Посидев молча и не найдя во взгляде Вересаева ответа на этот вопрос, Галаджи медленно поднялся, подошёл к сейфу, достал пухлую синюю папку и положил на стол перед Вересаевым, думая: «Именно ему по плечу состязание с Ландэ... пожалуй, только ему...»

— Это дело особой важности. Вы теперь утверждаете моим первым заместителем. В моё отсутствие вам придётся соприкасаться с деталями этого дела. Скажу больше, вам лично поручаю разматывать этот шпионский клубок. Познакомьтесь поближе.

— Понятно! Разрешите приступить?

— Занимайтесь только этим делом. Изучите его, вечером доложите.

— Есть доложить вечером!

— Тогда и обменяемся мнениями.

Вересаев вернулся в свой кабинет и раскрыл синюю папку. На первом листе было обозначено: «Разведывательный центр «ОСТ». Руководитель разведцентра адмирал Ландэ».

Знакомясь с описью документов, находящихся в папке, Вересаев выписал в свой блокнот клички шпионов, работающих по заданиям разведцентра «ОСТ». Затем начал внимательно перечитывать документы. Их было в папке больше сотни. И каждый из них представлял краткую информацию о деятельности, замыслах разведцентра «ОСТ» или его шпионов. Многие из документов были не только очень важны, но и романтичны по своему содержанию.

Полковник Вересаев внимательно перечитывал каждый документ, стремясь из разрознённых сообщений составить единое целое. Его заинтересовала «Голубиная почта» Иржи Томмаха. Некоторые шифровки, комментирующие «Голубиную почту», озадачивали даже его — профессионального разведчика. Перечитывая материалы, он узнал, что на разведцентр «ОСТ» работает в СССР несколько шпионов — «Брюнет-прима», «Адъютант», «Студент» и другие. Все они или подчинены резиденту «Консулу», или находятся в его поле зрения.

«Что же противопоставлено этим лазутчикам с нашей стороны? — подумал он с некоторой озабоченностью. Но тут же успокоил себя: — Конечно, меры приняты. Коль скоро поступают донесения об их деятельности, значит, аппарат отдела действовал. Но достаточно ли активно? По правильным ли путям идут наши люди?»

Наиболее пристально занялся Вересаев изучением донесений о подготовке переброски на территорию СССР «Туриста», как было видно из документов, пробиравшегося со специальным заданием. Перечитав относящиеся к миссии «Туриста» ориентировки, Вересаев развернул карту, начал наносить на неё условные знаки.

— Значит,— говорил он про себя,— разведцентр «ОСТ» имеет резидентуру в Самгуньской долине. Вторую создаёт барон фон Бретт в «Лесной каравелле». Куда же направит адмирал Ландэ «Туриста»? А если в Самгунь, то через какой кордон?

Зазвонил телефон. Вересаев взял трубку.

— Вересаев...

— ...

— Слушаю, товарищ генерал.

— ...

— Есть. Сейчас приеду.

Генерал Галаджи встретил Вересаева совсем необычно. Строгий в официальной обстановке, он здесь, у себя дома, был совсем другим человеком. Не успел Вересаев появиться на пороге, как Галаджи шагнул ему навстречу и заговорил просто, по-дружески:

— Понимаешь, полковник, теперь ясно, где черти зимуют. Поступило ещё одно преинтересное сообщение. Барон фон Бретт действует в открытую. Для своего нового владения, около «Лесной каравеллы», помимо «наблюдающих за сквозняками», он подыскивает надёжного электрика-радиста. Как ты думаешь, куда он его приставит? К домашней радиоле?!..

— И шпионской рации, — уточнил Вересаев.

— Я склонен так же думать... Молодец НР-6, что не пропустил такую мелкую деталь. А мы этот прыщик запеленгуем...

Галаджи взял со стола сообщение «НР-6» и протянул Вересаеву.

— Садись, читай... До чего же разгорелся аппетит у адмирала Ландэ! Он решил, видимо, окружить шпионами и радиоушами всю Самгуньскую долину... Читай, читай...

Вересаев присел на край кресла, начал читать:

«Барон и баронесса фон Бретт переехали в свою виллу около «Лесной каравеллы». Установлено — увозят к себе радиста-электрика Энрике Томмаха, внука ключника в замке фон Бретт — Иржи Томмаха. Сам старик вчера умер.

Смерть старика и выезд Энрике Томмаха лишают нас связи с замком фон Бретт. Принимаем меры по замене связного».

— Ну, как тебе нравится? — спросил Галаджи, когда Вересаев закончил чтение. — Догадываешься, в чём дело?

— Всё ясно. Решили убрать лишний и к тому же ненадёжный глаз из окрестностей замка. А в районе

«Лесной каравеллы» оборудуется рация — это совершенно бесспорно.

— Проверим — увидим.— Галаджи склонился над столом и сказал вполголоса: — Надо усилить охрану профессора и Споряну, причём самыми проверенными людьми. Подготовьте список, посоветуемся.

Вересаев вышел. А Галаджи накинул на плечи лёгкий плащ и, насвистывая какую-то мелодию, спустился к подъезду, сел в машину и поехал подышать свежим воздухом, полюбоваться водопадом, низвергающимся с водосброса двенадцатиметровой высоты второго Каскада.

На другой день Галаджи выслушал доклад полковника Вересаева, посидел несколько минут в раздумье и сказал:

— Такой шаг иностранного шпиона — не новость. Но чем он продиктован: внутренним убеждением или соображениями той разведки, которая решила заслать его к нам... Причём, повторяю, не новый, но смелый, рискованный...

— Согласен, генерал. Но не воспользоваться ли такой возможностью?...

— Воспользоваться... год, два, пять и больше он будет работать на нас по инструкциям своих настоящих хозяев.

— Ваше мнение, генерал?

— Моё мнение?.. Слишком рискован этот шаг. И, в то же время, заманчив. Надо взвесить, проверить... Вы слышали то, что он сообщил, с истинным положением вещей?

— Никаких противоречий...

— А ценность его сообщений для нас и наших врагов?

— Именно это и убеждает в его искренности. Он сообщил все подробности о разведцентре «ОСТ», его руководителе — адмирале Ландэ, школе разведки «Колледж Экономик», тайнах замка фон Бретт и действительных целях «научной» экспедиции барона фон Бретт в район «Лесной каравеллы».

Генерал раскрыл лежавшую перед ним папку.

Прочитал справку, сличительные данные, достал из конверта-папки фотокарточку.

— Возраст по анкете и фотокарточке не вызывает подозрений... Уроженец села Мархамат Андижанской области... Что дала проверка?

— В Мархамате есть его сестра. Родители умерли. У сестры сохранилась фотокарточка. Копия есть в деле. Всё совпадает с тем, что он рассказал...

— Мобилизован в Советскую армию в 1941 году,— добавил генерал, читая объяснение шпиона,— попал в окружение. Был ранен. После лечения завербован разведкой, закончил школу и, как знающий в совершенстве арабский язык, начал работать в восточном отделе разведцентра «ОСТ»... Значит, работал против нас, изменил Родине, а теперь решил искупить свою вину... Как он объясняет эту метаморфозу?

— В деле есть подробное объяснение...

— Бумага всё выдержит... А как он ведёт себя? Взгляд, тон разговора, чувства, нервы? Что подсказывает вам чутьё?

— Не перестаю сомневаться, товарищ генерал, но думаю, что он откровенен. Не просит ни о чём. «Я знаю, говорит, что вы обязаны поступить со мной, как с изменником. Не жду снисхождения. Прошу лишь об одном: поверить в мою искренность, не отвергать ту пользу, которую я могу принести Родине...»

— Пользу Родине,— повторил раздражённо генерал. — О какой родине печётся этот славянин австрийского происхождения? Выяснили родословную?

— Всё сказанное им — подтвердилось. Отец, Клемент Руссель, уроженец Австрии, в 1914 году был призван в армию. В октябре 1915 года под Тарнополем попал в плен к русским. Как военнопленный, до начала революции в России проживал в районе Андижана. В период репатриации военнопленных и позднее, при разрешении свободного выезда на родину, остался в Средней Азии. Женился на дочери русского колониста и поселился в Мархамате в доме тестя. Здесь и родился его сын — Николай, ставший сначала изменником, затем шпионом разведцентра «ОСТ» и аспирантом Лесного института в Самгуни.

— Когда он кончает аспирантуру?

— Не скоро. Ещё два с половиной года.

— Как ему удалось попасть к нам в институт?

— В конце войны по заданию разведки поселился в Праге. Поступил на завод. В дни боёв за Прагу «оказался» в партизанах. После изгнания немцев из Чехословакии был заслан к нам. Здесь он окончил институт и поступил в аспирантуру.

— Да-а-а. Всё темным-темно. Но эта фигура может нам пригодиться.

— Тем более, если он не ведёт двойной игры...

— Вот именно... Попробуем присмотреться повнимательнее... Когда вы с ним беседовали в последний раз?

— Вчера под вечер.

— Устройте мне с ним свидание за городом.

— Это возможно через неделю. Так условлено.

— Хорошо... Только вечером, около восьми часов.

— Будет выполнено...

* *

*

Аспирант Руссель, или Ярусов, как его назвал полковник Вересаев, собирался на каникулы. Ему предоставлялась полная возможность выбора: поехать на лето в экскурсию по Советскому Союзу, на Крымские или Черноморские курорты. Он знал, что разведцентр «ОСТ» оплатит ему любую поездку. В последнем письме об этом сказано совершенно ясно:

«...Временно оставайтесь в тени. Наблюдайте, но не проявляйте активности в пересылке донесений. Летние каникулы используйте для накопления сведений. Было бы хорошо совершить туристские поездки по нужным нам районам...»

А эти «нужные разведцентру районы» были хорошо известны Ярусову.

В воскресенье Ярусов поехал в условленное место — на рыбалку. Закинув удочки, он задумался над тем, с кем его хочет познакомить Вересаев. «Не доверяют, — беспокойно размышлял он, — не верят в то, что я готов ради их дела пожертвовать жизнью...»

Занятый своими мыслями и ныряющими то и дело поплавками, Ярусов не замечал, как бежало время. Снимая с удочки крупного окуня, он услышал за спиной незнакомый голос:

— Майор Ярусов, вас ждёт Вересаев.

Ярусов обернулся, выронив окуня. Перед ним стоял, так же, как и он, в одних трусах, загорелый атлет лет тридцати. Большие карие глаза, казалось, пронизывали насквозь. Незнакомец присел на корточки, откусывая маленькими дольками стебелёк хвоща, улыбнулся и сказал тихо:

— Я послежу за вашими удочками. Идите строго по прямой, в гору. Сделаете восемьсот шагов, поверните под углом сорок пять градусов налево. Через двести шагов будет лужайка. На ней и ждут вас.

Ярусов поднялся, внимательно посмотрел на незнакомца. Не спуская с него пристального взгляда, взял портсигар, достал папиросу, прикурил. «Может, ловушка?» — мелькнула мысль.

— Я вас не понимаю,— сказал он с расстановкой,— о каком Вересаеве вы говорите?

Незнакомец улыбнулся и сказал тихо:

— Вода тёплая, можно купаться...

— Осторожнее, тут глубокие ямы,— ответил Ярусов, улыбнулся и, захватив портсигар, размеренными шагами пошёл в гору.

Около лужайки Ярусов остановился. Ему показалось неудобным появляться перед полковником Вересаевым в таком пляжном виде. К тому же на лужайке, у костра сидели двое в штатском и о чём-то спорили. Но Вересаева среди них не было. «Наверно, шаги у нас разные, — подумал Ярусов, — неправильно вышел, не к той лужайке. Где же она: дальше или ближе к реке?» Справа треснул сучок. Ярусов обернулся — перед ним с букетом цветов стоял Вересаев, отмахиваясь от мошкары веткой рябины. Он молча кивнул головой в сторону сидящих у костра людей и пошёл на лужайку. Следом пошёл и Ярусов.

— Садитесь, — сказал дружелюбным тоном Вересаев, указывая на край автомобильного сидения.—

Знакомьтесь: полковник Остроумов (он кивнул в сторону генерала Галаджи), майор Васильев.

Ярусов назвал свою фамилию, пристально рассматривая лица собеседников. Долгим изучающим взглядом посмотрел на него и Галаджи, потом подбросил в огонь пучок сухой травы и, не сводя глаз с Ярусова, спросил:

— Что основное, главное в вашей поездке в нашу страну: диссертация или задания разведцентра «ОСТ»?

— Установление связей с нужными людьми, вербовка будущих шпионов, особые задания...

— Адреса, явки, способы передачи донесений?..

Вместо ответа Ярусов открыл портсигар, нажал одну из половинок по диагонали, взял за резинку, держащую папиросы,— половина крышки разъединилась, как чемодан с двойным дном. Ярусов взял из тайника свёрнутую вчетверо папиросную бумажку, молча протянул её Галаджи. Генерал пробежал по ней беглым взглядом, свернул так же вчетверо и передал майору:

— Перепишите дословно, со всеми знаками, а оригинал возвратите, — и, обращаясь к Ярусову, добавил: — это шифры и позывные рации. А явки, адреса?

Ярусов взял одну из папирос в портсигаре, потёр её между ладонями, ловким движением извлёк сердцевину мундштука и протянул Галаджи, пояснив:

— Это единственный способ связи. В случае провала адресата меня предупредят.

Генерал развернул мундштучную бумажку. На ней стояло: «Почтовый ящик 45. Инженеру Артюхову». Галаджи взглянул в упор на Ярусова:

— Кто такой инженер Артюхов? Это его действительная фамилия?

— Не знаю. Никогда с ним не встречался. Разыскивать не рекомендовано. Вероятно, под этой фамилией скрывается другое лицо, более близкое разведцентру.

— Не совсем умно и, тем более, далеко не конспиративно,— заметил Вересаев, возвращая Ярусову бумажку.

— На простоту рассчитывают,— улыбнулся Га-

ладжи,— тактика понятна. А ещё что-нибудь можете добавить к этому, уточнить?

— Донесения о военных объектах условлено пометать «Местное» и опускать в почтовый ящик в черте города. Шифровки о завербованных шпионах, объективные данные о них отсылать на тот же адрес «Простой бандеролью», с разных железнодорожных станций. Экономическую информацию: об изобретениях, открытиях и прочее — отправлять до востребования владельцу паспорта номер...

— Понятно,— перебил его генерал.— Что вами сообщено разведцентру «ОСТ» за время пребывания в Самгуни?

— Копии всех донесений переданы полковнику Вересаеву.

— А о контакте с нами когда вы сообщили адмиралу Ландэ и в какой форме: «Простой бандеролью», «Местным отправлением» или шифровкой по радио? Где радиопередатчик?..

— Разведцентр ничего не знает о том, что я решил работать на вас. Местонахождение раций мне неизвестно. Раций должно быть две: у того, кто получает «Простую бандероль», и у резидента под шифром «Консул».

Галаджи переглянулся с Вересаевым. По его властному взгляду Ярусов догадался, что этот смуглый человек в штатском — большая фигура разведки. Во всяком случае, полковник Вересаев его подчинённый.

Генерал поднялся, посмотрел на часы. Потом, взглянув в упор на Ярусова, сказал Вересаеву:

— Оставьте нас наедине на несколько минут...

Вересаев и майор Васильев поднялись, отошли за ближайшие деревья. Ярусов окончательно убедился, что «Остроумов» — старший среди них. Галаджи-Остроумов и Ярусов сидели друг против друга несколько минут молча. Наконец, Галаджи задал несколько вопросов. Ярусов ответил, не задумываясь. Каких тем касались эти вопросы, читатель узнает по дальнейшим действиям Вересаева. Скажем только одно — генерала удовлетворила беседа. Он закурил и сказал в обычной для него, спокойной манере:

— Можете быть свободны, майор Ярусов. Пусть это звание сохранится за вами, но... — Он сделал короткую паузу, улыбнулся, не договорив фразы. — Идите, вы свободны... Работа — лучшая рекомендация.

Ярусов подошёл к своим удочкам. Уже вечерело, раскидистые кроны деревьев протянули на восток длинные тени. Когда Ярусов скрылся за деревьями, Галаджи позвал Вересаева.

— Фигура любопытная... Надо перепроверить всё.

— Будет сделано.

— Ну, а теперь пора в город. Утром посоветуемся, как действовать дальше. Сегодня поговорю с Москвой.

Он поднял свой пыльник, перекинул его через плечо и вышел на тропинку, ведущую в глубь леса, к машине. За ним пошли Вересаев и майор Васильев. Через несколько минут где-то в глубине леса отозвалось эхо перекликнувшихся сигналов автомашин.

Смеркалось всё больше и больше. Ярусов сидел на берегу реки в раздумье, не замечая сгустившихся сумерек, не обращая внимания на беспокойно ныряющие поплавки.

* *
*

А в это время в разведцентре «ОСТ» заканчивались последние приготовления по переброске в СССР «Туриста».

Скрытый поединок двух разведок принимал активные формы.

***ЛЮДИ
БОЛЬШОГО РИСКА***

ГЛАВА I

ВНУЧКА ПРОФЕССОРА

Профессор Кремлёв сидел в своём кабинете в тревожном раздумье. Анализы краткогаза дали двоякие результаты. Большое содержание детонирующих компонентов открывало новые возможности для ракетной техники, а содержание мельчайшей кристаллической пыли, даже в таких микроскопических дозах, какие были обнаружены при анализах — одна десяти тысячная грамма в литре газа — вызывало серьёзные опасения. Проникновение в организм человека одной пятидесяти тысячной грамма этого вещества может привести к потере зрения, вкусовых ощущений, обоняния. Возможны и более серьёзные последствия: образование язвенных явлений на дыхательных путях и в лёгких, а у людей с повышенным кровяным давлением — активное развитие тромбофлебита. Нужно было как-то обезвредить действие газа.

Погружённый в свои мысли, профессор не слышал, как скрипнула дверь кабинета, не видел, что на пороге появилась внучка. Прокравшись на цыпочках к столу, она остановилась за спиной деда, который упорно её не замечал. Тогда Светлана осторожно потянула деда за полу халата и довела до его сведения:

— Это, дедуся, я пришла.

— Не мешай, проказница.

— Я не буду мешать. Только ты скажи: разве у нас здесь страшно?

Профессор обернулся. «Может, что-нибудь случи-

лось?» — подумал он. Но взглянув на весёлое, беззаботное выражение лица внучки, отбросил эту мысль.

В памяти всплыли отрывки из недавней беседы с генералом Галаджи, его дружеское напутствие: «Будьте осторожны, профессор, за вашими трудами и за вами охотятся...»

Но откуда об этом знать ребёнку? Может, в школе что-нибудь слышала? Он встал с кресла, поднял шалунью на руки и сел с ней на диван.

— Страшно, говоришь? Ну, что же тут страшного?..

— Ничего и не страшно, — лукаво поглядывая в глаза деду, затараторила Светлана.

— А что может быть страшного? Лес какой красивый, ежевика, грибы...

— Э, дедуся, я не про то говорю...

— Тогда о чём же?

— А если не страшно, тогда зачем вокруг дачи натягивают колючую проволоку?

— А ты и это уже заметила?

— Угу. Значит, всё-таки страшно... Да?

— Нет, Светочка, это так... как бы тебе сказать... ну, на всякий случай.

— На всякий случай? Чтобы волки и медведи не смогли попасть во двор? Да?

Профессор ухватился за эту мысль.

— Вот-вот! Ведь тут, среди леса, возможны разные хищные звери...

— Ой, а вдруг они всё-таки нападут... — забеспокоилась девочка. — Много, много волков и медведей. Таки страшно... А эти дяди ночью тоже, наверное, боятся. Да?

— Какие дяди?

— Да те, что стоят на мосту у речки и здесь, на даче, у ворот.

— Ну, эти дяди, Светочка, уже ко всему привыкли.

— Я тоже привыкну и совсем не буду бояться. Буду гулять в лесу и рисовать эти самые... пейзажи.

— Какие пейзажи? — насторожился ещё больше профессор.

— Ну, всякие. Ведь тут у нас лучшие в природе пейзажи.

— Кто это тебе сказал?

— Наш учитель рисования Сергей Станиславович. Он ещё сказал, что у меня чувствуется дарование большого художника.

— Постой, постой. Дарование, говоришь... Так он тебе и сказал: дарование большого художника?

— Да. Даже несколько раз так говорил. Все в школе: и девочки, и мальчики — теперь завидуют мне.

— Ну, и какие пейзажи посоветовал он тебе рисовать?

— Всё, что мне понравится. Например, закат солнца из своей спальни, виды окрестностей с балкона...

— Откуда же он знает, что у нас есть балкон?

— Он, дедушка, всё знает. Я ему много рассказывала. Даже рассказала, какой хитрый замок ты придумал к калитке. Всё, всё! Он такой добрый... Когда ходим за город, он учит меня рисовать деревья. Он даже обещал отправить мои картины на большую выставку.

— Какие картины?

— А те, которые я нарисую за лето.

Внучка продолжала рассказывать с присущим её возрасту детским пылом. Учёный слушал её, согласно кивал головой, а самому мерещилось, что где-то по лесной тропе к его трудам — сокровищу всей его жизни, крадутся враги. Он не раз порывался встать, чтобы немедленно позвонить, но каждый раз останавливал себя трезвой мыслью: «Нельзя этого делать. От детской впечатлительной натуры своего волнения не скроешь. Нет, не нужно давать никакого повода», — решил он.

Погрузившись в эти тревожные размышления, он не заметил, как в кабинет вошёл Владимир Петрович. Большую часть рассказа дочери Владимир Петрович прослушал, стоя у порога. А когда она умолкла, стукнул нарочито дверью и вышел из-за портьеры.

— Вот вы где! А я вас ищу. Думал, гулять ушли.

— Проходи, проходи, Володя, присаживайся. Мы тут неожиданно расфантазировались. Ты иди, Светочка, к маме. Иди, родная...

Убедившись, что дочурка ушла, Владимир Петро-

вич закрыл плотнее дверь и вопросительно посмотрел на отца. Потом, опустившись в кресло, заговорил взволнованно:

— Я слышал ваш разговор. Светкины откровения не лишены кое-какого интереса.

— Да, да. Ты прав, Володя. Надо сейчас же позвонить генералу... Как ты думаешь?

— Непременно... Он сейчас на заводе нитрокрасок. Но тут расстояние небольшое. Через полчаса будет здесь. А пока, может, скажем нашему капитану-дачнику?

Профессор изумлённо хлопнул себя ладонями по бёдрам и легко поднялся.

— А я совсем и забыл, что «скорая помощь» совсем рядом, можно сказать, за стеной. Идём к нему. Расскажем о всех наших подозрениях. Как-никак, он здесь глаза и уши генерала.

Сняв пропитанную специальным раствором накидку, Пётр Кузьмич направился вслед за сыном к выходу. В коридоре они встретились с генералом Галаджи. Профессор потянул его в свой кабинет, всё рассказал.

Разговор с Галаджи успокоил профессора.

— Хитро, осмелюсь заметить, хитро! Значит, дача в Капках переоборудуется под нашу. Там тоже хвойные леса. Все заняты работой в городе, но дачу в Капках посещаем, иногда собираемся на выходной все. Держу пари: внучка не заметит этой подтасовки. Ох, и наделает же она им хлопот со своими пей-зажами. Идея, Сильвестр Антонович, прекрасная идея!.. Да, совсем забыл, нас ведь ждёт отменный обед.

— Я сыт, Пётр Кузьмич...

— Ничего, ничего. Подкрепиться на дороге полезно и вам.

— Ну, хорошо — уговорили, — согласился Галаджи, зная настойчивый нрав профессора, — только минут через десять. Мне необходимо поговорить с вашим капитаном-дачником.

— Вот и отлично. Ждём через десять минут.

ГОВОРIT КАСКАД

Начальник охраны объекта «ЛАК-2», как условно называлась лаборатория профессора Кремлёва, капитан Трусов сидел у своего телевизора, переключая его с передатчика контрольных постов на передатчик. За матовым стеклом щитка вспыхнул зелёный глазок, а на большом экране отчётливо выступила лесная дорога. Из-за поворота на дорогу выскочила рыжая лисица. Торопливо посмотрела по сторонам и, припадая к земле, пошла обочиной.

«Верный признак, что поблизости нет человека», — подумал капитан и переключил экран на соседнюю лесную просеку. Через две-три секунды на экране обозначилась прямая, как стрела, линия телеграфных столбов. Вдоль них, по песчаной дорожке важно расхаживали вороны, склёвывая свисающие низко к земле ягоды шиповника.

Капитан включил следующий объект. На экране возникли перила деревянного моста, покоившегося на высоких сваях над узкой, но быстрой и глубокой рекой. Рядом, в тени развесистой ели, неподвижно стоял часовой со вскинутым на изготовку автоматом. Осмотрев всевидящими глазами телевизионных экранов каждый уголок леса, каждую тропинку, капитан включил плёночные телеаппараты на запись. Кто бы теперь ни появился на лесных дорогах, ведущих к охраняемой даче, он будет отмечен на плёнке. Появится в поле телеобъектива новый предмет: выйдет волк из леса, сядет на ветку сорока, пролетит тяжёлый глухарь — аппарат автоматически его фиксирует на плёнку. Если новый предмет находится в поле зрения объектива больше минуты, аппарат делает три кадра и автоматически сигнализирует. В этих случаях в аппаратной у капитана Трусова загорается общий экран, раздаётся сигнал электросирены — «Тревога!»

Переговорив с третьим постом зоны, капитан Трусов заметил на щитке позывные и перевёл рычаг в положение двухсторонней связи. Включив настольный микрофон, он сказал вполголоса:

— Центральный у аппарата...

— Говорит Второй каскад. К вам выехал «Скорый».

В коридоре слышались шаги. Капитан нажал в полу педаль. Он был верен своему правилу: кто бы ни шёл — осторожность прежде всего.

Бесшумно опустился маскировочный щит матового стекла, и комната приняла обычный жилой вид. Справа у кушетки овальный стол. На нём ваза с полевыми цветами, коробка папирос, пепельница, спички. Прямо у окна письменный стол, кресло, этажерка. В открытую дверь соседней комнаты виднелось изголовье кровати, тумбочка.

Только когда поднимался щит и были видны настольный автоматический коммутатор внутренних телефонов и телеэкраны постов секретной охраны, можно было угадать, что здесь не столько квартира, сколько служебный кабинет.

Капитан откатился с креслом к кушетке, закурил папиросу и, приняв непринуждённую позу, стал ждать. На лестнице смолкли шаги, щёлкнул замок и в открытой двери показался генерал Галаджи. Капитан порывисто встал. Генерал дружелюбно протянул руку, снял фуражку и устало опустился в кресло.

— А ну, Алёша, покажи свои владения!

Капитан повернул металлический стержень одного из выключателей и, когда стена поднялась, включил телеэкран. По матовому стеклу снова побежали кадры лесных дорог, просек, тропинки, переправы. На деревянный мост выбежал старый заяц-русак, привстал на задние лапы, обнюхал воздух, поводя большими ушами. Стоявший под елью автоматчик, искусно подражая лаю охотничьей собаки, крикнул:

— Гав, ав, ав!

Заяц метнулся в сторону и, не рассчитав прыжка, свалился с моста в речку. Генерал и капитан рассмеялись.

— Довольно, капитан,— сказал Галаджи.— Вызывай главную квартиру!

Чуть слышно щёлкнул аппарат, издавая низкие подвывающие тона. Затем вспыхнул красный глазок, озна-

чавший, что автомат-искатель встал на заданное деление.

— «Зимовка»! «Зимовка»!

— Я «Зимовка»!

— Говорит «Центральный Каскад...»

— «Зимовка» слушает...

Генерал придвинулся к переговорочному пульта.

— У аппарата «Скорый».

— Жду приказаний.

— Подключите Кузьму Егорыча.

В аппарате что-то щёлкнуло. Чиркнула спичка и новый голос сообщил:

— Я вас слушаю...

— Полковник Вересаев?

— Так точно.

— Кузьма Егорыч, передайте правому соседу: внука Кузьмича готовится подражать полотнам Шишкина. Вы не баловались в молодости за мольбертом?

— Было немножко...

— А не помните, какому мастеру кисти принадлежат инициалы С. С. Ш.?

— Помню...

— Вот и прекрасно. Приеду — доложите.

Выключив аппарат, капитан пошёл на пруд освежиться. А генерал направился в столовую, отдать дань гостеприимным хозяевам.

После обеда Галаджи встретился с Вересаевым. Полковник доложил ему о «любителе пейзажей» и его связях. Галаджи выслушал молча. Закончив доклад, Вересаев закрыл папку и спросил:

— Ваше мнение, генерал?

— Думаю, торопиться не стоит...

— Да, важнее раскрыть и обезвредить резидентуру. А «любитель пейзажей» — это лишь один из подручных.

— Правильно, полковник... держите его в поле зрения и следите, куда ведут следы. На работы профессора Кремлёва, видимо, нацелены разветвлённые щупальцы разведцентра «ОСТ». Кто координирует, направляет эти щупальцы и откуда? Резидент действует где-то поблизости, может, даже в Самгуни. Вы обратили вни-

мание, насколько быстро переориентируются разведчики?

— Конечно... Я убеждён, что резидент действует здесь, в Самгуни.

— Именно, в Самгуни. Сообщения «Местной почты» наталкивают на такую мысль... Кстати, какие виды на будущее у этого «Аспиранта»?..

— На-днях решается вопрос о предоставлении ему научной командировки в район «Лесной каравеллы». Едет по заданию разведцентра «ОСТ» для организации слежки за бароном фон Бретт.

— Ну, а что предпринимаете вы?

— Намерены использовать поездку Ярусова и в наших интересах.

— Правильно... но будьте осмотрительнее...

Зазвонил телефон. Галаджи взял трубку.

— Хорошо, сейчас приеду,— ответил он, поднялся, закрыл стол, сейф и направился к двери, бросив на ходу: — Внеочередное бюро... Вечером приезжайте на дачу, поговорим подробнее... Жду в 19 часов.

— Есть в 19 часов!..

ГЛАВА III

ВАЖНЫЙ РАЗГОВОР

Поднявшись по лестнице, покрытой ковровой дорожкой, Споряну осторожно постучал в дверь и вошёл. Профессор и генерал Прозоров стояли у географической карты. Чуть в сторонке, у выходящего во двор окна сидел генерал Галаджи.

Споряну поздоровался, сел.

Пётр Кузьмич умолк, собираясь с мыслями. Затем сказал:

— Интересно, на какое расстояние хватит этих осадков?

— А сколько было запущено снарядов, профессор? — поинтересовался Споряну.

— Вашей конструкции всего пять, но и они оказались с капризами.— Много лучше действуют улучшен-

ные конструкторским бюро по вашим чертежам. На высоту десяти, двадцати тысяч метров послали по пять снарядов и три, в порядке эксперимента, на предельную дистанцию.

— Ну и как?

— Приборы показывают, что снаряды-разведчики достигли потолка в 25 километров. Интересен ещё один факт: когда спустились облака паров, вызванные рядами газов, над Самгунью пронёсся град не крупнее горошины. Град захватил полосу километра три в ширину и прошёл на протяжении 40—50 километров.

Профессор замолчал, но через минуту заговорил снова:

— Вы спросите: каковы причины появления града? Полагаю, это вызвано тем, что снаряды-разведчики, поднявшись в холодные слои атмосферы, взрывом горячих газов вызвали образование паров. Но так как площадь высоких температур была невелика, то наступило быстрое охлаждение, и пары, соединившись в капли воды, устремились через толщу холодного воздуха к земле, где и были зарегистрированы в виде града...

Пётр Кузьмич вновь обернулся к окну и движением руки пригласил собеседников.

— Смотрите. Остались одни туманности, — удивлённо проговорил Галаджи.

— Естественное течение реакции, — пояснил Пётр Кузьмич. — Воздушная буря, вызванная взрывами, пришла в равновесие с течением воздушных потоков. После выпадения дождей в этих искусственных облаках остались наиболее лёгкие частицы, которые, постепенно соединяясь, будут ещё накрапывать где-то, а затем окончательно рассеются.

Профессор указал на часы:

— Видали! Сейчас 19 часов. Запуск производили в семь тридцать утра. Значит, реакция продолжается уже двенадцатый час. Великолепно!..

— А как ведут себя двигатели летающих снарядов? — обратился к Споряну Галаджи.

— Вполне удовлетворительно. Но по одному запуску нельзя судить об их качестве. Будущее покажет все

подстерегающие нас изъяны. Но уже и теперь ясно, что все взрывы происходят на заданной дистанции.

— Корпуса снарядов сгорают полностью?

— Пока точно неизвестно. Собираем данные. Нет ещё ни одного сообщения о падении осколков на землю, даже в зоне взрывов. Видимо, формула металлической смеси вполне правильна.

Пётр Кузьмич будто не слушал их. Медленно перемещая окуляры бинокля, он следил за поведением растворяющихся туманностей. Затем молча протянул бинокль Споряну. Тот просмотрел горизонт с севера на юг, опустил бинокль и вздохнул с понятным для всех радостным облегчением.

Молчание длилось не более двух-трёх секунд, после чего Галаджи начал говорить об интересе шпионов к открытиям Кремлёва и Споряну.

— Точно установлено, — сказал он, — что чертежи инженера Споряну были сфотографированы...

— Устанавливаете, — перебил его Кремлёв, — но не принимаете никаких мер.

Галаджи замолчал. Видно было, что упрёк его обидел, но он уклонился от прямого ответа, перевёл взгляд на Прозорова, прошёлся по кабинету и пригласил жестом руки всех к дивану. Присев рядом с профессором, заговорил скупой, взвешивая каждое слово:

— Работа разведки многим непонятна. Не обо всём мы можем откровенничать. Например, чертежи Споряну были сфотографированы в библиотеке института...

— Библиотекарем? — удивился Прозоров.

— Трудно сказать... Во всяком случае её родственники связаны с иностранцами... Время покажет, куда ведёт эта «ниточка». Пока к «Лесной каравелле». Но не в это дело. Цель нашей сегодняшней беседы — уточнить некоторые детали, интересующие и нас, и вас, а в целом касающиеся не практической деятельности коллектива лаборатории, а последующих широких производственных испытаний. Органы должны о них всё знать, чтобы обезопасить район испытаний от любых случайностей.

Они разместились поудобнее на мягком диване. Галаджи предложил папиросы. Генерал Прозоров сде-

лал глубокую затяжку и начал излагать задачи, которые должны были сопутствовать предстоящим испытаниям по дождеванию больших площадей. Беседа продолжалась почти три часа. Задачи, выдвинутые генералом Прозоровым и профессором Кремлёвым, были основой того, что впоследствии привело в недоумение не только многие разведки, но и учёных ряда стран.

ГЛАВА IV

«ТУРИСТ» В САМГУНИ

В тот день, когда генерал Галаджи имел столь серьёзную беседу с Прозоровым, Кремлёвым и Споряну, к станции Самгунь в «Голубом экспрессе» подъезжала группа иностранных журналистов. Среди них был и очередной шпион адмирала Ландэ, известный читателю «Турист». Разведцентр снабдил его документами научного работника, приехавшего ознакомиться с новинками и методами гибридизации, проводимой научно-исследовательским институтом субтропиков — «НИИ Главцитрус».

Подъезжая к Самгуни, «Турист» обдумывал, как установить контакт со связным шпионом «Брюнет-прима» и цитрусоводом Таберидзе. Карьеристское нутро «Туриста» никак не могло смириться с тем, что он не первая фигура в Самгуни, а рядовой шпион — чернорабочий разведки.

«Ничего, мы ещё посмотрим,— утешал он себя,— прикинем на весах истории, кто чего стоит. Таберидзе можно приручить шантажом, а «Брюнет-прима»... посмотрюсь, авось что-нибудь удастся... Будет неподатлив, устрою провал».

Приехав в Самгунь, «Турист» с первых же дней начал слежку за квартирой Таберидзе. «Видимо, работает в разные руки», — не без зависти предположил «Турист» и начал разрабатывать план подчинения преуспевающего соперника. Он решил, что сделает всё чужими руками, пусть даже придётся шагать через трупы.

«Любопытно,— думал «Турист»,— какова подоплёка

научной «командировки» Русселя в «Лесную каравеллу»? Чего здесь больше: дел аспирантуры института или особых поручений адмирала Ландэ?.. Видимо, Руссель находится на особом счету, раз ему доверена поездка в вотчину барона фон Бретт. Надо ходить за ним по пятам. Не мешало бы провалить его в первую очередь, а потом сообщить: «вот, мол, вам и немецкая кровь...»

Установив связи с «Консулом» — резидентом разведцентра «ОСТ» в Самгуни — и «Брюнетом-прима», «Турист» начал действовать, стараясь обратить на себя внимание адмирала Ландэ.

Приблизиться к самому профессору Кремлёву или инженеру Споряну шпионы не решались. Это повело бы к явному провалу. Им было хорошо известно, насколько зорка охрана. Нужно было искать посредника, который имел бы доступ в лабораторию. Но такой «фигуры» не мог назвать ни один из шпионов. Правда, было решено использовать резерв — Сергея Stanisлавовича Шпангель, преподававшего рисование в школе, где училась внучка профессора.

Но это был слишком дальний маневр, явно не устраивавший адмирала Ландэ. К тому же Шпангель, отсиживавшийся в СССР больше десяти лет, оказался не только малоизобретательным, но ещё и трусом, избегающим смелых комбинаций.

Но разведцентр продолжал торопить своих подручных, и «Турист» решил пойти на авантюру — похитить дочь профессора, через неё проникнуть в существо работ и профессора Кремлёва, и инженера Споряну. Такую операцию облегчало то обстоятельство, что Зинаида Кремлёва работала в лаборатории, подчинённой главному цитрусоводу Таберидзе.

Однажды «Турист» навестил Таберидзе в его служебном кабинете. Начало разговора носило обычный деловой характер о работах Научно-исследовательского института «Главцитрус». Потом за бокалом шампанского собеседники начали разговор о своих «особых» делах. Таберидзе выразил удивление:

— Не понимаю, что привлекает вас в этих метеорологических изменениях? Ну, необычные для здешних

мест грозы. И что из этого? Чем это может заинтересовать разведку?..

— Очень многим...

— Поясните, если не секрет.

— Настанет время — узнаете. А пока нужна ваша помощь по отбору метеонаблюдений. Тем более что для вас это ничего не составляет. Вполне достаточно данных с метеопунктов вашего института.

«Турист» уже направился к двери, но вдруг обернулся и, широко улыбаясь, начал развязным тоном:

— Чуть-чуть не забыл об одном поручении... Сюда приехал мой коллега по колледжу. Ему нужно составить хорошую партию. Обязательно нужно! — Он поднял кверху указательный палец. — От его мнения зависит наша с вами карьера.

— Что нужно коллеге?

— Как зовут эту красивую женщину, которая заведует химической лабораторией вашей опытной станции?

— Зинаида Петровна...

— А фамилия?

— Кремлёва.

— Хорошо с ней знакомы?

Цитрусовод неопределённо развёл руками, стараясь улыбнуться.

— Есть ли у неё рыцарь сердца?

— Она жена инженера Споряну.

— Тем лучше... Значит, вы с ней хорошо знакомы?

— Да-а-а, знаком...

— Вижу, вижу. Вы, так сказать, недурной объект. — «Турист» оценивающе осмотрел собеседника. — Привлекательный кабальеро. Может, её сердце принадлежит также и вам?

— Ну, нет! Помилуйте. Я с ней даже не осмеливаюсь вести подобные разговоры.

— Стесняетесь?

— Да нет! Уж чересчур гордо она держится: не даёт повода даже для лёгкого флирта. Мне иногда кажется, что если у меня сорвётся с языка какой-нибудь намёк, я немедленно буду «одарён» хорошей пощёчи-

ной. Так что приходится вообще держаться на почтительном расстоянии...

— Ну, хорошо! — перебил «Турист» разоткровенничавшегося «цитрусовода». — Раз не выходит у вас, то вы тем более не будете огорчаться, если за ней поухаживает другой.

— Кто?.. Вы?

— Нет, мой друг и... шеф!

— Так, так, — проговорил «цитрусовод», шагая от окна к столу. Потом поднял глаза на наблюдавшего за ним собеседника: — Что же вы предлагаете? Какой должна быть моя роль?

— Роль дипломата...

— Точнее...

— Через несколько дней, я позднее сообщу когда, вы должны пригласить её в театр. После первого акта все столики в верхнем буфете будут заняты. Направляйтесь к правой нише, где будет два свободных места. Там и познакомимся. Из театра поедem в ресторан. Понятно?

— Да, но она может отказаться идти в театр.

— Ваше дело уговорить. А остальное мы возьмём на себя.

«Турист» подал руку, небрежно бросил на голову шляпу и удалился.

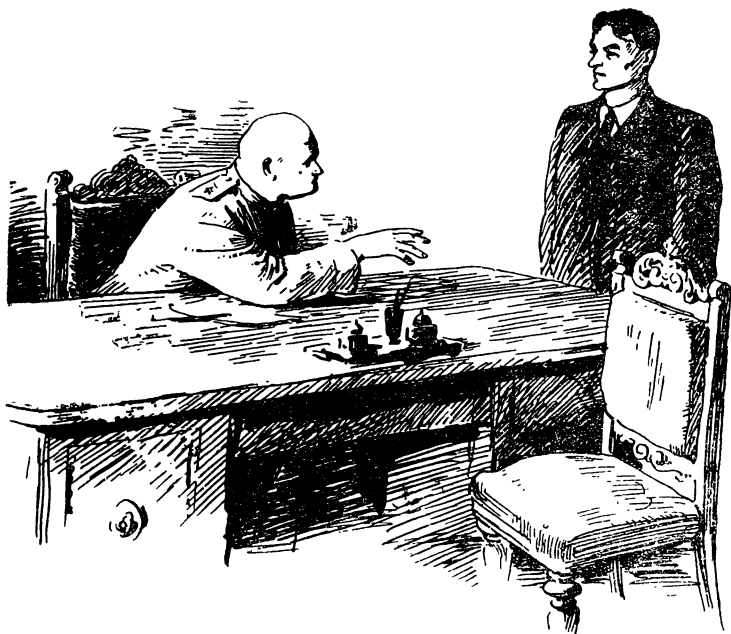
ГЛАВА V

В ПУТИ

Однажды вечером к генералу Галаджи пришёл майор Ярусов, чтобы выслушать последние напутствия перед отъездом в «Лесную каравеллу».

Генерал Галаджи достал из сейфа коробку, вынул из неё специальный фотоаппарат для съёмок в любое время суток и вручил его Ярусову. Потом вкратце познакомил с правилами обращения и, повторив ещё раз, в чём главная задача предстоящей поездки, улыбнулся.

— Не забывайте главного, — наставлял генерал, — а именно: кто они? Нет ли среди них «старых знакомых»? Чем заняты Энрике Томмах и Назыр Мамедов? Каковы

связи или хотя бы намёки на связи Юлиана Тамманиса со шпионами и разведчиками, работающими где-то здесь, вокруг Самгуньской долины.

— Постараюсь, товарищ генерал!..

— Юлиан Тамманис — редактор одной из газет, — пояснил Галаджи. — Ну а всё, что происходит в Самгуньской долине: в промышленности, в культуре, в сельском хозяйстве — он узнаёт из каких-то неведомых нам источников... Чувствуется «почерк» барона фон Бретт.

— Они знают о работах профессора? — понизив голос, спросил Ярусов.

— Не думаю. Сведения об этом в печать не проникали. Но... — генерал развёл руками, — трудно дать гарантию... ваша задача отыскать нити, которые ведут от Тамманиса и барона к нам. А там и весь клубок разматываем. Юлиан Тамманис периодически посещает «Лесную каравеллу». Важно выяснить его ближайшее

окружение и попытаться приоткрыть занавес над его связями с Самгуньской долиной.

— Постараюсь, товарищ генерал!..

— Ну, желаю успехов. Помните: в этой «прогулке» вы не одиноки... явки, шифры, адреса и прочие детали уточнит Вересаев. — И добавил тихо: — установлено точно, что в похищении участвовал агроном Таберидзе. Поезд подходит к станции «Дальняя». Надо перехватить до границы. Догоните самолётом.

Когда Ярусов вошёл в купе, в нём уже был пассажир. Он спал, свернувшись калачиком.

Устроившись поудобнее, Ярусов взял книгу, лёг. Минуты через две лежавший молча пассажир резко повернулся, свесил ноги и сказал вкрадчивым голосом:

— Далеко ли путь держите, Николай Руссель?..

Ярусов схватился за пистолет. До боли сжалось сердце. Кровь хлынула к вискам, свинцом наливая голову.

— Бросьте эту игрушку. Лучше поговорим, — спокойно сказал пассажир.

— Кто вы такой? — осторожно спросил Ярусов, сжимая пистолет.

— Из того же гнёздышка птенец, что и вы.

Блеснула мысль: не очередной ли это проверочный приём полковника Вересаева? Не перестал колебаться он и тогда, когда новый пассажир назвал пароль явки к резиденту. Но всё же положил пистолет, настороженно наблюдая за собеседником.

— Значит, в научную командировку, в «Лесную каравеллу»? Прекрасные места. Когда «Консул» показал мне ориентировку адмирала Ландэ о вашей «научной командировке», я даже в душе позавидовал...

Вскоре на одной из станций пассажир решил сделать остановку. На прощанье он сказал Ярусову:

— В поезде едет интересная парочка. Нашли игрушку и послали в турне с нашим человеком для отвода глаз Галаджи. Так-то... Да, запомните Пауля Митчелл, — заключил он и вышел.

Оставшись один, Ярусов начал обдумывать возможные последствия этой неожиданной встречи.

Вспомнились месяцы шпионской подготовки в «Колледж Экономик». Вспомнилась Агнесса Краус, фотокарточку которой он выдрал из рекламного альбома в пансионе и хранит до сих пор. «До чего ж мила, — размышлял он, вспоминая встречи с ней, — недаром барон решил именно её допустить так близко к себе... Конечно, если бы не коварство разведки, вербующей красавиц для приманки, Агнесса никогда бы не пошла по такому пути. Но всё равно душа её чиста!»

Устав думать, Ярусов пошёл в вагон-ресторан. Заняв удобное место за столиком, он просидел там весь вечер, наблюдая за сменявшейся, как на перекрёстке улиц большого города, публикой. За столом Ярусова сменилось несколько пар, и, наконец, он остался один, наблюдая, как напротив компания бородачей неистово пьёт чай и потеет, обтирая открытые груди полотенцами.

— Сибиряки, — отметил про себя Ярусов.

Часов около одиннадцати в ресторане появился щеголевато одетый брюнет, с правильными кавказскими чертами лица, в обществе молодой, изящно одетой дамы. Ярусов узнал Таберидзе. Кавказец, заметив пустые стулья у стола, за которым сидел в одиночестве Ярусов, подошёл к нему и любезно попросил разрешения занять места.

— Пожалуйста, пожалуйста! — торопливо проговорил Ярусов, не отрываясь от газеты.

Кавказец легонько постучал о стоявший на столе стеклянный сифон с крюшоном. Через минуту Ярусов услышал голос официанта, обращавшегося к сидевшей напротив паре:

— Что прикажете?

Женщина не ответила. Кавказец, нарочито долго раскуривавший папиросу, казалось, тоже не спешил заказывать. Лишь после того, как официант повторил свой вопрос, кавказец процедил сквозь зубы:

— Шампанского полусухого пару бутылок, две порции фазана, фрукты.

— Прошу извинить, фазанов нет. Разрешите заметить куропаткой, кекликами?..

— Пару кекликов в сметане.

— Сей момент, — привычно ответил официант и, бесшумно повернувшись на одной ноге, исчез в коридоре.

Ярусов, наблюдавший за жеманно кривлявшимся перед красивой женщиной кавказцем, невольно подумал не совсем лестно об этой дорожной парочке. На щеках женщины пылал широкий естественный румянец, отчётливо видимый даже сквозь низко опущенную вуалетку и выдававший её смущение. Густые каштановые волосы были уложены в причудливой причёске, свисавшей над левым ухом, точно маленькая, плетёная замысловатой вязью шапочка. Её голубые глаза поминутно останавливались на газете, скрывавшей от неё Ярусова. Женщина, видимо, чувствовала себя неловко в ресторанной обстановке. На вопросы дорожного поклонника она отвечала лёгким кивком головы или только прикрывала глаза. Когда официант подал шампанское, Ярусов услышал её голос.

— Гога, я не могу пить такое холодное...

Кавказец попросил официанта заменить одну из бутылок. Когда были налиты бокалы, хозяин стола шутливо обратился к Ярусову.

— Молодой человек! Дайте отдых газете. Составьте нам компанию...

Ярусов опустил газету и уже приготовился ответить что-то далеко не любезное, но его опередила женщина:

— Я вижу, вам неприятна эта непосредственность. Нет, нет, не возражайте! Скучно в дороге. Надо же как-то убить время.

— Мы ведь не знакомы, — ответил Ярусов в тон даме.

— Тем лучше, молодой человек, — сказал кавказец, поднимая бокал. — За наше знакомство!

Встретившись с приветливым взглядом женщины, Ярусов улыбнулся и тоже поднял бокал. Под звон хрусталя каждый назвал себя.

— Таберидзе, агроном-цитрусовод...

— Наталья Ивановна...

— Руссель, — произнёс с расстановкой их собеседник, наблюдая, какое впечатление произведёт на Таберидзе его имя.

Но у Таберидзе не дрогнул ни один мускул. Он так же шутил, пытаясь казаться беззаботно весёлым. И только на какой-то один миг Ярусов уловил его взгляд, хорошо понятный разведчику.

После второго бокала начались общие разговоры, в которых Ярусов старался больше слушать, чем говорить. Он с напускной весёлостью поддакивал, смеялся, а про себя думал: «Эта женщина очень похожа на Зинаиду Кремлёву. Но где же сама Зина? Куда её упрятал Таберидзе?»

Возвратившись в купе, Ярусов лёг на мягкое сидение, заложив руки под голову, закрыл глаза. Он старался проверить свои подозрения, вспоминая скользнувший по нему взгляд «цитрусовода». «Может, это плод моего воображения? — разубеждал себя Ярусов. — Может, и не было ничего настороженного в этом взгляде?». Он был прав. Таберидзе мог бросить этот взгляд из чувства ревности хотя бы потому, что его спутница уделяла слишком много внимания Ярусову, не лишённому внешней обаятельности.

«Допустим, это так, — думал Ярусов, — но почему Таберидзе постарался скрыть этот взгляд от женщины, тогда как наоборот, он должен был именно таким коротким взглядом в упор дать ей понять, что ему не нравится её перестрелка взглядами с ним, Ярусовым...»

— Нет, тут что-то не то, — сказал Ярусов вслух и поднялся, обдумывая, как решить эту сложную задачу.

Логика вещей подсказывала ему, что нужно на первой станции вызвать оберуполномоченного и арестовать шпиона Таберидзе. Но с ним не Зина Кремлёва, значит, можно испортить всё дело: раскрыть себя и насторожить вражескую разведку, а нитей к дочери профессора не получить. Допрос Таберидзе ничего не даст. Цитрусовод может и не знать, куда исчезла Зина Кремлёва... А может, после театра с ней просто что-нибудь случилось?..

Продолжая обдумывать сложившуюся обстановку, Ярусов пришёл к твёрдому убеждению, что изолировать Таберидзе пока нет ни смысла, ни необходимости. «А вот их билеты, — решил Ярусов, — проверить, по-

жалуй, следует. Будет ясно, до какой станции они едут».

Он вышел в коридор, разговорился с проводником соседнего вагона и под предлогом дорожных ухаживаний выведал, откуда и куда едет дама под вуалью.

Вернувшись в своё купе, Ярусов начал размышлять над тем, что может скрываться за этой ситуацией: из театра Таберидзе увёз Зину Кремлёву, а едет с другой женщиной, двойником Зины... Ярусова занимал теперь главный вопрос: кто эта женщина? Какие намерения разведцентра могут быть прикрыты поразительным внешним сходством этой незнакомки с дочерью профессора Кремлёва?

Он припоминал одну за другой черты Зинаиды Кремлёвой. Тот же овал лица, такие же открытые голубые глаза, миниатюрный, чуть вздёрнутый носик, одинаковый рисунок губ, цвет волос, разлёт бровей, жемчуг зубов. «Неужели это родство, — думал Ярусов, — ускользнуло из поля зрения полковника Вересаева и его работников?.. Может, забыли сообщить мне?»

Ярусов снова вернулся в вагон-ресторан. Таберидзе со своей спутницей был ещё там. Заказав бутылку шампанского и выпив бокала два, Ярусов стал изображать опьянение и вполголоса запел любимую песенку Зинаиды Кремлёвой: «Я вернусь к тебе, черёмуха, весной...» Но Наталья Ивановна не обратила никакого внимания на эту песню. «Нет, это не сестра и не родственница Зинаиды Кремлёвой», — решил Ярусов. Он старался шутить, казаться весёлым. Вскоре под боковыми бра, вместо обычного матового, вспыхнул зелёный свет — сигнал на отдых. Ярусов поблагодарил собеседников за компанию и вышел.

Вернувшись в купе, он вновь стал искать ответ на мучивший его вопрос: «Кто эта дама, какие цели разведцентра могут скрываться за её личностью? А что если шпионы решили воспользоваться её внешним сходством с Зинаидой Кремлёвой и попытаться замести следы дочери профессора — увести генерала Галаджи по ложному следу?»

Через полчаса в головном вагоне поезда, по сосед-

ству с купе, в котором играла радиола, наполнявшая вагоны состава лёгкой музыкой, застучал ключ радиотелеграфа, отбивая обыденные фразы «деловой» телеграммы Ярусова. В шифровке было всего несколько слов:

«...С Таберидзе едет не Зинаида Кремлёва, но очень похожая на неё женщина, назвавшая себя Натальей Ивановной. — Ярусов».

Отправив шифровку, Ярусов снова погрузился в размышления. Он ничего не знал об этой женщине, и это мешало ориентироваться, могло увести его мысль в ложном направлении. Несмотря на свой опыт, он не мог предположить, кому нужны были услуги этой дамы, интересуется ли вообще она какую-нибудь разведку.

Ярусов лежал, глядя в потолок, припоминая мельчайшие детали разговора с дамой под вуалью. А в это время в купе соседнего вагона Наталья Ивановна вела опасную, рискованную игру с Таберидзе.

Цитрусовод был раздосадован тем, что не может найти пути к сердцу женщины, и становился всё назойливее и назойливее. Но Наталья Ивановна искусно уклонялась от прямолинейных объяснений, стараясь удержать Таберидзе на почтительном расстоянии и вместе с тем не оттолкнуть. Но когда он начал выходить за рамки приличия, Наталья Ивановна решительно оборвала разговор и попросила освободить купе. Таберидзе неохотно поднялся, протянул руку и вопросительно посмотрел на её вспыхнувшие неприветливым огоньком глаза:

— Надеюсь...

Наталья Ивановна не дала ему договорить.

— Надежда и самонадеянность — понятия разные.

— Надеюсь завтра встретиться, — повторил Таберидзе, стараясь быть как можно любезнее.

— Утро вечера мудренее... и если будете поскромнее.

Таберидзе раскланялся и удалился.

Проводив его, Наталья Ивановна прилегла на диван, задумалась. Ей вспомнился первый разговор с полковником Вересаевым. Вспомнилось, как она сама

взялась за опасное поручение и как с тех пор самозабвенно служила этому делу.

Начинающая балерина Наташа пришла на этот тернистый путь по велению сердца. Вращаясь среди поклонников балета, она заметила однажды молодого человека, упорно искавшего знакомства с семьёй профессора Кремлёва. Это и привело её к полковнику Вересаеву — отцу её школьной подруги. Он внимательно выслушал Наташу, но не поверил в её предположения.

— Должен огорчить вас, Наташа, — сказал он. — Ваши подозрения построены на песке. Шерлока Холмса из вас пока не вышло.

Наталья Ивановна ушла от полковника удручённая. «Не может быть, чтобы я ошиблась, — думала она. — Возможно, я не сумела объяснить всего того, что приходилось наблюдать. Многих деталей совсем не рассказала...»

И она не перестала наблюдать за молодым человеком. Постаралась войти в его общество, пристально присматривалась ко всему вокруг.

Прошло некоторое время. Балерина уже стала соглашаться с мыслью, что она действительно ошиблась в своих предположениях. Но однажды она невольно подслушала разговор, происходивший за кулисами Самгуньского театра между художником и тем же молодым человеком. Не дожидаясь конца спектакля, в котором она не была занята, Наташа сослалась на болезнь и уехала.

Вересаев встретил её приветливо. Внимательно выслушал. Извинившись за свою рассеянность, попросил повторить детали разговора. Когда она начала рассказывать вторично и более уверенно, её тонкий музыкальный слух уловил какие-то звуки, напоминающие резонанс своего дыхания в микрофон при разговоре по телефону. Она не придавала этому значения, но позднее догадалась, что где-то среди настольных фигур или деталей массивного чернильного прибора был микрофон магнитофона, записавшего её рассказ.

Когда она окончила, Вересаев поднялся, обошёл вокруг стола и сказал, не оборачиваясь к ней, будто спрашивая самого себя:

— Значит, их интересует дача... внучка профессора...

Помолчав несколько мгновений, словно припоминая что-то, он подошёл вплотную к балерине, пристально взглянул ей в глаза и строго спросил:

— Вы не ослышались? Он сказал: «Брюнет-прима»?

— Помню точно. Да, «Брюнет-прима» ждёт зарисовки дачи профессора. А передать просил через какого-то Галкина.

— Имя художника вам известно?

— Сергей Станиславович.

— Фамилия?

— Фамилии не знаю.

— Та-а-ак... Ну, благодарю вас, Наташа. Факты любопытны. Но об этом никому ни слова. Если будет удобно, наблюдайте, запоминайте, с кем встречаются художник и этот молодой человек. Неплохо было бы ближе познакомиться с ним.

— Мы немного знакомы.

— Очень хорошо. Но будьте осторожны. Не слишком назойливы в наблюдениях. Нам не звоните, не заходите. Мы найдём возможность видеть вас...

Вспоминая этот разговор, Наталья Ивановна мысленно перескакивала от одного эпизода своей жизни к другому, с теплотой думала о полковнике Вересаеве, который, как ей казалось, заменил ей отца.

ГЛАВА VI

В ТЕНИ КИПАРИСОВ

Инженер Ярусов, как было условлено, остановился на пару дней в городке «Н». Получив номер в гостинице, он решил прогуляться — ознакомиться с городом, зайти на почтамт. Но прогуляться не удалось. Сменив дорожный костюм, он остановился перед зеркалом. Прихорашиваясь, невольно стал прислушиваться к монотонному голосу диктора, повторявшего объявления. Закончив передачу рекламных объявлений, диктор повысил голос:

— Внимание! Внимание! На главном почтамте поступили до востребования молнии: писателю Хусейну Заде, туристам Антони Браун, инженеру Русселю...»

Дальше Ярусов не слышал. Минут через десять он уже был на почтамте. Дождавшись своей очереди, подал в окно паспорт. Расписался, развернул телеграмму, беглым взглядом пробежал текст: «Самолёт изменил курс. Вынужденная посадка городе «Красного Камня». Переводчица ждёт, волнуется. Ускорьте выезд. Управляющий «Сампроекта» Трусов». Ярусов, отлично владевший искусством дешифровки, без труда прочёл скрытый смысл «молнии», не торопясь положил телеграмму и паспорт в карман, вышел на улицу, обдумывая содержание шифровки.

«Значит, Энрике Томмах в городе «Красного Камня», — думал он, шагая по аллее сквера. — Хорошо. Поищем случая поговорить...»

Возвратившись в гостиницу, Ярусов вызвал такси. Через три часа он уже был на освещённом луной, асфальтированном проспекте города, указанного в телеграмме. Спал он не более трёх часов. А утром, в 8 часов, уже сидел в холле первого этажа гостиницы с журналом, наблюдая за выходящей и входящей публикой. Наконец, он услышал знакомый мужской голос. Ярусов осторожно посмотрел из-за журнала и вздрогнул. У окошка дежурного стоял тот самый «загадочный пассажир», назвавший себя Паулем Митчелл.

Ярусов почувствовал, как холодеют пальцы рук. Гулко застучало сердце. Одна за другой в сознании проносились догадки: «Слежка за мной... Адмирал Ландэ узнал о встречах с Вересаевым... А может, это вересаевский хвост, приставленный ко мне?..» Глаза начал застилать туман, Ярусов стиснул застучавшие мелкой дробью зубы. Пока Пауль Митчелл получал номер, Ярусов пережил не менее тревожные минуты, чем при встрече в поезде. Собственно говоря, вся жизнь Николая Русселя за последние несколько лет была испытанием нервов. Он стал замечать, что после таких тревожных начинаний начинаются сильные головные боли, наступает бессонница, нервные толчки во сне.

Наконец Митчелл вошёл в лифт, не заметив сидев-

шего в холле Ярусова. Когда лифт ушёл вверх, Ярусов вышел на улицу, прошёл по бульвару, надеясь встретиться с Энрике Томмахом. «Может, он ещё не приехал из «Лесной каравеллы»? — предположил Ярусов. — Как совместить два дела: не попасть на глаза Митчеллу и разыскать Энрике?.. От него, из переписки барона, можно будет установить, что за птица Митчелл, чьи вожжи правят им?»

Ярусов прошёл тенистой аллеей бульвара, укрываясь от лишних глаз, и зашёл в магазин, чтобы снять шляпу, галстук, купить тёмные очки. Приближаясь к галантерейному отделу, он невольно вздрогнул: у прилавка стоял Энрике Томмах. Ярусов дождался, пока тот сделает покупки, купил сам, что нужно, и догнал его на улице. Поравнявшись, незаметно задел локтем и тихо сказал:

— Продаются апельсины...

Ярусов заметил, что юноша вздрогнул, и пошёл рядом, ожидая ответа. Энрике не спеша достал портсигар, взял сигарету и, повернувшись к Ярусову, сказал:

— Разрешите прикурить... — Пока Ярусов зажигал спичку, Энрике добавил полушёпотом. — Завтра в одиннадцать, в кафе «Гранатовые соки», — прикурил и свернул за угол.

Ярусов пошёл в косметический магазин-ателье изменить причёску, брови.

А в это время Пауль Митчелл шёл на междугородную телефонную станцию, чтобы позвонить в «Лесную каравеллу», заказать номер. «Руссель, видимо, уже там, — думал он, — надо не спускать с него глаз... На нём можно прилично заработать». Когда открылось окошко, Митчелл не поверил своим глазам. Строгие, тонкие черты лица, огромные, чёрные глаза — всё не оставляло сомнений в том, что это именно она, Агнесса Краус. Но как она попала сюда — видимо, перетянул с собой барон... Непонятно, для чего адмирал утаил этот факт от меня? Сидевшая у окошка девушка заметила его замешательство, улыбнулась:

— Я вас слушаю...

— Простите, пожалуйста, — подчёркнуто любезно ответил Митчелл, — растерялся от неожиданности. Вы

напомнили мне одного близкого человека. Мне нужно было связаться с «Лесной каравеллой», заказать номер в гостинице. Но теперь не могу выехать, не поговорив с вами. Можно ли на это рассчитывать?..

Девушка покраснела. Она не узнала Митчелла не только потому, что он внешне был совершенно не похож на того Пауля, которого она мимолётом знала в пансионе «Колледж Экономик», но и голос, золотые зубы, картавая речь и манера держаться, бабочка усов, сильно выдернутые брови — настолько преобразили Митчелла, что он, действительно, даже отдалённо не походил на себя в прошлом. Заметив неловкость девушки, Митчелл продолжал:

— Вы не думайте ничего плохого. Мне только необходимо с вами поговорить. Пять минут, без свидетелей. А завтра я уеду по своим делам...

— Молодой человек, не задерживайте, — услышал Митчелл за спиной женский голос.

— Видите, я занята, — чуть слышно ответила девушка.

— Я зайду к концу работы. Когда? — так же тихо спросил Митчелл, заметив, что её щёки вспыхнули румянцем.

Девушка не подняла головы, перебирая на столе бумаги. Но Митчелл ясно слышал шёпот: «В пять часов» — и отошёл от окна, уступив место нетерпеливой даме.

Оказавшись на улице, он остановился, широко улыбаясь созревшей в его голове сенсационной для разведки крупной провокации, на волнах которой можно будет высоко прыгнуть по служебной лестнице, не говоря уже о крупном бизнесе. Он прошёл по бульвару, занял столик в открытом кафе, чтобы можно было наблюдать за движением на аллеях, заказал коктейль и начал обдумывать детали проведения операции.

«Можно ударить по самым потаённым струнам разведцентра «ОСТ», — с восхищением думал он, — переполющить адмирала и солидно выслужиться. А сделать это можно довольно просто. Похитить Агнессу Краус, перебросить её на территорию СССР, сочинить историю её давней, известной Ландэ, связи с Русселем,

уличить в хищении документов об инженерере Споряну — дальше всё пойдёт своим ходом. — Он отпил полбокала, закусил апельсином, закурил, продолжая обдумывать последствия родившейся в его голове провокации. — А что, если одним махом убить несколько зайцев? Сюжет готов: барон фон Бретт через Агнессу Краус связан с русским шпионом Николаем Русселем. Этим путём материалы о Споряну попали в руки русской разведки... А сейчас Агнесса Краус при помощи специально приехавшего сюда Русселя переправлена на территорию СССР со всеми шифрами и кодами разведцентра «ОСТ»... Можно в эту чертовски занятную историю вплести и Энрике Томмаха... А там полетят резиденты в Самгуни и ещё кое-где... Может, адмирал даже поручит мне убрать их...» — Митчелл в восхищении потёр руки, допил бокал и пошёл готовиться к задуманному им «блестящему делу».

В пять часов, как было условлено, он пришёл на междугородную, постучал в знакомое окошко. Та же черноглазая девушка встретила его улыбкой и, придвинувшись ближе к окну, торопливо проговорила:

— Сегодня не могу, оставили на вторую смену. Завтра в 12 часов в кипарисовой аллее парка.

Она уже хотела закрыть окно, но Пауль положил руку в притвор.

— Скажите хотя бы ваше имя.

— Агнесса...

Пауль Митчелл не спеша убрал руку, не спуская глаз с девушки. Он хотел сказать ещё что-то, но не успел: щёлкнула задвижка — перед ним уже было матовое стекло. «Неужели не узнаёт... или хочет заманить в ловушку барона?.. Не потому ли откладывает встречу?.. Ну что ж, пусть «познакомит» с бароном, посмеёмся...» И всё же, сколько ни успокаивал он себя, мучительно долго тянулось время ожидания. Ещё мучительнее — неизвестность того, согласится ли она добровольно ехать в СССР или придётся применить силу... Как сложатся дела дальше, удастся ли задуманная операция?..

Он пошёл в ресторан, обдумывая дальнейшую линию своего поведения. Утром Пауль Митчелл с десяти

часов стал посматривать на часы. Ему казалось, что их стрелки перемещаются слишком медленно.

А в это время в кафе «Гранатовые соки» сидел Ярусов и тоже поминутно поглядывал на часы. Ровно в одиннадцать в кафе появился Энрике Томмах. Заказал какао, пирожное и незаметно передал Ярусову конверт, сказав полушёпотом:

— Адреса, явки резидента и связного в Самгуни... копии трёх радиошифровок. Барон работает на два фронта... Мне больше оставаться здесь нельзя. Появился Пауль Митчелл, следит за бароном. Всё остальное послезавтра за «Лесной каравеллой», у водопада...

Ярусов молча кивнул, думая: «Митчелл, видимо, прибыл с особым заданием адмирала. Неужели и меня заподозрили в двойной игре?..» Он повернулся, чтобы позвать официанта. Взгляд упал на дорожку, по которой в сторону аллеи кипарисов торопливо шёл Митчелл.

Митчелл вышел на кипарисовую аллею ровно в полдень. В конце парка, где кроны старых кипарисов стояли сплошной высокой стеной, создавая полумрак и прохладу, он заметил в скрываемой диким плющом беседке Агнессу. Пауль смело подошёл и протянул руку:

— Здравствуйте, Агнесса!..

— Здравствуйте,— приветливо ответила девушка.— Садитесь, рассказывайте — чей, откуда, зачем я вам нужна.

— Антон. Можно и проще — Тоня. Из Советского Союза. В командировке.

Девушка вдруг изменилась в лице. Сдвинула брови и, глубоко вздохнув, повторила:

— Зачем я вам нужна?.. Я вас совсем не знаю...

— Зато я вас хорошо помню. Вы работали у «профессора»... Ландэ!..

Девушка отшатнулась, изменилась в лице, часто-часто замигала глазами.

— Вы не бойтесь,— старался убедить её Пауль,— я вас не выдам. Но помочь вы мне должны... Ведь вы работаете для барона фон Бретт?

Девушка утвердительно кивнула головой.

Мысль Пауля работала лихорадочно. Он понял, что находится у цели, и старался сдержать своё волнение, не выдать себя. Его больше всего тревожила мысль, что за ними следят и могут сорвать операцию. Стараясь принять как можно более непринуждённый вид, он сказал:

— Да-а... Ну, а где ваш ментор — барон фон Бретт?.. — Заметив её испуганный взгляд, Пауль поспешил успокоить: — Я всё знаю. И даже то, как вы сюда попали. Мы вас давно ищем, чтобы помочь вам... Знаете что? Давайте вместе встретимся с Энрике Томмахом, поговорим... Я помогу вам обоим вырваться из лап барона.

— Нет, это невозможно сделать,— девушка огорчённо покачала головой.— Барон запретил мне встречаться с Энрике, следит за мной, дважды в день приходит...

— Тогда слушайте меня. Если вам удалось, не вызвав подозрений, изъять из архивов разведцентра «ОСТ» важный документ, то моя просьба — мелочь по сравнению с той операцией... Вы согласны?

— Что вы хотите?..

— Очень немногого. Достаньте или перепишите у барона шифры, адреса и девизы шпионов, работающих по его заданиям в СССР. Вот и всё... Агнеса Краус, если память не изменяет.

— Это невозможно сделать за короткое время.

— А я не тороплюсь. Подожду. Только не вздумайте наводить на меня барона. Я не один, а пуля — дура, не разбирает, какая перед ней голова: мужская или женская.

— Адреса, девизы шпионов и явки?..

— Да, и шифры.

— Не думайте только, что я сделаю это ради денег. Вам не понять. Теперь я вас тоже хорошо вспомнила, хамелеон: ни родины, ни чести, ни морали. То одной разведке продаётесь, то другой...

— Думайте, что хотите, Агнесса. Вам меня тоже не понять...

— Пойму, если вы выполните мою маленькую просьбу.

— В чём же она состоит?

Девушка пристально посмотрела на Пауля, поправила упавшие на глаза волосы, вздохнула и сказала:

— Переправьте в СССР.

Пауль с трудом проглотил слюну, не веря своим ушам.

— Это, пожалуй, стоящее дело,— отозвался он,— если не шутите.

— Нет, даже не думаю... Там мне есть что рассказать...

— Согласен, Агнесса. Но... такую операцию надо проделать тонко.

Они договорились о следующей встрече и разошлись. Митчелл занялся изучением наиболее верных путей перехода границы. Через несколько дней они встретились в той же аллее. Агнесса передала ему список шпионов с адресами и явками и шепнула: «Шифры не успела переписать, в следующий раз. Постараюсь закончить до...»

Она умолкла, заметив приближение посторонних. Пауль хотел что-то сказать, но Агнесса сжала ему руку:

— Т-с-с! Могут подслушать. Нам лучше разойтись.— Она быстро поднялась со скамейки.— Идите, нам нельзя вместе. Завтра жду в десять вечера.

— Хорошо. Только будьте осторожны...

— Не беспокойтесь,— шепнула она и скрылась в боковой аллее.

...В десять часов вечера Пауль подошёл к знакомому окну. Дождавшись своей очереди, он сказал нарочито громко:

— Примите срочный заказ. «Лесная каравелла», директора отеля.

— Сколько минут? — обычным тоном спросила Агнесса.

— Пять.

Она оторвала квитанцию и, надписав что-то на обороте, подала Паулю. Обменявшись понимающими улыбками, они молча расстались. На улице Пауль взглянул на надпись и улыбнулся. С трудом скоротав ночь, в семь утра он поехал к условленному месту, к

старой мечети. Машина остановилась возле трансформаторной будки. В ту же минуту из переулка вышла женщина в паранже. Пауль узнал её по туфелькам, распахнул дверцу машины и, осмотревшись по сторонам, сел рядом с шофёром, оглянулся. Агнесса приподняла уголок волосяного покрывала. Встретившись с ней взглядом, он кивнул.

Когда машина вышла на загородное шоссе, Пауль наклонился к шофёру и сказал коротко:

— В ущелье.

— Это будет дальше, вдвое дальше — дорожке.

Пауль достал из кармана несколько бумажек и, не глядя, протянул шофёру, добавив:

— Только быстрее.

Тот молча улыбнулся и прибавил скорость.

Он то и дело торопил шофёра, думая об одном: «Барон спохватится, позвонит на заставу... хотя бы успеть». Через несколько минут вдали показался полосатый шлагбаум и часовой рядом с ним. Завидев машину, часовой просигналил. На дорогу вышел офицер. Шофёр лихо подъехал — офицер даже посторонился от неожиданности. Пауль, не открывая дверцы машины, нетерпеливо отчеканил:

— Шамал тау!..

Офицер суетливо козырнул, что-то крикнул часовому. Поднялся шлагбаум, машина рванулась вперёд. Пауль оглянулся. Офицер все ещё стоял у дороги с поднятой для приветствия рукой. «Пронесло», — подумал Пауль и улыбнулся.

А на другой день Пауль и его спутница уже мчались на катере по реке Самгунь. Когда катер прошёл опасную зону, где река подходит одной из своих петель к границе, Пауль взял девушку за руку, посмотрел ей в глаза и рассмеялся:

— Ну вот, Агнесса, теперь вы и на свободе!..

— Пауль, родной мой, — прошептала девушка и обняла Митчелла. — Как же это я не разглядела тебя раньше?..

Пауль Митчелл погладил её по голове, а про себя подумал: «Попала мышка в когти льва.. Кое-что я подработаю на твоей голове... потом провалю или убе-

ру со своей дороги...» Он привлёк её к себе и шепнул: «Я скоро выйду на берег, а тебя катер доставит в пригород. На дачном доедешь до Самгуни. Вот тебе ключ от моей квартиры — Студенческая улица, дом 5, квартиры 12, второй этаж. Жди меня, никуда не ходи. Завтра вечером увидимся...»

Ничего не подозревая о его замыслах, девушка кивнула в знак согласия и благодарно улыбнулась.

ГЛАВА VII

НА ТЕЛЕФОННОЙ СТАНЦИИ

— Метеостанция?..

— ...

— Самгунь просит начальника бюро погоды...

— ...

— Самгунь, говорите!..

Телефонистка включила аппарат на двухстороннюю связь, проверила слышимость, выключила контрольный микрофон и обернулась к соседке, обслуживающей служебный передатчик.

— Фу-у-у, совсем запарилась. И о чём это Дмитрий Дмитриевич сегодня говорит? Перезвонил уже всему свету. А тут ещё какой-то цитрусовод как с ума сошёл: звонит и звонит без конца...

— Видно, дела есть,— равнодушно заметила соседка — старшая телефонистка. — Ну и дождь!

— Дождичек таки небывалый,— согласилась девушка.

Оттолкнувшись ногами, она быстро закружилась на вращающемся кресле, подымаясь всё выше и выше. Заметив падающее через окно отражение косой полосы дождя, оттенённой упавшими в разрыв туч солнечными лучами, Алла резко повернулась к окну и протянула нараспев:

— Какая красота! Нет, ты только взгляни на эту картину! Не дождь, а поток бриллиантов чистой голубой воды!

— Ой, и правда, красиво... Я ещё никогда не видела такой картины.

Подруги умолкли, любясь редким преломлением солнечных лучей в мириадах капель воды.

Потом Алла торопливо обернулась и включилась во внутреннюю сеть. Когда на сигнальном щитке вспыхнул зелёный глазок, она включила звук.

— Техническая слушает, — раздался голос.

— Говорит девятая-дальняя. Мне нужен дежурный инженер.

— Переключаю...

— Константин Борисович? — певучим голосом затараторила Алла. — На южном направлении большие помехи, падает слышимость. Абоненты недовольны... Зайдите, пожалуйста...

— Хорошо, сейчас подымусь, — раздалось в микрофоне.

Алла начала налаживать связь для «воздуха». Сменный инженер Константин Борисович Егоров появился минуты через две. Он поздоровался, тщательно прослушал аппараты южного и северного направления. Подрегулировал преобразователи и сел к контрольному щиту.

— Включите юг! — строго сказал он.

Алла, всё время не сводившая с инженера глаз, кокетливо улыбнулась и перевела регулятор. Инженер проверил передачу, приём, включил конечные станции на двустороннюю связь и дал предупреждение: «Проверка, проверка... Как слышимость?» И услышал в ответ отчётливо, со звоном: «Приём и передача проходят нормально, усиление среднее».

— Продолжайте работу, — дважды повторил инженер и, выключив контрольный аппарат, поднялся. Алла повернулась на стуле, провожая его взглядом. Не заметив, а скорее почувствовав её взгляд, Константин Борисович обернулся.

— Вы хотели мне что-то сказать? — спросил он, глядя в упор на девушку.

— Нет... Я ничего... Я так, — опустив глаза, проговорила смутившаяся телефонистка.

— Тогда я вам должен кое-что сказать, и не совсем приятное, — подчёркнуто официально добавил он и подошёл поближе к Алле. С минуту инженер стоял

молча, потом проговорил наставительно: — Правда, не моё право вмешиваться в личные дела, но было бы лучше, если бы вы больше интересовались не своим внешним видом, а порученной работой.

Он резко обернулся и, не дожидаясь ответа, вышел. Девушки замолчали, думая о том, почему инженер сегодня не в духе. На щитке перед Аллой вспыхнул красный зрачок.

— Ой, — спохватилась она, — меня опять вызывают.

Только она успела перевести рычаг, как из микрофона послышался строгий голос:

— Почему так медленно реагируете на сигнал? Кто дежурит у щита?

— Алла Газенко, — робко ответила девушка.

Закончив разговор, Алла облегчённо вздохнула и, повернувшись к соседке, затараторила:

— И чего только наш инженер всё время ко мне придирается, — сыпала она словами, — даже поговорить некогда. Ой, а ты знаешь, я вчера на танцах познакомилась с очень интересным человеком. Такой, знаешь, представительный, предупредительный. И девушка с ним, тоже ему под стать, чернявенькая, тоненькая, нежная. Такое интересное знакомство! Закончился вальс, я отошла. Осматриваюсь и вдруг встречаюсь взглядом с этим симпатичным брюнетом. Никогда я его раньше не видела. Приезжий, думаю. А он смотрит, улыбается и испытывающе смотрит: дескать, можно с вами познакомиться?

— Откуда ты знаешь, что он именно это думал?..

— Ну, я уже с одного взгляда понимаю, что к чему. Так вот, он смотрит, кивает, а я улыбнулась. Он взял под руку эту чёрненькую, с которой танцевал, и подошёл ко мне. «Разрешите, — говорит, — познакомиться». — Ну, я назвала себя. Его зовут Антон, он почти инженер. Закончил МИИТ. Приехал сюда с двоюродной сестрой, к дяде — её отцу. А его сестра говорит:

«Может, мы с Вами, Аллочка, и подружим. Меня зовут Агнесса. Хорошо было бы составить весёлую компанию. Мой брат большой весельчак».

Алла глубоко вздохнула, переводя дух после длинной словесно-автоматной очереди. Соединила абонента и пришёлкнула языком.

— Пошли в ресторан. До звонка танцевали, пили шампанское, ели шоколад, смеялись до упаду...

ГЛАВА VIII

ГРОЗА НАД САМГУНЬЮ

С самого утра дождь лил, как из ведра. Непрерывные потоки воды ошлифовали асфальт улиц до блеска. С кроны огромной ели, заслонившей венецианское окно гостиной, сыпал на землю причудливый каскад тонких ручейков, создавая иллюзию вращающегося фонтана.

Споряну стоял у окна, задумавшись: «Что же всё-таки могло случиться с Зиной? Почему она до сих пор не возвратилась из командировки? И, главное, не даёт о себе знать...»

Он вышел в гостиную, чтобы ещё раз позвонить на опытную станцию. «Может, там, — думал он, — известно что-нибудь?» Но дозвониться не смог. Тогда он закурил, подошёл снова к окну, задумался. Подошла Елена Савельевна, постояла рядом, подбирая слова, которые могли бы утешить брата.

— Тоня, ты не расстраивайся, — сказала она тихо, дотрагиваясь до его плеча. — Ну, мало ли что может случиться в командировке! Задержалась дольше, чем нужно. А погода видишь какая. А может, провода повреждены — позвонить нельзя...

— Я уже всё передумал, Ленуца. Но сердце предчувствует недоброе.

— Может, приболела... Но тогда прислала бы телеграмму...

— Ой, Ленуца, непонятно всё это, загадочно. В голову лезет разная чепуха. Временами готов верить в любое предположение.

Они замолчали. Елена Савельевна сама понимала,

что такое длительное отсутствие Зины трудно объяснить. «Может, попала в аварию?» Эта мысль становилась всё навязчивее. Елена Савельевна старалась отогнать её, но другие предположения казались настолько несостоятельными, что отпадали сами собой.

— Может, попросить Дмитрия Дмитриевича связаться с Первомайском?

— Конечно, Тоня. И как ты раньше об этом не подумал?

Антон Савельевич позвонил Вахрушеву. Но его на месте не оказалось. Ответила секретарь:

— Обычной связи с Первомайском нет. А по особой линии без Дмитрия Дмитриевича не смогу вас соединить. Он скоро приедет. Приезжайте и вы к нам. Отсюда и поговорите, а ваш телефон переключить на особую линию нельзя.

Через полчаса позвонил Вахрушев.

— Вы спрашивали меня, Антон Савельевич?

— Да, Дмитрий Дмитриевич. Понимаете, Зина уехала в Первомайск в командировку. Должна была вернуться ещё в воскресенье, и нет до сих пор. Волнуюсь, хотел попросить Вас связаться с Первомайском по особой линии.

Дмитрию Дмитриевичу было известно об исчезновении Зинаиды Споряну. Ему сообщил об этом Галаджи. Пока Споряну излагал причины своего беспокойства, Вахрушев напряжённо думал: «Что ему ответить? Да ещё так, чтобы прозвучало правдоподобно?..» — Он выслушал Споряну и неожиданно для себя нашёл выход.

— Антон Савельевич, одну минуточку — звонят. — Он зажал в ладони трубку телефона, чтобы не слышал Споряну, и снял трубку «вертушки». — Начальника КГБ... Сильвестр Антонович?.. Здравствуйте. Ну, как поиски Зинаиды Петровны?.. Да-а-а. Споряну волнуется, видимо, сердце подсказывает неладное. Просит связаться с Первомайском... Неприятная история... Отвечать придётся, генерал, нам обоим... А спрашивать за такой промах будут круто... действуйте энергичнее... Хорошо, до свидания. — Он положил трубку «вертушки» и вернулся к разговору со Споряну:—

Антон Савельевич, подождите минутку, я позвоню в Первомайск... Соедините Первомайск, — сказал он, не поднимая трубки телефона особой линии... Почему не работает?.. Что?.. На другой линии? Когда устраните повреждение, позвоните. — Он поднял и положил обратно трубку одного из телефонов, чтобы создать впечатление состоявшегося разговора. И Споряну поверил. Стукнув погромче трубкой, Вахрушев сказал:— Антон Савельевич, повреждение на линии.

— Я слышал, Дмитрий Дмитриевич.

— Вы не волнуйтесь. Устранят повреждение — я выясню, где Зинаида Петровна, и позвоню вам.

Вахрушев положил трубку и задумался... Споряну вернулся в свою комнату, взял книгу, прилёг на тахту.

Город казался вымершим. Жители отсиживались дома, пережидая непогоду. Да и рискованно было во время бури появляться на улице: порывами ветра человека сбивало с ног. Время от времени проплывёт на малой скорости по асфальту одинокая машина, и вновь та же косая пелена дождя, отклоняемая стремительным порывом ветра, и снопы брызг, бросаемых в окна. В комнате гнетущая тишина, в которой звонко отдаются удары маятника стенных часов.

Антон Споряну так углубился в чтение, так увлёкся смелым полётом фантазии автора «холодного двигателя», что забыл обо всём на свете. Шум за окном ему казался тем естественным состоянием, при котором он мысленно плыл сейчас высоко в стратосфере. Оказавшись в плену фантазии, он забывал про отложенную папиросу и закуривал новую. В пепельнице рос ворох недокуренных папирос и сожжённых спичек.

Младшая сестра Ира, воспользовавшись дурной погодой, писала подругам письма. Елена Савельевна читала. Лукерья Ивановна гремела на кухне посудой.

Часы пробили без четверти двенадцать. Никто не заметил остановившейся у подъезда машины.

Неожиданный звонок заставил всех вздрогнуть. Ира вскочила.

— У подъезда машина!

Открыв дверь, она смерила незнакомца пристальным взглядом и строго спросила:

— Вам кого, гражданин?

— Можно видеть инженера Споряну? Ему личный пакет.

— Инженера Споряну просят, — громко сказала Ира и вежливо предложила: — Войдите.

Сорвав сургучную печать, Антон вынул из конверта сложенную вчетверо записку. Текст гласил: «Ждём на даче с часу до двух. Непременно приезжайте. Машина в вашем распоряжении. — Галаджи».

— Разрешите обождать? — негромко спросил незнакомец.

Споряну резко обернулся и только тут заметил выглянувшие из-под плаща канты офицерской формы. Посмотрев на незнакомца в упор, Антон шагнул к нему.

— Ваши документы?

Капитан медленно расстегнул плащ и, улыбаясь, протянул удостоверение личности.

— Надеюсь, вам подпись на документе знакома так же, как и шофёр, который приехал со мной.

— Вполне возможно, — отрезал Споряну, возвратив удостоверение, быстрыми шагами направился к двери, сказав на ходу: — Подождите меня здесь! — Он вышел к машине и, узнав шофёра, молча вернулся в столовую. — Мама, мне нужно ехать, вызывает генерал Галаджи. — Заметив тревогу на лице матери, он подошёл к ней. — Ты, мамочка, не волнуйся! Ничего особенного. Обычная деловая беседа. Я скоро вернусь.

— Как скоро?

— Ну, во всяком случае, сегодня. Видите, как разыгралась непогода, может, дороги... Если задержусь до завтра, извещу.

Он накинул на плечи плащ и поднял капюшон. Через несколько минут машина развернулась и растаяла в пелене набежавшей полосы дождя.

Часы пробили двенадцать.

Шофёр вёл машину на второй скорости, то и дело нажимая тормоза. И Споряну, и капитан сидели молча, думая каждый о своём. Иногда, когда сильные по-

рывы ветра бросали машину из стороны в сторону, они невольно хватались за опорные никелированные скобы.

За городом на гравийном полотне шофёр прибавил скорость. Порывы ветра стали ощущаться меньше, а километров через 10 почти прекратились совсем. Скоро миновали и пелену дождя. А ещё через пять-десять минут пошло сухое шоссе, где пыль была чуть прибита редкими дождевыми каплями. Споряну, заметив это, заинтересовался.

— Граница грозового циклона... Остановите-ка машину, посмотрим...

— Не опоздаем? — не спросил, а скорее предупредил сопровождающий его капитан.

— Одну-две минуты. Очень любопытно.

Оставшаяся позади полоса дождя тянулась непрерывной завесой с северо-востока на юго-запад. Края её скрывались где-то вдаль, за горизонтом, а отвесная стена дождя, освещаемая солнцем, казалась гигантской, разноцветной, как радуга, кончающейся у земли пышными кружевами испарений.

— Странно, — громко сказал Споряну. — Обычно грозовые тучи идут фронтом высоких кучевых облаков. А тут, вместо кучевых шапок, пелена туманностей.

— Какие там туманы, — возразил шофёр. — На заре так полоснула молния да прогрохотал на своей колеснице Илья-пророк, что у меня минут двадцать в голове шумело.

— Где это? — с интересом спросил инженер. — Что-то не помню никакого грома. Когда я проснулся, дождя ещё не было, только было темно от пыли и душно.

— А у нас было светло, как перед прожектором, — сказал шофёр. — Молния прямо пробороzdила землю огненными полосами.

— И гром был?

— Ещё какой! Я никогда ещё не видел, чтобы в машине так дрожали стёкла, а тут даже жуть взяла.

Ещё у ворот лаборатории Споряну догадался, что произошло что-то серьёзное. Вместо одного постового стояли два автоматчика. На шоссе от Кедровой горы показались две машины скорой помощи. Генерал Галаджи, нервно переступая с ноги на ногу, говорил по телефону с городом. «Видно, катастрофа при испытаниях, — подумал Споряну. — Неужели кто-нибудь погиб?..» — Он выскочил, не ожидая полной остановки машины.

Заложив руки за спину и не замечая входивших людей, по кабинету молча ходил профессор. Споряну переглянулся с Прозоровым и опустился на диван, рядом с Владимиром Петровичем.

— Что-нибудь серьёзное? — спросил он тихо.

Владимир Петрович утвердительно кивнул головой и пояснил шёпотом:

— Восемь человек погибло...

Вошёл Галаджи. Плотнее закрыл за собой дверь. Профессор обернулся, подняв на Галаджи вопросительный взгляд.

— Шесть человек погибло... сгорели, — пояснил Галаджи. — Двое без сознания, ожоги последней степени... Надежды тоже мало.

— Какая уж тут надежда, — развёл руками профессор... — Мгновенная смерть... Как же это могло произойти? Как? — повторял он, нервно шагая по кабинету, — в чём секрет такой неожиданной реакции... неужели просмотр в лаборатории?..

— Приняты меры, профессор, — сказал Галаджи, — расследуем самым тщательным образом.

— Не знаю, генерал, где искать причины. Боюсь, не моя ли вина... воспыал проблемой, а мог проглядеть мелочи... Как ваше мнение, инженеры? — остановился он перед Владимиром Петровичем и Антоном.

— Я ещё не в курсе дела, Пётр Кузьмич, — отозвался Споряну, — не знаю обстоятельств, подробностей.

— Всё произошло в мгновение ока, — заметил

Прозоров. — Три установки должны были послать на определённые высоты, со строгими интервалами 30 воздушных торпед. После залпа первой установки, точнее, в самый момент вспышки, произошло совершенно непонятное: заряды во всех воздушных торпедах, находившихся на направляющих механизмах, самовоспламенились, скользнули в высоту, как кометы, вызвав большим отделением газов и высоких температур детонирующий взрыв, уничтоживший всё, что было на поверхности в радиусе трёх километров... Спаслись только три человека, оказавшиеся в это время в укрытии — в блиндаже.

— Теперь понятно, — вставил Споряну, — чем был вызван такой ураган в городе.

— Ураган, говорите? — насторожился профессор. — Большая буря в городе?..

— Не волнуйтесь, профессор, — успокоил его Галаджи. — Особых происшествий в городе нет. Снесло несколько крыш, кое-где стёкла выбило.

— Особых происшествий нет, — тихо повторил профессор. — А люди погибли... Наземная детонация..

Профессор искал причины катастрофы в свойствах краткогаза, а Споряну ломал голову, стараясь найти ошибки в расчётах рабочих чертежей двигателя.

Зазвонил телефон. Галаджи взял трубку.

— Да, я... сейчас будем... — Он положил трубку и подошёл к профессору: — Пётр Кузьмич! Уже можно в зону... Посмотрим.

— Очень хорошо. Поехали. Надо самим видеть всё до мелочей.

Когда Споряну подъехал к черте зоны, Пётр Кузьмич уже стоял у сгоревших установок. От них остались лишь металлические основания, деформированные не только воздействием высокой температуры, но и взрывной волной. Ни на одной из машин не было капотов: они или сгорели, или были снесены. Сгорели радиаторы, стёкла фар, электропроводка.

Пётр Кузьмич подошёл, пощупал изуродованный направляющий механизм одной из машин и покачал головой. Потом прошёлся по поляне, покрытой сгорев-

шими и рассыпавшимися камнями, воткнутыми в землю вершинами обгоревших деревьев.

— Здесь был лес? — спросил он начальника охраны зоны.

— Нет, товарищ профессор, на поляне был только кустарник. Он сгорел. А эти деревья появились после взрыва...

— Да-а, — произнёс задумчиво профессор, обводя взглядом поляну... — Но как же устояли на месте установки?

— Они были закреплены тросами, для безопасности. Тросы стальные — выдержали.

— Володя! Непременно исследуй тросы... и металл направляющих механизмов... Это очень важно.

Они обошли поляну, проверили, насколько глубоко проникла в почву высокая температура, на какое расстояние переброшены вековые деревья, поделились впечатлениями. Усаживаясь в машину, профессор сказал:

— Завтра, Антон Савельевич, к десяти жду в лаборатории... — Он кивнул в сторону пепелища и добавил: — Посмотрим, сколько неизвестных у этого уравнения...

ГЛАВА IX

ДОКЛАД ГЕНЕРАЛА ПРОЗОРОВА

Профессор Кремлёв отпивал небольшими глотками горячий чай, прислушиваясь к разговору начальника ЦАВИ и инженера Споряну. Они обменивались мнениями по содержанию доклада, с которым генерал Прозоров должен выступить на заседании бюро обкома.

— Заслуг у нас ещё слишком мало, генерал, — заметил профессор, — хвалиться пока нечем. А вот за ошибку, за гибель людей спросят... Надо выкладывать всё начистоту.

— Ну, что поделаешь, Пётр Кузьмич. Так сказать, дань научному эксперименту...

— Хорош научный эксперимент — отправлять людей на тот свет!..

— Знаю, Пётр Кузьмич. Но Споряну это сделал, стремясь уменьшить, даже исключить вероятность поражения населения, животных падающими осколками.

— Согласен!.. Но к чему привело это? К катастрофам, к человеческим жертвам. Инженер Споряну преследовал гуманные цели. Свёл на нет возможность поражения осколками... Но он никого не поставил об этом в известность. А я усугубил его эксперимент. Повысил реакцию сгорания корпусов воздушных торпед. Тоже преследовал гуманные цели. А в сумме получилось уголовное дело...

— Мне понятно ваше самоосуждение, профессор. Мы не должны допускать подобную несогласованность даже в мелочах... Но заключение группы учёных говорит несколько о другом... Вы не могли предвидеть...

— Не могли, но должны были...

— Ведь комиссия установила, что в лабораторных условиях газ не даёт реакции на детонацию. Она наступает только при достижении определённого критического объёма и притом при известной силе давления и внешней температуре.

Профессор отодвинул стакан, поднялся:

— Может, и не во всём мы виноваты, но оправдываться не к лицу, тем более нам.

— А вы слышали, Пётр Кузьмич, — спросил Споряну, — какой вывод сделал профессор Хрусталёв?

— Слышал, оправдывает нас с вами...

Он замолчал, думая о том, какие неведомые свойства придаёт газу сжижение... Не появляется ли радиоактивный распад?.. «Надо будет ещё и ещё раз проверить составные части газа, установить, смеси каких пропорций вызывают катастрофическую детонацию...» — Он постоял в раздумье, потом продолжил мысль о докладе:

— Меньше, как можно меньше, Алексей Никитич, специальных терминов и оправданий. Никаких скидок на издержки производства... Как-никак, это не диссертация, где почему-то принято применять не только клей и ножницы, но и весьма туманные терми-

ны. Лучше, чтобы всё было просто, понятно и, главное, коротко.

— Понятно, Пётр Кузьмич. А как вы думаете, не следует ли выступить Антону Савельевичу? Мне кажется, небезинтересно посоветоваться на бюро о перспективах его замыслов.

— Идея похвальная, генерал. Но что он может добавить к вашему докладу?.. Разве из области личной фантазии, мечты об отдалённых перспективах.

— Помечтать тоже можно...

— Я не возражаю, генерал... Пусть выступит.

Дмитрий Дмитриевич встретил их в приёмной:

— Здравствуйте. Заходите.

Он взял профессора под руку и повёл его вдоль коридора, с увлечением что-то рассказывая.

Войдя в уютно обставленный мягкой мебелью овальный зал, Пётр Кузьмич и Споряну уселись на одиноко стоявших креслах справа от стола. Дмитрий Дмитриевич занял председательское место, встряхнув по привычке колокольчик.

— Члены комиссии в сборе. Докладчик и авторы изобретения прибыли. Разрешите открыть заседание. Возражений нет?.. Слово для доклада предоставляется начальнику ЦАВИ генерал-майору Прозорову. Прошу, Алексей Никитич.

— Товарищи! Наша страна ныне занята большой созидательной работой, — начал Прозоров. — Всё твёрже, всё увереннее она идёт к коммунизму, творит на благо мира во всём мире.

Когда утихли аплодисменты, Прозоров продолжал:

— Наш народ расправляет свои богатырские плечи: в нём пробудился новый творческий порыв, порыв трудового героизма, героизма мирного созидания. Люди физического и умственного труда — весь советский народ вносит свой вклад в дело ещё более мощного расцвета нашей великой Родины. Переход от лабораторных опытов к созданию экспериментальных станций искусственного дождевания — это практиче-

ский вклад нашей науки в дело реализации величайших идей преобразования природы и управления ею...

Генерал Прозоров говорил почти час. И никто не нарушил тишины. Затем он не менее получаса отвечал на вопросы.

После небольшого перерыва выступил Пётр Кузьмич.

— Народохозяйственное значение искусственного дождевания бесспорно. Наличие сырья для производства нового вида горючего не ограничено. При некоторых затратах его производство можно довести до двух-трёх тонн в день. Все затраты по созданию такого завода окупятся в течение очень короткого времени — меньше чем за год.

— Можно ли рассчитывать на развёртывание искусственного дождевания на больших площадях? — спросил один из членов комиссии.

— Данные первых опытов дают положительный ответ на этот вопрос. Один кубический сантиметр «Краткогаза-200» при взрыве и вторичной детонации даёт до пятисот кубических сантиметров раскалённых паров. Нетрудно представить себе размеры орошаемой площади. А если принять во внимание возможность посылки в стратосферу таких снарядов сериями, скажем, по 100—200 единиц, то результаты становятся ещё более внушительными. У нас возникла мысль использовать для этих целей установки реактивных миномётов типа «Катюш». Пять-десять таких машин могут обслуживать территорию области. Удобство состоит в том, что эта машина через 5—6 часов может достигнуть любого пункта, чтобы подвергнуть «бомбардировке» проходящие облака. Её устройство позволяет, во-первых, придать снарядам нужный угол рассеивания, во-вторых, запускать снаряды с одной точки в любом направлении по всему замкнутому кругу. Потолок возможного полёта снарядов в стратосферу открывает широкие возможности для маневрирования. Но главное в том, что при желании можно вызвать обильное выпадение осадков в любое время, когда это нужно, и там, где они необходимы. Если нужен

дождь завтра, он будет завтра, даже если над головой ясное небо.

Члены комиссии внимательно выслушали речь профессора, проводили его аплодисментами.

— Ну, а теперь, — сказал Дмитрий Дмитриевич, — есть предложение послушать молодого изобретателя.

Споряну вышел к трибуне и, преодолев волнение, начал:

— Из докладов генерала и профессора вам известен целый ряд экономических данных. Я разделяю их на две категории: народнохозяйственные и оборонные. Значение данных первой категории ценно тем, что, вооружив наши земельные органы на местах мобильными станциями искусственного дождевания, мы совершаем новый скачок в поднятии урожайности — превращении бесплодных пустынь в долины плодородия. А может, достигнем и того, что будем прогонять тучи, не допускать их в район, где они не нужны.

Зазвонил телефон вертушки. Вахрушев взял трубку, кивнул генералу Галаджи на дверь комнаты отдыха и сказал:

— Продолжайте, Антон Савельевич.

Споряну стал говорить о путях и возможностях вмешательства науки в управление погодой.

ГЛАВА X

ВСТРЕЧА НА НАБЕРЕЖНОЙ

Вечером в субботу к Агнессе Краус, сидевшей с подругами в беседке парка, подошёл элегантно одетый мужчина. Приподняв шляпу, с улыбкой протянул конферт, учтиво добавив:

— Прошу прощения. Это Агнессе Краус.

Он снова раскланялся и скрылся в аллее. Агнесса удивлённо пожала плечами. «Неужели объяснение в любви?» — подумала она. Одна из подруг спросила:

— Ты его знаешь?

— Кого?

— Ну, этого мужчину.

Агнесса отрицательно покачала головой.

Девушки начали строить догадки о том, что бы это могло значить. А Агнесса, опомнившись от неожиданности, вскрыла конверт и, развернув вчетверо сложенный листок, застыла в недоумении. В записке было всего несколько слов: «Выйди сейчас же на набережную. Друг Пауля». Агнесса поспешно встала и проговорила чужим голосом:

— Мне назначили свидание. Я быстро...

Подруги недоуменно переглянулись. Одна из них высказала предположение:

— Может, у неё какая-нибудь любовная тайна, которую она скрывает от нас. Идёмте, посмотрим.

Девушки поднялись и пошли по соседней аллее, не упуская из виду Агнессу. На набережной она осмотрелась и не спеша направилась в нижнюю часть сквера. У газона с ней поравнялся среднего роста мужчина в очках и светлосером спортивном костюме. Издалека трудно было определить его возраст. Стройная фигура, прекрасная осанка, подвижность — всё говорило о том, что он ещё молод. Но когда, здороваясь с Агнессой, он повернулся в профиль и снял на мгновение шляпу, впечатление резко изменилось. Сильно полысевшая голова, серебрившиеся виски и, точно приклеенная под носом, «бабочка» усов — не оставляли сомнений в том, что незнакомцу давно перевалило за сорок.

Поздоровавшись, он взял девушку за локоть, и они медленно пошли по тенистой аллее парка. Агнесса шла молча, словно нехотя, не поднимая на собеседника глаз. А он доказывал ей что-то, порывисто жестикулируя. В самом конце парка они вошли в беседку, сели. Приникнув к стенке беседки, подруги стали прислушиваться.

— Написать,— говорил незнакомец,— нужно всего несколько слов: «Барон фон Бретт связан с советской разведкой через Николая Русселя. Нахожусь в Самгуни под замком. Руссель выпытывает явки людей разведцентра. Угрожает выдать».

— Но ведь это ложь... Я приехала сюда сама. Русселя не видела ни разу.

— Ты ничего не понимаешь,— сердито перебил незнакомец.— Так нужно для нас... Для тебя самой...

— Я не хочу даже слышать об этом,— Агнесса в упор взглянула на незнакомца.. — Почему Пауль не пришёл? И не смотрите на меня так зло, вы ничего не посмеете сделать — кругом люди.

— Я не убийца. Я только хочу тебя образумить.

— Ничего мне от вас не нужно...

— Напрасно, напрасно упрямисься. Если этот снимок попадёт в руки КГБ, тебе не сдобровать.

Агнесса вырвала из его рук снимок, разорвала его на клочки.

— Не горячись, дорогая, — примирительно заговорил незнакомец.— Негатив-то цел, он у нас...

— Негодяй, — выкрикнула Агнесса, вскакивая.

— Дура, — незнакомец спокойно поднялся. — Подумай лучше.

Агнесса презрительно посмотрела на него и произнесла с ненавистью:

— Жалею только об одном: что не догадалась раньше о ваших замыслах.— Она сжала кулаки и почти крикнула: — Своими бы руками задушила... предатели!..

Заметив приближающихся военных, Агнесса хотела крикнуть, но, увидев блеснувший пистолет, устало опустилась на скамейку и тихо заплакала. Незнакомец присел рядом, достал носовой платок и начал обтирать её лицо. Минуты через две Агнесса склонила голову ему на колени. Ещё через минуту послышался скрипучий голос незнакомца:

— Ну, ты отдохни, успокойся, а я схожу за мороженым.

Переждав, пока незнакомец скрылся за зеленью верхней террасы, девушки проскользнули в беседку. Агнесса лежала неподвижно.

— Агнесса! — тормозили её подруги. Но она не подавала голоса.— Обморок,— решили девушки и побежали за «скорой помощью».

Осмотрев девушку, врач многозначительно сказал:

— Морфий. Большая доза. Нужна клиническая помощь.

Дня через три Агнесса получила по почте письмо. «Хочу с тобой встретиться. Скоро уезжаю. Если сог-

ласна — выходи восьмого утром на дачную пристань. Тот мерзавец всё перепутал. — Пауль».

За эти дни она много передумала и прониклась к Паулю ещё большей ненавистью. Но в то же время она боялась его мстительной, ничего не признающей натуры. Положив голову на руки, она долго думала, как ей быть, и, наконец, приняв решение, пошла к подруге.

— А-а, Агнесса, — приветливо защебетала Алла. — Заходи, заходи. А я собиралась к тебе. Пойдём, покажемся на катере.

— Не могу, Аллочка, работаю во второй смене.

Подруга хитро подмигнула, погрозила кокетливо пальчиком и многозначительно заметила:

— Так уж и из-за работы! Небось, встретила парня по душе?

— Не знаю, — уклончиво ответила Агнесса. — Парень, вроде, неплохой. Посмотрю, познакомлюсь поближе. Надоело одной — скучно.

— То-то же. А я тебе что говорила? Букой будешь — так и умрёшь старой девой.

— Ну, пойдём, проводишь.

Алла всю дорогу без умолку рассказывала о своих поклонниках и, когда Агнесса остановилась, удивлённо спросила:

— Уже пришли? Ах, как время летит! Не заметишь, как и жизнь промчится.

— Всего хорошего, — сказала Агнесса, поднимаясь на парадное. — Заходи завтра под вечер ко мне. Поедем на яхтах кататься.

— С кем? — сгорая от любопытства, поинтересовалась Алла.

— Найдутся.

— Хорошо, приду, — и каблучки Аллы застучали по каменной мостовой.

Когда сдавшая смену девушка ушла, Агнесса подошла к телефону. Вспыхнул зелёный глазок.

— Полковника, — сказала она решительно.

— Говорит Агнесса Краус. Срочно нужны люди... — И тут же положила трубку.

Минут через десять вошёл дежурный техник и сказал вполголоса:

— Вас просят...

Агнесса молча встала. В коридоре её ждал широкоплечий капитан.

— Приглашает хозяин,— сказал он улыбаясь.

Они спустились во внутренний двор, сели в машину и через несколько минут были в кабинете генерала Галаджи.

Выслушав её, генерал снял трубку телефона.

— Вересаев? Зайдите ко мне...

Он посмотрел на собеседницу и твёрдо сказал:

— Ничего не бойтесь. Возвращайтесь на работу. А завтра спокойно идите в условленное место. Пистолет вам не нужен — лишняя улика. Около вас этих игрушек будет вполне достаточно, и притом они будут в более опытных руках...

Вошёл Вересаев.

Генерал кратко рассказал ему о приключениях Агнессы Краус, о её встречах с неизвестным, об истории с морфием, о записках и встал:

— Поручаю это дело вам, полковник.

— Слушаюсь...

— Ну, вот,— сказал генерал, протягивая руку Агнессе,— пока всё.

— До свидания. Скорого...

Агнесса широко улыбнулась, тряхнула головой, поправляя причёску, и уверенной походкой вышла из кабинета. Когда за ней закрылась дверь, генерал подошёл к окну, распахнул створки и сказал вполголоса:

— Конец ниточки, кажется, всплыл на поверхность, но тот ли?

ГЛАВА XI

ДЕВУШКА В БЕЛОМ БЕРЕТЕ

Алла пришла в воскресенье в четыре часа, и комната сразу же наполнилась острым запахом дорогих духов, болтовнёй, девичьим смехом.

— Не терпится, не могу дождаться вечера, сгораю от любопытства,— тараторила Алла, поминутно поглядывая в зеркало, поправляя причёску, блузку, позирывая перед зеркалом.— Ой, знаешь, Агнесса, до чего интересно первое свидание! Я уже выработала свою тактику.

— Любопытно.

— Вначале я была такой глупой, как и ты. Приходила на свидание тютелька в тютельку, а то и раньше. Стеснялась, стыдилась поцелуя... О-хо-хонюшки! И, конечно, сразу попадала под пяту.

— А теперь?

— Ну, теперь я искусная покорительница сердец! Ха-ха-ха!..— Алла подбоченилась, повела многозначительно бровью, игриво блеснула глазками и произнесла нараспев:

— Сначала заигрываю, потом забираю покрепче вожжи в свои руки и командую, как хочу. Допустим, ты — паренёк, которого я взяла на мушку.— Она чуть-чуть вскинула голову и медленно прошла мимо подруги, поигрывая стройной фигурой, не обращая внимания на воображаемого молодого человека и, уже почти поравнявшись с Агнессой, бросила томный, мимолётный взгляд.

— Да-а-а, — рассмеялась подруга.— Перед таким коварством вряд ли кто-нибудь устоит, тем более, если оно сочетается с такой внешностью.

— Ну ещё бы! Уж чего-чего, а ухажоров — хоть отбавляй.

— Ну, хватит, что ли. Садись лучше к столу, сейчас пирог принесу, перекусим немного.

Выпив по стакану какао с вишнёвым пирогом, подруги вышли на улицу. Алла без умолку хохотала, рассказывая подруге разные истории из своих любовных приключений и, вопреки приписываемому себе правилу — не засматриваться на прохожих — проводила пристальным взглядом каждого молодого человека. Агнесса заметила это и сказала, что на улице девушке неприлично так себя вести.

— Ты опять со своей моралью,— сердито огрызну-

лась Алла.— Не учи, пожалуйста. Я сама знаю, как себя вести в обществе.

Следующий квартал они прошли молча. В воротах парка Алла дёрнула подругу за рукав и шепнула:

— За нами наблюдают двое! Наверное, твой с товарищем.

Агнесса опасливо взглянула в ту сторону, пожала плечами и ответила так же шёпотом:

— Не знаю. Совсем не знакомые.— На аллее нижней террасы они остановились у беседки, густо увитой хмелем.

— Посидим здесь, Алла.

— А когда на яхте кататься? — и, догадавшись, добавила оживлённо: — А, свидание назначено здесь. Да? Ну что ж, посидим, подождём.

Они присели на скамейку. В то же время, в одну из беседок неподалёку от них вошли те двое мужчин, которых Алла заметила ещё у ворот парка. Один из них, раздвинув ветки, толкнул локтем товарища:

— Вон та, чёрненькая, в белом берет...

— Вижу, а другая?

— Наверно, подруга... Ты тут понаблюдай, Коля, а я схожу предупредить капитана. Их ведь ждут около водной станции.

Проводив товарища взглядом до набережной, Николай закурил и стал наблюдать за беседкой, в которой сидели Агнесса с Аллой. Минуты через две вдали показались две мужские фигуры. Одна свернула к набережной, другая остановилась около беседки, приветствуя девушек. Вскоре вернулся товарищ Николая.

— Всё в порядке. Глиссер готов. Аня и Валя ждут, — сообщил он.

— Минут десять тому назад, — сказал Николай, — в беседку вошёл неизвестный. На Митчелла не похож.

Пока они разговаривали, из беседки вышла Агнесса. Заметив её уже внизу, на набережной, Николай дёрнул товарища за рукав.

— Смотри: прозевали!

— Тихо, без паники. Наблюдай за беседкой.

Белый берет Агнессы промелькнул за высоким

конусом цветочной клумбы и скрылся в тенистой аллее, идущей к ресторану водной станции.

— Пошли. Этого субъекта нужно взять, до выяснения.

— А Краус?

— Она уже в поле зрения капитана. Вон Валя и Аня идут сюда. Значит, всё в порядке: Агнесса Краус зашла в ресторан.

Они вышли из беседки, закурили и направились навстречу приближающимся девушкам. У беседки, в которой сидели неизвестный и Алла, загородили дорогу Вале и Ане.

— Скучаете, девушки? — осведомился Николай.

— А вам какое дело? — отрезала Валя, смерив его недовольным взглядом.— Идите своей дорогой.

— Идёмте отсюда,— шепнула Алла незнакомцу.— Они такие приставаы. Я уж знаю.

Заметив, что Алла и незнакомец поднялись, Аня потянула Валу за руку к освобождающейся беседке. Николай с товарищем направились за ними, приглашая покататься на глассере. Поравнявшись с вышедшим из беседки незнакомцем, товарищ Николая загородил ему дорогу и бросил отрывисто:

— Ваши документы!

— Я... я ничего... Я первый раз её вижу,— растерянно проговорил незнакомец. Он посмотрел на направленные в его сторону пистолеты и медленно поднял руки. Николай быстрыми движениями обыскал его и, убедившись, что оружия нет, сказал коротко:

— Идите к выходу. Не оглядываться!

Когда незнакомец удалился в сопровождении молодых людей, Алла проговорила растерянно:

— И что им нужно от человека?..

— Вы его знаете? — спросила Валя.

— Откуда? Первый раз вижу. Принёс Агнесе записку. Ну, и разговорился со мной. Агнесса ушла на свидание. А мы сидели, поджидали её. И вдруг эти...

— А где же Агнесса?

В эту минуту в другом конце парка раздался выстрел, второй, третий. Послышался повелительный окрик: «Стой!..»

Подошла Агнесса, бледная, молчаливая. Алла бросилась к ней:

— Что случилось? Почему ты так побледнела?

— Ничего. В меня стрелял... Тяжело ранил капитана... Сбежал, негодяй...

Алла словно онемела от неожиданности. Она с усилием проглотила слюну, не сводя мигающих глаз с подруги. Потом произнесла приглушенным голосом:

— Боже мой, всё перепуталось в моей голове — ничегошеньки не понимаю.

Агнесса взяла её под руку.

— Пойдём, Алла. Освежимся.

Они спустились по ступенькам набережной и скрылись за бетонной стеной.

На другой день Агнесса Краус не вышла на работу. Пережитое накануне нервное потрясение дало себя знать. Утром поднялась температура. Решила пойти к врачу. Возвратившись из поликлиники, легла в постель, приняла порошки и вскоре уснула.

К вечеру пришла её навестить Алла. Постучав в дверь, Алла не вошла, а ворвалась в комнату, наполнив её своим звонким голосом.

— Едва скоротала день, считала минуты. Кончила работу и сразу к тебе. Ты заболела, Агнесса?..

Услышав позади себя за шкафом движение, Алла обернулась. В притворе мелькнула пола серого плаща. Кто-то снаружи повернул ключ в двери. Алла пожала плечами. Осторожно шагнула вглубь комнаты, заглянула за ширму и дико закричала:

— А-а-а!

На кровати с запрокинутой головой, в луже ещё не остывшей крови лежала Агнесса. На простыне, одеяле — всюду следы крови. Алла не помнила, как она бросилась к двери, как кричала душераздирающим голосом. На крик сбежались соседи, открыли дверь. Но убийцы уже и след простыл...

ПОВЕЛИТЕЛЬ ТУЧ

— С новостями? — сухо спросил Галаджи вошедшего полковника Вересаева.

— И весьма любопытными...

— Днём в пионерском саду дети заметили щегла, запутавшегося в ветвях акации. К ноге была привязана записка. Вот она.

Генерал внимательно прочёл содержание: «Нахожусь нижнем этаже. Из окна сквозь световую рекламу вижу половину креста собора. Зинаида Кремлёва».

— Где, по-вашему?

— Рядом со зданием института «Главцитруса».

— Какие меры приняты?

— Установлено наблюдение. Готовимся к операции.

— Хорошо. Продумайте детали операции.

— Есть продумать детали.

— Майор Споряну,— доложил адъютант.

— Просите. А вы, Вересаев, торопитесь, но учитывайте всю щепетильность проведения операции. Надо проделать тонко, деликатно... Заходите, заходите, Антон Савельевич. Мы уже закончили. Ну, здравствуйте. Как дела?

— Вам, товарищ генерал, должно быть понятно мое состояние.

— Знаю. Рассказывайте, что вам известно?

Генерал Галаджи внимательно выслушал Споряну и успокаивающе сказал:

— Нет, вы думаете не то. Их интересует не красивая женщина, а дочь учёного, вернее, сам секрет изобретения. Тут даже к Зосиму Лукичу уже подкатывались, но этот слабонервный прибежал, а сказать толком ничего не может. Не помнит ни лица человека, ни его внешних признаков. Забыл даже, во что тот был одет... В общем не тужите, Антон Савельевич.

— Не тужить... Разве вам, Сильвестр Антонович, не понятно мое состояние?..

— Понятно, Антон Савельевич, но возьмите себя в руки.

И Галаджи посвятил Споряну в последние новости, имевшие непосредственное отношение к Зинаиде Кремлёвой.

— Очень топорно задуманное дело. Организовали поездку Таберидзе с женщиной, как две капли воды, похожей на Зинаиду Петровну. Рассчитывали провести нас — увлечь по ложному следу, но Ярусов разоблачил их приём и пролил кое-какой свет на дела «цитрусовода» Таберидзе.

Генерал был в хорошем расположении духа, явно старался развлечь Споряну, ободрить его.

— Завтра-послезавтра получишь приятное известие. О Зинаиде Петровне не печалься — найдём. Таберидзе будет арестован, когда того потребует обстановка.

— А почему не сейчас?

— Важно, чтобы он обнаружил остальные хвосты.

Генерал закрыл поплотнее дверь, ведущую из комнаты отдыха в служебный кабинет, и тихо спросил:

— Ты не помнишь любимые песенки жены?

— Конечно, помню. Она больше всего любит: «Я вернусь к тебе, черёмуха, весной...»

— «Когда снова ты распустишь свой наряд», — пропел генерал.

— Верно...

— Отлично,— пророкотал генерал, потирая руки.— Отлично!

Споряну вышел от Галаджи несколько успокоенный. Решил заехать к Петру Кузьмичу, успокоить и его. Но профессор и без того был в приподнятом настроении:

— Всё проясняется... Вы поистине два сапога — пара. Она, видите ли, вместо того, чтобы взять такси, решила прокатиться в машине главного цитрусовода. Да и ты не лучше. Доверился телефонному звонку...

Заметив недовольный взгляд Споряну, профессор взял его под руку.— Сердиться, Антон, не нужно. Думаешь, я не переволновался... Были бы поменьше, берёзовой кашей бы вас обоих... Ну, ладно. Потом разберёмся. А сейчас идём в лабораторию. Я кое-что нашупал, преинтересное.

Закрыв за собой дверь, профессор включил вакуумные установки и начал объяснять:

— Профессор Хрусталёв сделал правильную поправку. Первый тёплый пояс земной атмосферы начинается в пределах 40 километров... Это озоновый слой, рождаемый и питаемый солнечной энергией.

Профессор умолк, думая о том, до чего же легко дышится, когда воздух насыщен озоном. А Споряну, наблюдая за экраном главного вакуума, думал: «Почему озон, рождаемый электрическими разрядами грозы, в наземных слоях атмосферы так быстро улетучивается?.. Нельзя ли найти пути для постоянного пополнения воздуха озоном, хотя бы над ограниченными районами, скажем, над Донбассом, промышленным Уралом, над Москвой?..

— Да, Антон Савельевич, — продолжал Кремлёв, — озон — это броня для всего живого на нашей планете, защита от губительного воздействия ультрафиолетовых лучей. Наукой уже доказано: уничтожь озоновый слой — в течение нескольких минут Земля превратится в выжженную пустыню. — Он немного помолчал, обдумывая что-то, затем, повернувшись к Споряну, мечтательно сказал:

— Вот если бы забраться на Луну, создать вокруг неё озоновую оболочку... Ведь это жизнь, это — база для возникновения живых существ.

Споряну слушал профессора, а думал о своём. Думал о том, что может произойти, если в секреты разрушения озоновой оболочки проникнут не учёные-гуманисты, а воинствующие человеконенавистники?.. Ведь достаточно разорвать, разрушить эту оболочку над каким-нибудь районом всего на несколько минут — и всё живое будет предано праху... Это куда страшнее атомных бомб... Солнце — источник жизни, но оно же и источник смерти.

— Как вы думаете, — прервал размышление Споряну профессор, — можно получить искусственным путём озон?.. Ведь озона в атмосфере жалкие крохи. Если собрать с земной атмосферы его весь и разместить в один слой по поверхности земли, его толщина не превысит трёх миллиметров... Солнечные лучи дробят мо-

лекулы кислорода на атомы, которые затем снова соединяются, но уже не парно, а по три. Так рождается озон. Часть его распадается, образуя молекулы кислорода. А Солнце вновь производит из кислорода озон. Так сохраняется неизменный озоновый слой — бронированная оболочка Земли.

— Значит, его можно создавать искусственно,— заметил Споряну.

— Выходит, можно, но осторожно,— ответил профессор.— Мы ещё не знаем, какое воздействие окажет на живые существа больший или меньший, по сравнению с существующим, озоновый панцырь.

— Теперь мы уже кое-что знаем о причинах детонации и опасной энергии при наземных взрывах самолётов-снарядов,— продолжал он.— Посмотрите на пятый квадрат микроэкрана.

Споряну придвинулся к приборам, навёл линзу микроэкрана на нужный квадрат.

— Настроились?

— Да.

Профессор включил ток. Доведя напряжение до нужной силы, открыл автоматический регулятор газа.

Споряну обернулся:

— Камень превратился в песок...

— В этом-то и сила, погубившая людей при испытаниях. Прямо ядерная реакция в миниатюре. Всё дело, Антон Савельевич, в том, что естественный газ содержит мельчайшие частицы кристаллической пыли. И чем выше её процент, тем активнее газ, тем опаснее при взрывах. Но что представляют собой частицы этой кристаллической пыли, каков их химический состав, что они вносят в ускорение реакции взрыва — надо ещё найти... Ну, теперь уже найдём.

Профессор выключил приборы и поднялся со стула.

— Но самое важное, пожалуй, в том,— сказал он после паузы, — что эта кристаллическая пыль при воспламенении и соединении с кислородом воздуха вызывает повторную детонацию значительно большей силы и радиуса, чем искусственный краткогаз.

— Это очень хорошо, Пётр Кузьмич. Очень хоро-

шо. Это стимул для полётов на новые высоты. И, кроме того, гроза против гроз, повелитель и укротитель туч... А каким газом наполнены баллоны двигателей на «Гремучем поезде»?.. Как бы не искусственным...

Профессор непонимающе посмотрел на Споряну.

— Поезд — наземный вид транспорта. И, естественно, такая новинка привлечёт к железнодорожному полотну толпы любопытных. А если газ с кристаллической пылью...

— Да, да, Антон Савельевич. Я отвлёкся и вначале не понял вашего вопроса... Я всё поручу перепроверить. Могли по ошибке наполнить баллоны не из того резервуара или дать в смеси. А это абсолютно недопустимо... Поезд отправляют послезавтра?..

— В понедельник.

Профессор снял трубку, попросил соединить с генералом Прозоровым.

— Алексей Никитич?.. Говорит Кремлёв. Прикажете проверить самым тщательным образом, каким газом заправлены баллоны для опытного локомотива... Только естественным из белого резервуара... Из синего — ни в коем случае, под строжайшую ответственность... Да, да. Лабораторные исследования показали совершенно иную картину... Если сомневаются, лучше заполнить новые баллоны и заменить... Даже лучше — заменить без всяких разговоров.

Он положил трубку, резко поднялся, заходил по комнате.

— Хорошо, что я поговорил с вами, Антон Савельевич. А то не миновать бы происшествий. Да, вы знакомились с работой двигателей локомотива?

— Да, Пётр Кузьмич, ознакомился. Внушительная картина. Правильно сделали, решив пропускать поезд в условиях военного карантина.

— Ну, а как двигатели?.. Не шалят?

— Работают ритмично. Но испытания покажут. Измерительная аппаратура регистрирует все отклонения... Люди едут опытные.

Проводив Споряну до двери, профессор вернулся к своим приборам.

ОСИНОЕ ГНЕЗДО

Набежавшее облако бросило тень на фасад тёмно-серого здания. Это придавало таинственность всему, что скрывалось за дверью старинного особняка, некогда принадлежавшего иностранной фирме.

Неизвестный мужчина, в бежевого цвета макинтоше и такой же шляпе, не глядя на особняк и больше интересуясь противоположной стороной улицы, неторопливо шествовал вдоль ограды. Дойдя до угла, он так же не спеша повернул в переулок. На какое-то мгновение показалось, что незнакомец украдкой посмотрел в ту сторону, откуда шёл. Однако это могло и показаться...

Когда он поравнялся с углом здания, бесшумно отворилась боковая дверь и, пропустив внутрь бежевый макинтош, так же тихо закрылась. Всё это произошло так неожиданно и быстро, что казалось, незнакомец, так невозмутимо вышагивавший по тротуару, исчез, сквозь землю провалился. Но это тоже только казалось...

Поднявшись по покрытым толстой дорожкой ступенькам лестницы, незнакомец привычным движением открыл дверь и оказался в небольшой квадратной комнате с широким окном, выходившим во двор. Справа от двери, в углу, стояла круглая вешалка. Посреди комнаты — овальный стол, на котором лежала открытая коробка сигарет, пепельница и электрический прибор-зажигалка. Около стола массивные кресла под белоснежными полотняными чехлами.

Сняв макинтош и шляпу, незнакомец небрежно бросил их на вешалку. Потом опустился в кресло, придвинул один из телефонов и, не снимая трубки, набрал 03. Вспыхнули зелёные глаза настольной лампы-совы. Послышалось гудение электромотора. Массивный сейф, расположенный в углублении внутренней стены, медленно повернулся на 180 градусов. Его задняя стенка открылась, и из сейфа вышел стройный молодой человек в сером спортивном костюме.

— Садитесь, Пауль... Рассказывайте, как вам удалось уйти из ловушки в ресторане. Не оставили никаких следов у трупa Агнессы?

Пауль неторопливо опустилcя в одно из стоящих перед столом кресел, начал припоми нать , как ему удалось ускользнуть из рук чекистов. Незнакомец не спеша раскурил сигарету, затянулся, пропустив между плотно сжатых губ тоненькую струйку дыма.

— У вас нет никаких вопросов ко мне, Пауль? — спросил он после небольшой паузы.

— Я хотел спросить, господин Кинг, как быть с той северной красавицей. Молчит и всё. Причём очень похоже, что она ничего не знает о работах отца.

— А я полагаю другое, Пауль...

— Если не секрет...

— Нет, какой же может быть секрет или новость в том, что офицер разведки, имея такие же человеческие пороки, как и все люди, вдруг влюбился.

Пауль непонимающе посмотрел на шефа.

— Простите, господин Кинг, я не понимаю намёка.

— Не понимаете, как влюбились в северную красавицу? — с расстановкой проговорил Кинг. — Что же тут непонятного? Женщина больше чем обаятельной внешности, стройна, как дикая лань, умна, как сто чертей, а глаза... ох, эти глаза, как море, голубые и расплавили ваше восковое сердце.

Пауль стоял в растерянности. На его щеках исчез румянец, проступила мертвенная бледность. Он с трудом понимал, что говорил ему Кинг, думая больше о том, что его ожидает. Он знал, что судьба многих, чересчур осведомлённых и ставших неудобными разведчиков кончалась без крика и выстрела где-то там, в глубине стального цилиндра, заменяющего потайной ход. Через него можно войти и выйти. Но с таким же успехом можно оказаться где-то под землёй. Пауль со всей ясностью представлял себе, как поворачивается сейф лифта, служивший потайной дверью подземного хода, как начинается плавный спуск пробкового круга по цилиндру трубы, и достаточно Кингу повернуть ноль на диске телефона до отказа, как этот пробковый круг уйдёт из-под ног, и Пауль с быстротой

камня понесётся в глубину колодца. По телу Пауля пробежала нервная дрожь.

— Что же вы молчите, Пауль?

— Я, господин Кинг, далёк от любовных идиллий, когда исполняю долг службы. Вы это хорошо знаете...

— Отлично знаю, потому и откровенен с вами, больше обусловленных рамок. Успокойтесь, Пауль. Садитесь и рассказывайте подробно, как эта Зинаида, если не ошибаюсь...

— Зинаида Петровна...

— Как Зинаида Петровна ведёт себя, как её самочувствие, настроение?

Пауль присел на край дивана и, попросив разрешения, закурил. Собравшись с мыслями, он начал рассказывать о допросах похищённой разведчиками дочери профессора Кремлёва — Зинаиды Петровны.

— А телеграмма о Споряну её не взволновала?

— Читая телеграмму, она изменилась в лице, потом посмотрела на меня так, что у меня мурашки по спине побежали, скомкала телеграмму и бросила прямо в лицо, проговорив только: «Негодяи!» Долго сидела молча, потом тревожно так, тихо говорит: «Где же сейчас Тоня? Может, его тоже похитили?»

— А вы что ответили?

— Я сказал, что нас интересует не инженер Споряну, а профессор Кремлёв, и пояснил, что Споряну сейчас развлекается с прелестной гречанкой.

— Как она на это реагировала?

— Ещё раз назвала негодяем.

— А всё-таки поездка двойника Кремлёвой с Таберидзе уведёт в сторону зоркое око Галаджи... Адмиралу понравился такой ход.

Кинг остановил на Пауле немигающий взгляд. После минутного молчания сказал с нотками похвалы в голосе:

— За оригинальную находку, эту самую Наталью Ивановну, вас, Пауль, ждёт поощрение. Адмирал Ландэ просил поздравить вас с успешным началом. Он в восторге от такой выдумки.— Кинг прошёлся по кабинету, остановился около окна и, не оборачиваясь,

спросил: — Ваша Наташа не родственница Кремлёвых? Кстати, где вы её нашли?

— Никаких намёков даже на дальнейшее родство. Я встретил её на палубе парохода, ещё во время разработки плана похищения дочери профессора. И, признаюсь, сам принял это прелестное создание за Зинаиду Кремлёву.

— Будет ли она, Пауль, работать на нас? Не Галаджи ли подставил нам этот дубликат дочери профессора?

— Не думаю. Она слишком, на мой взгляд, ветрена для того, чтобы её услуги принял Галаджи.

— Посмотрим, как она поведёт себя дальше. Таберидзе умеет наблюдать.

— Да, он на своём месте...

— Кто же она всё-таки?

— Блестящая истеричка, я бы сказал. Отец крупный специалист по пушнине. Баловал с детства. Она бросила школу, не окончив восьмого класса. Поступила в балетную школу. Металась всю жизнь, себя искала. Да так и не нашла...

Кинг возвратился к разговору о Зинаиде Петровне.

— А как ест наша прелестная пленница?

— Вполне обычно для женщины. Даже требует по своему вкусу то или иное блюдо.

— Как она реагирует на своё похищение?

— Совершенно спокойна. «Напрасная трата времени,— говорит.— Ну, зачем я вам нужна, если я абсолютно ничего не знаю о делах отца?»

— Да, но у нас есть сведения, что она помогала отцу в домашней лаборатории, была, по существу, его ассистенткой. И наивно для химички делать вид, что она не знает, над чем работает отец. Плохо допрашиваете, Пауль, неумело... Она жила вместе с отцом?

— Нет, работала заведующей лабораторией опытной станции, в 40 километрах от города. А жила в квартире отца в Самгуни. Но он дома почти не бывает.

— А среди сотрудников учёного нет ещё нашего человека?

— Нет. Все попытки кончались провалом. Был в коллективе у него один подающий надежды человек,

некий Зосим Лукич Щербня, но и его убрали оттуда. Видимо, сочли ненадёжным.

— Так, так. А где теперь этот Зосим Лукич?

— Заведует базой коопторга в Самгуни.

— Вы встречались с ним?

— Да. Три раза, и всё безрезультатно. Однажды я заговорил осторожно о его работе в лаборатории «ЦНИИСТ»-а, но он вытаращил глаза, схватил свою кепку и буквально убежал.

— Занимались его биографией?..

— Да, самым подробным образом.

— Деньги любит?

— Нравнодушен. Однако у него в коопторге в этом не встречается особых затруднений.

— Надо подставить ему соблазнительную женщину и запутать в подлогах и растратах, а затем «выручить»...

— Попробуем и это.

— И покопайтесь ещё в его прошлом. Помню, вы говорили, что он старый большевик.

— Понятно.

— Кстати, Таберидзе вчера вернулся из поездки... Да, так вы верите в то, что она не знает о работах своего отца?

— Пока нет оснований ей верить, но и нет аргументов, говорящих о том, что она что-либо знает.

— Как обращение с ней, обслуживание?

— Строгое, но внимательное. Сказала, что обожает комнатных птиц. Майор приказал купить клетку щеглов.

— Что? Птиц! Да вы с ума сошли! Провал... Эх, болваны...

Кинг поднялся, подошёл к столу и повернул выключатель настольной лампы. Послышалось приглушенное гудение, и за портьерой входной двери плавно опустились стальные гофрированные жалюзи.

— Ну, пойдём, Пауль, побеседуем по душам с этой красавицей.

Кинг первым вошёл в открытую дверь сейфа. За ним почти вплотную втиснулся Пауль. Щёлкнул выключатель, и они стали бесшумно спускаться к подземному ходу.

ГЛАВА XIV

ЗНАКОМЫЙ ГОЛОС

Споряну сидел у стола, положив голову на руки. Лукерья Ивановна, посмотрев на сына, сокрушённо покачала головой. Заметив прошедшего под окнами почтальона, она позвала дочь:

— Ира, там газеты принесли.

Ира быстро выбежала и через минуту вернулась с газетами. Присев на диван, бегло просмотрела их и вдруг порывисто вскочила.

— Мамочка, Ленуца, Тоня, — слушайте! За успешное выполнение особого правительственного задания награждать инженера Споряну Антона Сав...

Споряну выхватил газету из рук сестры и, пробежав взглядом по тексту Указа, добавил к сказанному сестрой:

— Орденом Трудового Красного знамени...

Старшая сестра и мать вместе прочитали Указ ещё раз и стали радостно поздравлять Антона. Больше всех тараторила Ира:

— Ну что же ты стоишь, как вкопанный? Радоваться надо, а он стоит...

— Ира, перестань, — прикрикнула Лукерья Ивановна.

— Пусть шумит, мама. Ведь она — вестник радости. Потом мы с ней отправимся в город. Придётся за такую новость сделать ей подарок.

— Не потом, а сейчас. Одевайся, идём, пока не передумал...

— А что бы ты хотела, Ира?

— Майор должен угадывать желания девушек...

— Ну и бессовестная же ты, Ирка, — рассердилась мать. — И откуда в тебе это?

— Понятия не имею...

— Идём, идём, ёрш. Одевайся скорее,— сказал Антон Савельевич, накидывая на плечи лёгкий плащ...— Мама, Ленуца, вы приготовьте что-нибудь к ужину. Вдруг кто-нибудь придёт...

— Я уже готова,— крикнула Ира из коридора.

— Я тоже. Ну, пошли.

Почти три квартала брат и сестра шли молча. Ира заметила, что за ними следом идёт незнакомый ей человек. Когда они поравнялись с универмагом, брат спросил:

— Сюда?

Ира молча кивнула головой. Они переходили с этажа на этаж, из отдела в отдел. Но трудно было понять, что же она хочет в подарок. Ире нравились и небольшие сумочки с никелированными замками, и перчатки, и вышитые блузки. Дважды Антон спросил её об этом и оба раза в ответ услышал:

— Сам догадайся...— Переходя к другому прилавку, она оглянулась и шепнула: — Тоня, какой-то мужчина всё время идёт за нами.

— Ничего, ничего, Ирочка, так нужно.— Угадав, наконец, мысли сестры, Антон сказал:

— Ира, посиди на диване. Я иду покупать. А что, узнаешь дома.

Ира охотно согласилась. Через несколько минут Антон подошёл к ней с большой коробкой, перевязанной яркой лентой.

— Интересно, что же ты выбрал,— Ира старалась по весу коробки определить, что в ней.

— Ну, это не дело. Откроешь дома, тогда и скажешь — угадал я твоё желание или нет.

Весело разговаривая, они вышли из магазина и медленно направились к дому. У переулка, над которым висела огромная афиша «Сегодня опера «Демон», Антон остановился. «Где же Зина, что с ней?» — подумал он с болью. Пройдя несколько шагов молча, он глубоко вздохнул и рассеянно сказал:

— Может, сходим в театр?

— Ой, конечно, Тоня, — обрадовалась Ира.

— Маму возьмём с собой, Лену.

— Ну нет. Не театр будет, а панихида. Начнут

морали читать. Туда не ходи, здесь не стой, не оглядывайся и т. д. и т. п. Пойдём лучше вдвоём.

В эту минуту мимо них промчалась легковая машина с зашторенными боковыми стёклами. Споряну показалось, что в машине крикнула Зина. Он торопливо передал сестре коробку и стал нетерпеливо что-то искать в карманах.

— Тоня, что с тобой? — спросила испуганно сестра. — Ты бледный-бледный.

— Иди домой и никому ни слова. Я скоро вернусь, — и, подняв руку, он выскочил на мостовую, наперерез шедшей легковой машине. Машина с визгом затормозила. Из открывшейся дверцы высунулась голова в шляпе и, с досадой выругавшись, сказала:

— Жизнь вам надоела, что ли? Я спешу на совещание!

Не обращая внимания на ворчание пассажира, сопровождавший Споряну человек раскрыл перед глазами шофёра красную книжечку. Антон распахнул дверцы машины и, тронув шофёра за плечо, сказал тоном, не допускающим возражений:

— В центр! Прошу прощения, гражданин. Вы уж не обижайтесь. Долг службы обязывает. Подбросьте меня до угла проспекта и вы свободны.

...Споряну не вошёл, а ворвался в кабинет генерала. Галаджи и два майора, сидевшие у стола, резко обернулись, прервав разговор.

— Разрешите доложить, товарищ генерал! — не своим голосом выкрикнул Споряну.

Галаджи кивнул головой на дверь. Когда майоры вышли, Споряну кратко изложил существо дела и высказал предположение, что узницу куда-то увезли.

Генерал спокойно снял трубку внутреннего телефона:

— Седьмой!.. Вересаев? Ко мне! — и, повернувшись, добавил вошедшему адъютанту: — Оперативные машины к подъезду.

Генерал стал необычайно подвижен. Распахнув дверь большого сейфа, он достал объёмистую папку с планами, фотоснимками отдельных домов города и,

раскрыв на нужной странице, ткнул в фотоснимок пальцем.

— Этот?

— Так точно. Только отсюда крест собора...

— По вашему приказанию прибыл, — отрапортовал вошедший Вересаев.

— Садитесь. Нашли ещё один след дочери старика. Споряну, объясните.

Через две минуты Березин и Мухин, ознакомившись со зданием, изложили свой план. Генерал решительно запротестовал.

— Не годится! Операцию в здании отставить... По-временам. А вы, Вересаев, немедленно на аэродром. Разберитесь в обстановке и примите меры... Осматривать все самолёты и, может, сопровождать их до границы.

Когда все вышли, генерал спросил Споряну:

— Старiku докладывал о подготовке зоны к испытаниям?

— Нет, я ещё нигде не был. Звонил — нет дома.

— Я понимаю, майор, ваше состояние, но надо взять себя в руки. Чувствую, верю, что всё кончится хорошо. Найдём.

— Я тоже верю в это.

— Вот и отлично. Поедем, успокоим старика. Он у себя на даче. Попутно поговорим о новостях, которые прислал Ярусов. Да, плёнка со снимками зоны уже проявлена. Снимки изумительно отчётливы. Вот в этой папке, заберите.

Генерал поднял трубку оперативного телефона.

— Я буду у старика... Вот, вот, держите меня в курсе дел.

Он положил трубку и взял Споряну под руку.

— Ну, идём, прогуляемся по свежему воздуху.

— Домой нужно позвонить. А то я сестрёнку так поспешно покинул; беспокоиться будут.

— Не звони. Заедем лучше. Ведь нам по пути.

— Да, так будет лучше.

Споряну вернулся от Петра Кузьмича поздно и долго не мог уснуть. Он был удручён тем, что операция в квартале и доме, на который указывалось в записке, отложена. Весь вечер и добрую половину ночи Антон Савельевич думал только об одном: «Где Зина?» В сознании громоздились самые невероятные предположения.

Так он ворочался с боку на бок, пока не забрежил рассвет. Когда косые лучи восходящего солнца заглянули в окна, Лукерья Ивановна неслышно вошла в комнату сына и потихоньку опустила плотные шторы. В коридоре её встретила Ира:

— Тоня встал?

— Нет, спит. Плохие сны, видно, снятся. Весь лоб потный.

Ира потихоньку прикрыла дверь, боясь разбудить брата. Семья, по случаю воскресенья, была вся в сборе. В девять часов утра Юрий Капустин и Елена Савельевна ушли на рынок, а Ира убирала в комнате. Зазвонил телефон. Ира взяла трубку.

— Он ещё спит, — ответила она кому-то. — Хорошо, как проснётся — скажу.

— Я не сплю, — раздалось над самым ухом у Иры. От неожиданности она отшатнулась, передала трубку брату.

— Какие новости? Бегу, сейчас же бегу...

Он положил трубку и крикнул нетерпеливо:

— Ира! стакан молока и пару пирожков. Я сейчас еду.

— Куда, Тоня? Опять на весь день?

— Не знаю, генерал с новостями ждёт.

ГЛАВА XV НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Генерал Галаджи был весел. Не говоря ни слова, он достал из папки заполненный печатным текстом лист бумаги и протянул Споряну.

— Садись и читай.

Споряну медленно опустился в кресло, пробежал по бумаге взглядом.

— Нет, нет! Ты вслух читай, — потребовал Галладжи.

Споряну поднял улыбающееся лицо, посмотрел сияющими глазами на генерала и начал вслух: «Во время полёта крышка одного из больших чемоданов «дипломатического багажа» начала шевелиться. Потребовалась вынужденная посадка на одном из пограничных аэродромов. В подозрительном чемодане оказалась женщина, назвавшая себя Зинаидой Петровной Кремлёвой.»

Споряну замолчал, перебегая взглядом на конец сообщения.

— Читай подряд. Радоваться потом будешь, — вновь заметил генерал.

«Багаж задержан, — продолжал читать Споряну. — Сопровождающий и женщина — интернированы. Женщина утверждает, что её погрузили в чемодан силой. Для сведения сообщая краткое содержание предварительного допроса:

— Вечером в субботу встретила в театре цитрусовода Таберидзе. В антракте он представил меня двум иностранцам...»

Генерал заметил, как Споряну изменился в лице. Исчезла улыбка, потух радостный блеск глаз. Чуть дрогнули густые брови, а удивлённо раскрытые глаза впились в текст задрожавшей в руках бумаги.

— Ну, а остальное неинтересно, — безразличным тоном сказал генерал и потянул к себе бумагу. Чувствуя, что Споряну не особенно охотно отпускает из рук документ, генерал понял, что некоторые детали документа пробудили в его сердце острое чувство ревности. Споряну в свою очередь угадал мысли генерала и усилием воли поборол себя. Когда их взгляды встретились, генерал подумал: «Молод ещё...» Однако Споряну уже светился прежней радостной улыбкой.

— А где она? Вы дали приказание доставить её сюда? — нетерпеливо спрашивал он.

— Всё сделано, Антон Савельевич. Самолёт уже

на подходе. Пройдите в комнату отдыха, отдохните, успокойтесь, а я тут распоряжусь насчёт кое-каких неотложных дел, и поедem в аэропорт.

Споряну медлил уходить. В его сознании вновь мелькнула колющая сердце мысль: «в театре, с Таберидзе, уехала с ним...» На его правой щеке дрогнул мускул от сильно стиснутых зубов.

— Идите, идите, — торопил его генерал. — Время не ждёт. А то опоздаем к самолёту. Потом во всём разберёмся.

Споряну мог подумать в эти минуты всё, что угодно, но только не то, что ему приготовил Галаджи. Генерал, волнуясь, следил, как Споряну неохотно обходит вокруг стола, равнодушно направляется в комнату отдыха, медленно открывает знакомую дверь и... В тот же миг скрестились крики:

— Тоня, милый!

— Зинушка, дорогая!..

Генерал, широко улыбаясь, отошёл к окну, удовлетворённо покачал головой: «Да-а-а! Приятно всё-таки приносить радость людям...» Посмотрев на часы, он подошёл к радиоприёмнику, включил его. Комнату наполнила мелодия «Вальса цветов»...

Галаджи поспешно набросил плащ, вышел в приёмную и приказал адъютанту:

— Моя машина в распоряжении инженера Споряну. Подайте к подъезду дежурную. Буду в обкоме у товарища Вахрушева...

— Есть к подъезду дежурную...

* *

*

На другой день Зина вернулась с работы весёлая, жизнерадостная. И сразу же бросилась к Лукерье Ивановне:

— Тоня ещё не пришёл?

Ласково глядя на неё, Лукерья Ивановна сказала полушёпотом:

— Пришёл, пришёл. Ждёт — не дожждётся тебя.

Зина лёгким движением смахнула шляпу, положила её вместе с портфелем на столик и пошла к мужу. Антон сидел за столом с логарифмической линейкой. Услышав шаги, он отложил линейку, встал.

— А я думала, что тебя ещё нет дома, — сказала Зина, ласково улыбаясь.

— Что ты, Зинушка. Я приехал давно... Жду тебя, скучаю, будто не видел год. Ну, а как у тебя дела? Закончили анализы газа?

— Ещё нет. Папа хочет сам всё перепроверить. Просил меня приехать к нему в лабораторию на два-три дня...

— Ох, и жду же я этих анализов! Ты понимаешь, если только оправдаются теоретические выкладки Петра Кузьмича, мы заберёмся на такие высоты, что голова закружится...

— Уж не на Луну ли? — Зина не прятала лукавой улыбки.

— А хотя бы и на Луну...

— Ну и фантазёры же вы с папой, один другого лучше. И Володю совратили с пути истинного. Был инженер как инженер. Отлично знал своё дело. А теперь туда же, в изобретатели-открыватели потянулся.

— Очень хорошо... «Кто хочет, тот добьётся, кто ищет, тот всегда найдёт». А¹ насчёт того, кто совратил, повременим делать выводы...

Они сели рядом на кушетку и начали пикогда не надоедающий влюблённым разговор. Они могли часами смотреть друг на друга и говорить, говорить... Вот и сейчас, вспоминая прежние встречи, ставшие теперь памятными, они то громко смеялись, то понижали голос до шёпота.

— Я ждала тебя, ждала... Позвонила отцу. Он сказал что-то невнятное. Это ещё больше расстроило меня. Начала беспокоиться, думать, кто его знает что. А тут наши девчата стали расхваливать постановку... Настроение скверное было. Я не находила себе места. В театре встретила этого негодяя Таберидзе...

— Ты не с ним поехала в театр?

— Ну нет. Днём он приехал в лабораторию. Разговорились. Я проболталась, что собираюсь в театр.

Пришла и встретила там его. Увязался провожать. С ним поехал его «друг» и я... оказалась в ловушке.

— Зина!

Он привлёк её к себе.

Выслушав историю о том, как от имени Зины послали на его имя телеграмму в «Лесную каравеллу», Антон Савельевич заметил:

— В «Лесную каравеллу», Зиночка, совсем другой человек поехал. Я и не собирался предпринимать такое путешествие.

— Ты знаешь, Тоня, эти негодяи мне сказали, что ты развлекаешься с какой-то гречанкой в городе Красного Камня. Ну, я и решила послать телеграмму. Как нехорошо. Чужой человек будет читать её.

— Ничего, Зиночка, Ярусов — хороший парень.

— Ярусов? Что-то знакомая фамилия. Да, да, мы с ним знакомы. Как-то я была с Володиёв в театре. Майор сидел с нами в одной ложе. Там мы с ним и познакомились.

— Так, так, интересно.

— Я встречалась с ним несколько раз и стала подозревать, что он ко мне равнодушен. А тут эта телеграмма: «Попрежнему люблю и жду...» Боже мой, что он думает!

— Ха, ха, ха! — расхохотался Споряну. — Ну и пусть думает. Встречусь — объясню.

— Что же ты ему скажешь?

— Как что? Пусть не обольщается телеграммами, адресованными другим. А ты, Зинушка, не волнуйся. Теперь мы вместе — это главное.

ГЛАВА XVI

ГОСПОДИН КИНГ В УДАРЕ

Капитан Галкин стоял перед Кингом навтыжку, чувствуя, как бьёт его дрожь. Приближённый Кинга шпион Пауль Митчелл полулежал в кресле с дымящейся сигарой в руках. Сам Кинг нервно ходил по кабинету. «Ещё один такой провал, — думал он, —

и сместят с должности, выгонят». Он остановился против дрожащего капитана Галкина и заговорил зло, отрывисто:

— Очередной провал. Дочь профессора... потеряли вместе с чемоданом...

Кинг ещё раз посмотрел на капитана, барабанив длинными пальцами по сукну стола. Пауль, наблюдавший за Кингом, догадался, что судьба ещё одного, ставшего непригодным и опасным шпиона решена. Капитан Галкин, не посвящённый в тайны Кинга, ожидал любой кары, только не той, которая готовилась ему. Шеф медленно опустил в кресло, не спуская глаз с Галкина.

— Молчите? Нечего сказать? — всё больше свирепел он. — Для такого болвана и пули жалко. В подвал его, Пауль! И переправить в Новый свет.

Кинг нажал рычаг телефона и набрал 09. Когда в углублении стены раскрылись створки сейфа, Кинг вскочил и, указывая на них рукой, крикнул:

— Вон отсюда!

Галкин поспешно вскочил в сейф, думая: «Только бы добраться до Штатов. Там я вырвусь на волю — друзья выручат...» Но... Створки сейфа замкнулись. Кинг с силой прижал рычаг телефона, резко повернул нуль до отказа.

Из-под ног капитана Галкина выскользнул пробковый круг, и он камнем полетел вниз.

Откинувшись в кресле, Кинг несколько минут сидел неподвижно, не открывая глаз. Наконец, тряхнул головой, как бы отгоняя мысли, повернулся в сторону сидевшего напротив наиболее приближённого шпиона и сказал попрежнему спокойно:

— Пауль! Где эта неповторимая копия дочери профессора?

— Устроена на работу к Зосиму Лукичу.

— Д-а-а. Нам помешал этот болван. Расскажи-ка подробности.

Пауль с профессиональной расторопностью изложил своему шефу тёмные пятна из жизни беспутной, по его мнению, красавицы и заключил кратко:

— Из наших рук ей не уйти. Уж очень она легкомысленна. Закрутили мы её...

— Значит, она годна, по-твоему, для этой роли?

— Я уверен, господин Кинг. Она знает, что находится в наших руках, и не посмеет ничему противиться. А если начнёт проявлять строптивость, то будет уже поздно. В Штатах её быстро уберут.

— Я полагаю, Пауль, что её нужно срочно укрыть от всевидящих глаз этого Галаджи. И, не откладывая, заняться подготовкой к переброске за границу. Нам от неё будет нужно только одно — её подтверждение, как самого близкого человека профессора Кремлёва — родной дочери, рискнувшей пойти на разрыв с отцом, что он готовит страшное оружие для уничтожения Америки.

— Понятно, господин Кинг.

— Это ещё не всё. Зинаиду Кремлёву нужно убрать, чтобы некому было опровергать всё то, что будет говорить её двойник, с паспортом на имя Зинаиды Кремлёвой. Да, паспорт вручим только в Штатах. Поедешь ты. Инструкции получишь позже. А теперь действуй.

— Понятно, господин Кинг...

— А не лучше ли, пока она не передумала, заманить сюда, спрятать, а потом переправить? Нам спешить, Пауль, надо. Над нами сгущаются тучи... Адмирал настойчиво торопит... Сумеете её сейчас вызвать?..

— Машину Таберидзе, и через несколько минут она будет здесь. — Пауль подошёл к телефону, набрал номер... — Наталья Ивановна?.. Узнаёте по голосу? Польщён... Ну, что вы! Рад приложить все усилия, чтобы вас развеселить... Как? Очень просто, прокатиться на машине к «Горному солнцу», пообедать в поплавке, послушать музыку... Не возражаете? Прекрасно. Сколько вам нужно на сборы?.. Замечательно. Через пять минут на углу остановится машина номер ЗК-10-01. С нетерпением жду. — Он положил трубку. Набрав новый номер, попросил секретаря Таберидзе послать машину на угол Крылатской и Красного Проспекта.

Потом Кинг и Пауль Митчелл опустились на ди-

ван, разговаривая о том, как лучше переправить Наталью Ивановну за границу. Вскоре вошла и она сама.

— Пожалуйста, проходите, — вскочил Пауль, — присаживайтесь. — Он поцеловал руку, проводил до дивана, познакомил с Кингом и усадил между ним и собой.

— Ну, зачем же мы будем сидеть? Поехали! — сказала она капризно. — Мне и так надоело сидеть в помещении. Хочу на воздух!..

— Скоро всё время будете наслаждаться природой, — заметил Кинг.

— Как всё время? — обернулась она. — Не понимаю...

— Шеф имеет в виду ваше путешествие за океан, — пояснил Пауль, — о котором мы с вами договорились.

— Одна я не поеду, — категорическим тоном заявила Наталья Ивановна и прикинула в уме: «Вот вы где окопались, негодяи. Если бы знала, предупредила бы полковника. Накрыл бы на месте».

— Зачем же одна? — возразил Кинг. — Вы поедете с Паулем.

— Страшно становится, когда представляю себя на пароходе, в океане, — призналась она. — Да ещё на пути в чужие края.

— Вас ждёт громкий успех, мировая известность и американский сервис, — с пафосом произнёс Кинг, наблюдая, как у Натальи Ивановны от нервного напряжения ходят на щеках мускулы, как она безотчётно передвигает молнию сумочки, как лихорадочно блещут её глаза.

У неё мелькнула мысль: «Если догадаются, могут не выпустить отсюда. Надо соглашаться... Но как предупредить Вересаева? — И она решилась.

— Поедёмте к «Горному солнцу». Там и поговорим. Разрешите, я позвоню домой, предупрежу, а то будут волноваться. — Она встала и пошла к двери.

— Звоните отсюда, — сказал Пауль, резко поднявшись.

— Ну, что вы! У меня есть интимные поручения, разве я могу при мужчинах?

— А мы удалимся на минутку, — улыбнулся Кинг,

подошёл к столу, перевёл какие-то рычажки. — Пожалуйста, вот аппарат. Из коридора ещё более неудобно. Там могут быть посторонние.

Кинг и Пауль пошли к выходу. Наталья Ивановна подумала: «Отсюда ещё удобнее», подошла к столу, сняла трубку и набрала номер. А Кинг в этот момент уже держал трубку внутреннего телефона, думая: «Не спутала бы аппарат». Щёлкнули контакты, он услышал её взволнованный голос: — Товарищ Вересаев?..

— Н-да! — отрывисто ответил Кинг.

Наталья Ивановна заторопилась: — Скорее на Зелёную улицу... Здесь со мной два главных... хотят увезти за границу... сейчас едем в ресторан «Горное солнце»...

— Кто говорит?... — сухо перебил Кинг, заметив, что она не назвала своего имени... — Наталья Ивановна?... Наташа, задержитесь минут на десять—едем.

Она положила трубку, чувствуя дрожь во всём теле. «Только бы успели. Что будет, если опоздают?» — проносилось в её сознании. Вошёл Кинг, за ним Пауль.

— Ну, как — предупредили? — спросил Кинг, одевая шляпу. — Теперь можем ехать?..

— Да, предупредила... Но так разволновалась, не могу успокоиться. Моя домработница сожгла, беззаботная, утюгом самое моё лучшее платье... Дайте мне напиться.

Кинг улыбнулся, поняв её наивное стремление оттянуть отъезд. Подошёл к столу, открыл графин и пожал плечами.

— Вода испорчена... Спустимся лучше вниз, выпьем что-нибудь, съедим на дорогу по пирожному.

Пауль Митчелл понял замысел Кинга, расторопно открыл дверцы сейфа, широко улыбнулся.

— Пожалуйста, Наташа, спустимся.

— И правда, — согласилась она, думая задержаться, чего бы это ни стоило. — Лёгкий завтрак не дурно на дорогу.

Ничего не подозревая, она шагнула на площадку потайного лифта. И в то же мгновение за ней захлопнулись металлические створки. Кинг шагнул к столу, прижал рычаг телефона и с ожесточением повернул

нуль до конца. Истерический крик Наташи сорвался на визг и, удаляясь, затих. Кинг отпустил рычаг и сказал со злобой:

— Всѣ!..

— Такой конец — делу венец! — заметил Пауль.

— Оставьте меня, Пауль. Вас ждут дела.

Пауль Митчелл вышел, отметив про себя: «И его нервы сдали».

Оставшись один, Кинг подошёл к окну, отодвинул штору и застыл, взвешивая в уме сложившуюся ситуацию. Он больше всего был огорчён тем, что не удалось переправить через границу Зинаиду Кремлёву. Всѣ навязчивее преследовала мысль о том, что назрела необходимость поскорее свёртывать дела и возвращаться домой, пока не поздно. «Ещё один провал, — думал он, — я сам могу оказаться в руках Галладжи». Он не услышал, а скорее почувствовал, как распахнулась дверь. Увидев на пороге побледневшего Таберидзе, Кинг внутренне содрогнулся, предчувствуя неладное. Преодолевая икоту, Таберидзе с трудом произнёс:

— С-с-сбежал Галкин!.. Женщина разбилась!..

— Ррротозей! — процедил сквозь зубы Кинг, сложив пополам оказавшийся в руках карандаш. — Когда?

— Не более десяти минут тому назад.

— Немедленно нагнать и «нечаянно» задавить. Лучше штраф, суд над шофёром, чем длинный язык в руках врага.

Таберидзе, не дослушав фразы, метнулся к стоявшей у подъезда машине. Кинг вернулся к столу, начал торопливо перебирать бумаги в ящиках стола, бросая ставшие опасными документы за решётку камина. Закончив очистку стола, Кинг скрылся за створками потайного сейфа.

Очутившись в тёмном подземном тоннеле, он включил ручной фонарик и, освещая лабиринты подземного хода, почти побежал в котельную. Около котла парового отопления он заметил копающуюся при свете свечи фигуру истопника, а рядом труп женщины.

— Что случилось? — почти крикнул Кинг.

— Короткое замыкание, господин Кинг, — вытянулся истопник.

— Обстоятельства? Время? — торопил Кинг.

— Несколько минут тому назад. Капитан Галкин, спускаясь на лифте, выстрелил из пистолета. Шальная пуля пробила кожух на предохранителях, порвала подводящий провод и замкнула цепь.

— Ну и что же?

— Упал на спирали высокого напряжения. Но тока уже не было...

— Где он?

— Как где? Полежал минуты три, затем поднялся и ушёл по своим делам. Потом вот эта, — он указал на разбившуюся женщину, — вниз головой... Насмерть...

Кинг схватился за голову, пр говаривая:

— Кончено. Всё погубили... Сожгите или закопайте труп, скорее!.. — Истопник посмотрел вслед удаляющейся пришибленной событиями фигуре Кинга, сплюнул скрипевший на зубах осадок золы и пыли, подошёл к трупу Натальи Ивановны. Взял подмышки, приподнял и потащил в дальний угол. Услышав стон, бросил её, отскочил в сторону, ища глазами какой-нибудь предмет, чтобы добить жертву. В коридоре послышались торопливые шаги. Вошёл Пауль Митчелл.

— А-а-а, Пауль, — дрожащим голосом произнёс истопник, — а я думал... в общем испугался... Она оживает... Добить надо.

Митчелл подошёл к своей жертве. Пощупал пульс, проверил дыхание и, решившись на что-то, взял Наталью Ивановну подмышки, сказав нетерпеливо истопнику:

— Помоги, скорее!.. Она ещё нам пригодится... — А про себя: «Спрячу где-нибудь. Если не пойдёт на поправку — укол, и делу конец... Попробую поднять на ноги и переправить в Новый свет».

* * *

Таберидзе вскочил на сидение рядом с шофёром. Мгновенно включив мотор и трогаясь с места, шофёр спросил вполголоса:

— Куда прикажете?

— Туда ушёл Галкин? — Таберидзе указал по направлению хода машины.

— Нет, тут он не проходил.

— Тогда назад — быстро. Догнать и задавить — отвечаю я.

Машина развернулась и понеслась в обратную сторону. Миновав вторую поперечную улицу, шофёр бросил взгляд и затормозил, поясняя:

— Кажется, он только что скрылся в калитке зелёных ворот.

— Где?

— На улице, которую миновали.

— Скорее, скорее туда!

Развернувшись, шофёр подъехал к нужным воротам, остановился и выскочил из кабины.

— Сюда, кажется...

— Держать машину наготове, я сам,— крикнул на ходу Таберидзе и скрылся во дворе.

Шофёр подошёл к багажнику, повернул ключ, приоткрыл крышку, вытянул конец шланга, чтобы при толчке не закрылся замок багажника и, незаметно наклонившись, тихо сказал:

— Тронется машина — вываливайся. Ворота с правой стороны по ходу машины.

Шофёр сел за руль, включил мотор и стал поджидать Таберидзе. Тот прибежал, запыхавшись.

— Никого нет,— отрывисто бросил он,— быстро квартала два вперёд, повернёшь направо и назад по следующей улице.

Как только машина двинулась с места, из багажника вывалился на мостовую человек. В два прыжка он скрылся за калиткой.

ГЛАВА XVII

ИСПОВЕДЬ ШПИОНА

— Товарищ дежурный, доложите генералу — срочное дело,— сказал майор милиции, торопливо снимая плащ.

Дежурный заметил волнение обычно невозмутимого майора и тут же исчез за дверью. Через минуту он распахнул дверь:

— Прощу, товарищ майор...

Шагнув навстречу начальнику милиции, генерал Галаджи остановился выжидательно и поднял руку, как бы предупреждая.

— Спокойно, майор, не торопитесь — докладывайте со всеми деталями.

— Необычное происшествие, товарищ генерал. Участковый милиционер шёл по Зелёной улице. Вдруг из калитки, ведущей во двор № 10, выскакивает неизвестный гражданин в разорванном костюме, перепачканный. Бросился к участковому и говорит: «Я шпион. Задержите... доставьте меня в органы безопасности. Я много знаю, я всё расскажу...»

— Дальше, майор, дальше...

— И у меня в кабинете подтвердил то же самое. О какой-то адской машине говорит, о подземных ходах и прочей чертовщине...

— Где этот гражданин?

— В горотделе...

— Как его фамилия?

— Галкин, но он утверждает, что у него совсем другая фамилия и что он её назовёт только вам.

— Немедленно доставьте его сюда.

— Есть доставить сюда, — отчеканил майор и повернулся к выходу.

— Куда вы? — остановил его генерал. — Звоните отсюда... Сильно изранен, говорите?

— Полщеки снесено кирпичом или топором, рука сломана...

— Звоните быстро... немедленно врача.

Через полчаса в кабинет генерала ввели человека с изуродованным лицом, обвязанным марлевым бинтом настолько, что из-под повязки виднелись только нижняя губа и левый с кровоподтёком глаз.

— Стенографистку, — шепнул генерал адъютанту и добавил громко: — Вересаева ко мне.

Вошёл Вересаев. В одной из ниш щёлкнул замок входной двери — стенографистка приготовилась к за-

писи. Галаджи ещё раз пристально посмотрел на пропитанные кровью марлевые повязки, потом указал взглядом на кресло и произнёс сухо:

— Садитесь, гражданин... Говорите только самое существенное!

Поддерживаемый Вересаевым, шпион опустился в кресло, поправил взятую в лубки кисть левой руки и попросил закурить. Затянувшись, он выдохнул огромный клуб дыма, словно для того, чтобы укрыться за ним, и начал свою исповедь:

— Я шпион. Выполнял задания резидента разведцентра «ОСТ» Таберидзе. Затем Кинга. Моя настоящая фамилия Ковальчук — дезертир со Второго Украинского фронта, а потом поневоле бандеровец...

— Не припомните ли фамилии других «помощников» господина Кинга?

— Один из них — «Брюнет-прима», фамилии не знаю.

— Кого ещё знаете?

— Истопник консульства — офицер, тоже бандеровец и тоже дезертир, как и я. Есть ещё некто Пауль Митчелл. Это первое доверенное лицо Кинга.

— Что, по-вашему, самое главное в шпионской деятельности Кинга?

— Разбрасывание ампул с бактериями энцефалита и холеры.

— Где? Когда? — не выдержал Вересаев.

Генерал предупреждающе взглянул на него. Потом перевёл взгляд на Ковальчука.

— Продолжайте, продолжайте.

— Недавно прибыло три чемодана с ампулами. Они хранятся в сейфах в кабинете Таберидзе.

Генерал встретился взглядом с Вересаевым, кивнул головой. Вересаев вышел. Через минуту его место занял другой чекист. Ковальчук посмотрел на него, замолчал, переводя взгляд на Галаджи.

— Продолжайте, — нетерпеливо заметил Галаджи.

— Кинг задался целью похитить одного учёного, работающего в Самгуни. Фамилии я не знаю. Эта миссия возложена на Пауля и на неизвестного мне крупного шпиона — «Брюнета-прима».

Исповедь шпиона дала чекистам немало новых фактов. Он рассказал о том, как переправлялось из-за границы разобранное электрооборудование лифта-жаровни, о чём ему по секрету рассказал истопник, тоже начавший тяготиться своим положением крота подземелья. Потом рассказал, как вербовали Зосима Лукича, как к нему на работу подсунили некую Наташу.

Говорил он долго. Старался припомнить детали. Видно было, что он пришёл с искренним покаянием.

Заметив, что Ковальчук с трудом выговаривает слова, генерал нажал кнопку звонка. Вошёл адъютант.

— На сегодня достаточно,— сказал Галаджи.— В госпиталь!..

Ковальчук поднялся. Генерал кивнул адъютанту.

— Проводите и предупредите врача и охрану: отвечают головой.

ГЛАВА XVIII

«ГРЕМУЧИЙ ПОЕЗД»

Дежурный по станции сделал необходимую запись в журнале, ещё раз проверил график движения поездов на участке и подумал: «Почти час свободного времени. Нужно всё же позвонить диспетчеру», но в ту же минуту раздался резкий звонок и знакомый голос диспетчера дороги:

— Логовая?

— Логовая слушает.

— Первый Каскад?..

— Я у селектора.

— Узловая?

— Я — Узловая...

Диспетчер вызвал одну за другой станции главного направления и сказал отчётливым голосом:

— Внимание на линии! Сверьте часы. Сейчас двадцать ноль девять по московскому... В двадцать два тридцать принимаю вне графика литерный. В двадцать один сорок пять открыть «зелёную улицу». Закрывать все переезды и допуск на перрон посторонних. Пропускать литерный по второму пути. Задача ясна?

— Есть дать «зелёную улицу» литерному,— повторило в репродуктор несколько голосов.

— Вторая задача: зарегистрировать прохождение состава с точностью до секунды. Результаты немедленно телеграфировать начальнику дороги.

— Есть телеграфировать прохождение,— ответил дежурный станции «Первый Каскад» и подумал: «Скоростью интересуются. Видимо, возвращается тот самый «Гремучий поезд».

В двадцать один сорок дежурный по станции проверил по телефону готовность к приёму литерного на постах входных и выходных стрелок, приказал закрыть переезды, одел форменную фуражку с малиновым околышем и вышел на перрон.

— Товарищ Степанов,— обратился к нему дежурный по вокзалу,— прикажите включить орошение, хотя бы минут на десять. Духота невероятная. Детишки в комнате матери и ребёнка да и транзитные пассажиры в зале ожидания истомились.

Дежурный посмотрел на часы, прикидывая в уме: «До прихода литерного ещё почти полтора часа...»

— Набежит порыв ветра,— продолжал убеждать его дежурный по вокзалу,— как и в прошлый раз за этим «Гремучим поездом», поднимет пыль с путей, тогда совсем нечем будет дышать.

— Вы, пожалуй, правы,— согласился дежурный, имея в виду не ветер, а «Гремучий поезд», за которым прошлый раз пронёсся через станцию вихрь мелкого шлака, песка, пыли. Он достал из бокового кармана блокнот, написал несколько слов и подал листок со словами: — Передайте сменному инженеру.

Минут через десять со стороны депо донеслись предупредительные сигналы. Из станционных репродукторов слышался хриловатый басок сменного инженера:

— Внимание!.. Внимание!.. Включаю орошение станции...

Между путями и вдоль цветников, отделяющих вокзал от перрона, на дорожках и вокруг беседок сквера брызнули, словно из-под земли, тонкие струйки воды и стали подниматься всё выше и выше, образуя над пу-

тями, цветниками, дорожками и беседками высокую завесу водяной пыли. Сразу же повеяло освежающей прохладой. Послышались голоса:

— Посмотрите, какие чудеса!..

— Редкое зрелище.

— Интересно, неужели столько фонтанов?

— Вот бы нам такую машину...

— В больших городах, наверное, уже есть.

— Говорят, что есть такие машины — целый город могут поливать; искусственный дождь, как из тучи, вызывают.

Над путями станции сильные струи воды поднимались на высоту второго этажа и, отражаясь в перекрещивающихся ярких лучах прожекторов, рассыпались мириадами искр. Через некоторое время водяные струйки оборвались, как будто все эти тысячи фонтанировавших отверстий разом закрыли. Стало тихо и влажно, как после дождя. Дежурный и начальник станции вышли на перрон. Вдали, на уходящей строго по прямой к горизонту железнодорожной линии блеснул ослепительный луч прожектора.

— Идёт!

Донёсся приглушённый бас электросирены поезда. Через несколько минут мимо перрона, рассекая тишину ночи глухим гулом, напоминающим рокот авиамоторов, промелькнули цельнометаллические вагоны. Дежурный, засекавший по часам точное время следования, даже не успел их сосчитать и спросил об этом начальника:

— Сколько же вагонов?

— Пять или шесть. Я только заметил, что локомотив без тендера. Любопытно, что это: дизель или электродвигатель?

— Без тендера? Я что-то не обратил внимания. По-моему, на локомотиве нет и дымогарной трубы. Вероятно, работает на электрической энергии мощной аккумуляторной станции.

Пока дежурный и начальник станции «Первый Каскад» обменивались впечатлениями, «Гремучий поезд» проследовал ещё одну станцию, оставляя позади себя струю горячего воздуха с миндальным при-

вкусом. Утром поезд шёл уже по высокой насыпи западного Прииртышья, привлекая внимание населения своим необычным очертанием. Внешне он напоминал большую торпеду, только с более заострённой, приплюснутой к рельсам передней частью. Там, где у обычных локомотивов находится тендер и будка машиниста, у этого поезда — комфортабельный салон с широкими, почти во всю длину боковых стен, окнами и со стеклянным полукуполом на крыше, похожим на кабину самолёта.

В одном из сибирских сёл люди, видевшие близко проходивший «Гремучий поезд», утверждали, что сзади у него два пропеллера, как у двухмоторного самолёта. Эти пропеллеры и создают рокот, неизвестный наземному транспорту.

В тот момент, когда поезд пересекал Барабинскую степь, начальник ЦАВИ генерал Прозоров получил такую телеграмму:

«...Прошли 10 тысяч километров получасовой остановкой. Идём на том же малом баллоне топлива по маршруту Владивосток-Мурманск. Двигатели работают безотказно.

Сергеев».

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ

ГЛАВА I

НОВЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Испытания первых двигателей не удовлетворили Споряну. Он стал категорически возражать против передачи двигателей в серийное производство. Его точку зрения разделяли профессор Кремлёв и генерал Прозоров. Правительственная комиссия была вынуждена согласиться с доводами конструктора.

Антон Савельевич не выходил из экспериментальной лаборатории неделями. Предстояли испытания не только самолётов-снарядов с новым двигателем «СЭВАРД-3», названным профессором Кремлёвым суперреактивным, но и производственные испытания первой передвижной станции искусственного дождевания. Споряну был в состоянии неугасающего творческого подъёма и, казалось, забыл всё, что не имело отношения к предстоящим испытаниям. Он почти не спал, появлялся дома раз в двое-трое суток и то лишь для того, чтобы принять ванну, поесть. Отдохнув часа два, он снова возвращался в лабораторию.

Он часами простаивал у испытательных стендов, проверяя температуру двигателей, влияние вибраций на сигарообразные корпуса самолётов, изучая степень сгорания смесей при разных режимах работы двигателя.

Генерал Прозоров понимал, что этот бурный прилив неутомимой энергии объясняется глубоким сознанием ответственности за предстоящие испытания, стремлением сделать всё, чтобы продемонстрировать изо-

бретение во всей мощи заложенной в нём авторской идеи.

Но у Споряну были и другие причины, приковывавшие его к лаборатории. Ему хотелось как можно скорее разгадать секреты ионосферы, продумать возможности создания самолётов-снарядов как заградительного огня против высотной авиации. Это его интересовало теперь, пожалуй, больше, чем проблема искусственного дождевания. Её он считал уже решённой.

Однажды после многократных стендовых испытаний он пришёл к профессору Кремлёву улыбающийся, довольный.

— Теперь, Пётр Кузьмич, можно передавать двигатель производственникам. Работает безукоризненно на любых режимах.

— Значит, предлагаете передать в серийное производство?

— Нет, пока для широких производственных испытаний. Не одну сигару, а несколько: скажем, пять, десять. Начать испытания в различных условиях: на сибирских равнинах и на больших подъёмах в горах, с тяжеловесными товарными составами и пассажирскими экспрессами...

— На морских и речных судах...

— На всех видах транспорта, Пётр Кузьмич. Но я хочу выговорить для себя одно неперемное условие: испытание высотных стратосферных сигар должно проходить под моим наблюдением и в обстановке, максимально приближенной к реальной.

— Новую идею вынашиваете?..

— Меня занимают, Пётр Кузьмич, разности температур атмосферы. Нельзя ли, думаю, извлечь из этого кое-какие выгоды.

— А именно?

— Нам известно, что с подъёмом в стратосферу отмечается понижение температуры. На высоте десяти-двенадцати километров, у границы стратосферы холод достигает 55°. Ещё недавно полагали, что и в дальнейшем нарастание низких температур продолжается, и где-то наступает холод мирового пространства —

безмолвие космоса. Так думали раньше, Пётр Кузьмич. А действительность показала другое. На высоте 40 километров температура достигает нуля; а выше начинается... тёплый пояс — озоновая оболочка Земли. На высоте семидесяти километров, или около этого, тропическая жара порядка 85 градусов. А выше температура опять падает...

— По мнению астрономов и метеорологов,— вставил профессор,— на этих высотах странствуют серебристые облака, содержащие космическую, метеорную пыль...

— А что же дальше,— продолжал Споряну,— понижение или повышение температуры?.. Не настало ли время забраться с приборами, с лабораторией, в полном смысле этого слова, на высоту двухсот и более километров?.. Естественный краткогаз с его огромной силой отдачи нас сам толкает во вселенную. К тому же с его помощью можно создать заградительную полосу для высотной авиации.

— Давно ли вы занимаетесь этим вопросом?..

— После того, как в Швейцарии удалось принять передачи московского телецентра... Вот тогда меня и потянуло к озоновой оболочке Земли, к ионосфере.

Профессор задумался. Он знал об этом атмосферном «казусе», как он его называл. И разговор со Споряну заинтересовал его.

— Да, вы правы. Приём телепередачи на такие расстояния, даже в наши дни — редкость. Это кое о чём говорит...

Он снова умолк. Споряну тоже молчал, думая о том, какие явления вызовут взрывы краткогаза одновременно в двух холодных поясах стратосферы и что произойдёт, если одновременно встряхнуть взрывами и находящийся между ними тёплый пласт?..

— Мысль, прямо скажу, дерзкая, — продолжал профессор.— Но разве управление погодой вас уже перестало увлекать?

— Ну, что вы, Пётр Кузьмич. Создание заградительной зоны против воздушных пиратов на разных высотах будет в то же время служить делу искусственного дождевания, даже в более значительных размерах, чем мы проводили раньше. Широкие производственные

опыты можно провести над каким-нибудь степным засушливым районом в размерах, необходимых для полива больших площадей...

Споряну говорил о предстоящих испытаниях с таким увлечением, будто уже получил разрешение на это. Но он, до поры до времени, умалчивал о своих дерзких замыслах. Ведь они действительно могли показаться фантастическими.

И Споряну решил: если ему поручат руководство испытаниями реактивных сигар, то одну из них он отправит в стратосферу. Его особенно интересовал вопрос: потянет ли двигатель за пределами 35 тысяч метров! Он был уверен, что управление сигарами будет снова поручено Юрию Капустину, имеющему опыт в этом деле. «А Юра, — думал он, — пойдёт на такой риск».

Споряну ушёл от профессора в приподнятом настроении. А вечером вместе с генералом Прозоровым отвёз на экспериментальный завод заявку и чертежи улучшенного двигателя. Началась подготовка к большим испытаниям.

Как-то в субботу Прозоров пригласил Споряну и профессора к себе. Начальник испытательной станции подполковник Белкин говорил лаконично, как будто повторял давно заученные слова команды:

— Тренировочные полёты закончены. Взлёт, посадка — безупречны. Чувствительность приборов высокая. Три звена готовы к испытаниям. Экипаж испытательного отряда ждёт приказаний...

— Ваше мнение, профессор? — спросил Прозоров.

— Я хотел бы внести поправку в порядок проведения испытаний.

— Прошу, Пётр Кузьмич.

— По-моему, эти испытания нужно проводить на предельных высотах, и вот почему. Если действие детонации будет достаточно разрушительным в высоких, разреженных слоях атмосферы, то оно будет ещё более сильным в нижних, плотных. Нам известно, что чем сильнее сопротивление окружающей среды, тем выше температура взрыва, а значит, и больше разрушительная сила детонации краткогаза, да и многих

других взрывчатых веществ. Тем паче, что высокие горизонты воздушных просторов нас интересуют куда больше.

— Ваше мнение, Антон Савельевич?

— Мы с профессором уже обменивались мнениями. Я тоже считаю, что эти испытания нужно прежде всего проводить на предельных высотах... Может, даже попробовать поднять одну из сигар к границам ионосферы.

— Проба нужная... Но об этом не нужно говорить громогласно... А испытать можно...

— Так и решим. Подполковник Белкин! Заготовьте приказ командиру звена майору Капустину. О дне и часе предупредим.

Зазвонил телефон.

— Прозоров слушает... А, Дмитрий Дмитриевич, приветствую. Когда? Хорошо, хорошо, через полчаса будем. Тогда и договоримся о деталях. Да, да, они приедут со мной.

— Теперь о второй части опытов — испытанию станции искусственного дождевания. Этими испытаниями будет руководить Владимир Петрович Кремлёв. Установлены сроки, определена зона, подобран штат испытательного отряда. Переговоры о деталях поручены мне. Подробные инструкции даст комиссия. Нет возражений?.. так и доложим. — Он поднялся. — Ну, поехали, нас ждут в обкоме партии.

ГЛАВА II

НАКАНУНЕ БОЛЬШИХ ИСПЫТАНИЙ

Дмитрий Дмитриевич развернул карту и обратился к Прозорову:

— Ну, генерал, как у вас дела? Когда предполагаете провести испытания?

— Всё зависит от того, Дмитрий Дмитриевич, когда завод даст последние двигатели.

— Тогда слушаем директора.

Мещерин поднялся, откашлялся и начал:

— Нас выбили из графика поставщики. Сейчас нужна электроэнергия для ночной смены. Прошу помочь.

Дмитрий Дмитриевич снял трубку телефона.

— Начальника энергосбыта... Анатолий Андреевич?.. Как у вас нагрузка? Надо увеличить снабжение Мещерину... Очень хорошо. — Положив трубку, Вахрушев взглянул на Мещерина. — Ток будут подавать круглосуточно.

— Двигатели находятся в производстве. Завод даст последнюю партию через месяц. После заводских стендовых испытаний начнётся монтаж реактивных самолётов-снарядов. Эскадрилья стратосферных сигар уже на стапелях. Скоро начнём монтаж электрооборудования, установку двигателей. Двигатели для лайнера будут готовы раньше срока.

— Какие ещё претензии?

— Больше никаких. Остальное будем решать сами. Вахрушев встал.

— Звоните почаще... Усиьте технический контроль... Ну, желаю удачи.

Когда Мещерин вышел, Вахрушев обратился к Споряну.

— Я слышал, Антон Савельевич, вы собираетесь военную игру устроить?

Споряну посмотрел на Прозорова, Кремлёва.

— А они тут не при чём, — улыбнулся Вахрушев. — Мне Галаджи говорил. А как вы представляете себе это практически?

— Я предлагаю, — начал Споряну, — новое использование сигар. Предположим, что по такому-то курсу летят высотные бомбардировщики противника. Известно их направление, высота, скорость. Конечно, очень важно отразить этот налёт.

— Правильно, Антон Савельевич. Воевать мы не хотим, но к встрече врага должны быть всегда готовы. Рассказывайте подробнее.

Споряну с увлечением начал излагать свой план.

Все слушали внимательно. Когда Споряну закончил, Вахрушев спросил Прозорова:

— Ваше мнение, генерал?

— Предложение Споряну представляет несомненный интерес, и его необходимо поддержать.

— А ваше, Пётр Кузьмич?

— Боюсь последствий, Дмитрий Дмитриевич. Ведь это же воздушный бой, сражение, а не опыты. Риск, большой риск.

— Значит, вы против?

— Нет, почему же? Идея интересная, но с такими экспериментами нужно быть очень осторожным. Где-нибудь над пустыней — другое дело. А здесь кругом население. Рисковать можно, но с точным расчётом.

— Что вы, Антон Савельевич, на это скажете?

— Пётр Кузьмич, безусловно, прав. Конечно, на время испытаний должно быть прекращено всякое движение в определённом радиусе. Испытания следует вынести как можно ближе к безлюдному району Базальтового перевала. Реактивные аппараты «стратосферной артиллерии» можно доставить в верховья «Долины архаров», значительно дальше, чем при прошлых испытаниях.

— Но тогда вы запускали единичные самолёты-снаряды. А теперь, как я понимаю, речь идёт об отражении «вражеского налёта», значит, о посылке нескольких серий таких снарядов.

— Над Базальтовым перевалом, Пётр Кузьмич, можно производить громы любой силы.

— Можно то можно, но не надо забывать, Антон Савельевич, что по обе его стороны есть населённые пункты...

— Что же вы предлагаете, Пётр Кузьмич? — спросил Вахрушев.

— Расширить границу запретной зоны... учесть все возможные последствия...

— С этим и я согласен, — улыбнулся Споряну.

— Тогда вам и следует поручить составление плана проведения испытаний, а мы, все вместе, посмотрим его, посоветуемся.

Когда все поднялись, Вахрушев спросил Прозорова:

— Кому будет поручено руководство испытаниями?

— Профессор предлагает поручить прежнему составу.

— Это значит: Владимиру Петровичу, майору Капустину и Антону Савельевичу. Что ж, пожалуй, верно.

Вечером генерал Прозоров лично инструктировал руководителей обоих испытательных отрядов. Первым он пригласил лётчика Капустина — командира звена самолётов, управляемых по радио. Они должны были проходить в зоне заградительных взрывов, создаваемой стратосферной батареей. Прозоров неторопливо пожал руку лётчику и указал на глубокое кресло. Закурив папиросу, генерал глубоко затянулся и, выпустив тонкую струйку дыма, пристально посмотрел на Капустина.

— Задача такова: специальный эшелон отходит в зону испытаний в понедельник. Радиоаппаратура, «стратосферные сигары» будут погружены в ночь на понедельник на площадке учебного аэродрома института. Приёмка, охрана эшелона до места назначения возлагается на вас. В вашем распоряжении отряд младших лейтенантов-дипломников института. Координаты зоны испытаний и маршруты полёта вам вручат на месте.

Генерал встал, прошёлся по кабинету.

— Ещё раз предупреждаю. Строжайшая тайна и безукоризненная точность. Уцелевшие самолёты должны быть посажены. Их приборы позволят проникнуть в тайны, ещё неизвестные науке.

— А если и признаков не останется?

— Ну, тогда уж, — генерал развёл руками, — разговор другой.

— Всё же постараюсь...

— От вашего умения будет зависеть...

— Постараюсь, товарищ генерал!..

— Предупреждаю, майор, это совсем иные явления, чем, скажем, грозовой вихрь, рождённый столкновением туч, или раскаты грома. Это нечто неизмеримо большее, рассчитанное на то, чтобы встряхивать грозовые

тучи, как носовой платок, и заставлять их отдавать осадки там, где нужно. Перед вами стоит задача: проверить, как в этом огненном урагане поведёт себя управляемый по радио реактивный самолёт. А от этого будет зависеть решение ещё более широкой задачи. Задачи обеспечения мирного труда, покоя наших матерей, жён, детей.

Помолчав, генерал продолжал:

— Сила детонации газов и сопротивления воздуха по расчётам учёных должна разрушить, раскрошить оказавшийся в зоне взрыва самолёт. О человеке в самолёте и речи не может быть. При такой температуре он там — воск, исчезающий при соприкосновении с огнём.

— Это очень заманчиво, товарищ генерал, хотя и направлено своим остриём против нас — авиаторов.— Он задумался, представляя себе эту разбушевавшуюся стихию.— Это же величайшее орудие обороны, которым можно создать заградительный огонь от любых воздушных сюрпризов.

— Не просто огонь, а непроницаемую, непреодолимую огненную стену. И проверка её в действии поручается вам.

Они долго беседовали о деталях предстоящих испытаний. А в лаборатории профессора Кремлёва в эти минуты заканчивались последние приготовления к отправке в зону испытаний первой экспериментальной станции искусственного дождевания «СИД-I», способной вызвать обильное орошение не на десятках, а на сотнях и тысячах квадратных километров степей и пустынь. Профессор Кремлёв сам предложил запустить на три высоты одновременно по 100 снарядов. 300 взрывов — это 300 квадратных километров потрясённой и раскалённой стратосферы.

— На какую площадь распространяются осадки — вот что теперь важно,— говорил учёный, напутствуя своего сына Владимира Петровича перед отъездом в зону испытаний.

В ГОРОДЕ КРАСНОГО КАМНЯ

В Кзыл Кентабад (город Красного Камня) майор Ярусов добрался лишь под вечер. Слишком долго длилась процедура проверки документов в комендатурах пограничных застав, разрешающих выезд и въезд. Потом, почти пять часов, петляя по горным лабиринтам, взбирался под самые облака двадцатипятиместный автобус. Ещё задолго до спуска в Кентабадскую долину Ярусов почувствовал, что страшно устал и от длительного горного пути, и от резких перемен высоты, и от прерывной качки.

Заняв номер в гостинице, Ярусов в полусонном состоянии принял ванну и повалился на кровать. Однако и шести часов оказалось достаточно, чтобы окреп уставший, но сильный, натренированный организм. Ярусов проснулся бодрым, в хорошем расположении духа. Он был доволен тем, что генерал Галаджи вновь поручил ему навестить «Лесную каравеллу». Да и цель поездки была более интересной, чем в прошлый раз. «С чем придётся столкнуться на этот раз,— думал он,— куда приведут опасные пути разведчика? Главное — встретиться с Энрике Томмахом. Он поможет найти, к кому ведут эти следы из Самгуньской долины и почему они идут к «Лесной каравелле».

Ярусову было известно, что «цитрусовод» Таберидзе был связан с «Лесной каравеллой». Теперь предстояло установить, кто такие «Брюнет-прима» и «Турист»? Где они действуют и что у них за связи в «Лесной каравелле» и Самгуньской долине?

Обдумывая пути получения необходимых данных, позволяющих размотать этот запутанный клубок, он пришёл к твёрдому убеждению, что генерал Галаджи прав: между «Брюнетом-прима» и Таберидзе давние связи. Надо найти подтверждения. Тогда нетрудно будет установить, кто скрывается под кличками «Брюнет-прима» и «Турист».

Почти неделю Ярусов знакомился с достопримечательностями города Красного Камня, бродил по ули-

цам, музеям, паркам, библиотекам, старинным минаретами. Однажды ночью его разбудил телефонный звонок. Не вставая с постели, Ярусов взял трубку:

— Да, Руссель. Да, да! Пришлите, пожалуйста, жду...

Он вскочил и нервно заходил по комнате. «Что могло случиться?» Вскоре над входной дверью загорелась красная лампочка. Ярусов открыл дверь. Перед ним стояла женщина в форме почтового ведомства.

— Могу я видеть господина Русселя?

— Это я. Войдите, пожалуйста.

— Осмелюсь попросить у господина документы, подтверждающие его личность.

Ярусов подал паспорт. Посыльная записала номер и, протягивая скреплённый печатью конверт, попросила расписаться в журнале.

Проводив посыльную, Ярусов нетерпеливо сорвал печать. В бильдограмме было зашифровано несколько хорошо понятных лишь ему слов: «Выпускаем питомцев в день вручения диплома Споряну. Бал начинаем вальсом. Слушайте на наших волнах. Подтвердите получение. — Сильвестр».

Ярусов набрал номер телефона и продиктовал безобидный текст ответной телеграммы. Потом поднял портьеру и распахнул окно. С высоты девятого этажа казалось, что большой южный город, окутанный туманом, плывёт среди океана. Где-то далеко внизу, скрытые пеленой испарений перекликались автомобили, подавали свой пронзительный голос сирены троллейбусов. Город только просыпался. Вершины далёких гор чуть-чуть золотились в первых лучах восходящего солнца.

«В день вручения диплома Споряну — это значит, испытания начнутся послезавтра утром», — подумал Ярусов.

До перевалов, за зоной которых должен вести наблюдения Ярусов, было около 300 километров. Спуски да подъёмы, а их на этом пути восемь, кроме того, три опасных серпантина над пропастью. Перебирая в

уме все эти препятствия, Ярусов мысленно высчитывал, когда ему удастся достигнуть конечного пункта.

— Спешить, спешить нужно! — сказал он про себя.

И нервно заходил по комнате, озадаченный мыслью: «А вдруг на перевале всё ещё нет радиосвязи?.. Как узнать об этом, не привлекая к себе внимания? Опустившись в кресло, он обхватил руками голову. «Установил ли рацию Энрике Томмах? Как с ним связаться? А может, барон фон Бретт увёз его совсем в другое место?»

В такой позе, с запрокинутой назад головой и ничего не видящим взглядом, он просидел долго. Затем резко вскочил.

— Прочь сомнения и размышления! Скорее в путь. Дорога́ каждая минута.

Было совершенно ясно, что многое будет зависеть от машины и водителя. Ярусов набрал номер таксомоторного парка и дал заявку. Через полчаса мощная легковая машина уже мчала его по прямому асфальтированному шоссе.

ГЛАВА IV

НАЧАЛОСЬ...

Рано утром через Самгуньский мост на больших скоростях пронеслась странная процессия. Впереди открытый газик-вездеход с автоматчиками в касках. Следом, строго, соблюдая дистанцию, с такой же скоростью летели две «Победы» в сопровождении трёх машин с охраной. В первой рядом с шофёром сидел профессор Кремлёв, сзади Вахрушев и Споряну, во второй дымили папиросами Прозоров и представители Министерства.

Дворники двух соседних домов, подметавшие тротуар, посмотрели вслед автомашинам, пожимая плечами.

— Видимо, самолёт разбился, — сказал бородатый дворник соседу.

— Должно быть, раз так спешат,—согласился тот.

Не успели старики обменяться мнениями, как из-за угла вывернулся на такой же скорости ещё один газик с автоматчиками. А следом пошли грузовики. Вместо кузовов у них были какие-то высокие плоские ящики, вытянутые над кабинами, покатые назад и наглухо закрытые кругом брезентом. В кабинах рядом с шофёрами сидели курсанты-лётчики в касках. По тому, как ревели моторы, преодолевая подъём, нетрудно было догадаться, что в кузовах, укрытых брезентом, лежит нелёгкий груз.

Проводив взглядом последнюю машину, бородатый дворник многозначительно кивнул соседу:

— Видел?.. Тут, брат, не аварией пахнет. На аварии обычно «скорая помощь» летит и плачет без перерыва. А эти, видел? Тишком, ладком и пораньше, чтобы меньше любопытных глаз было.

— Что же это, по-твоему?

— Знамо дело, что-то секретное. Может, снова гору крушить. А может, испытание силы какой?..

Дворники умолкли, наблюдая за удаляющейся процессией. Потом бородач заговорил вновь:

— Недавно сын справлял день рождения. Его начальник, Зосимом Лукичом звать, как подвыпил — рассказал нам по секрету, что где-то под землёй у Кедрового кряжа есть такие печи, где варят разные взрывчатые смеси.

— Тсс!.. Ты не очень-то громко, — шикнул на старика сосед. — Пообрёзать язык малость надо твоему Зосиму, чтобы не болтал лишнего.

— Он же только моему сыну...

— Ну, он сыну спьяна сказал, а ты всей улице по глупости, — проворчал сосед и зашагал в свой квартал.

Долго ещё виднелся автопоезд на уходящих в гору серпантинах шоссе. Перевалив через первую гряду, он повернул влево по лесной дороге, ведущей к горным озёрам. Миновав последний посёлок за туристской базой, передние машины остановились у бьющих из скалы ключей, чтобы пополнить водой радиаторы.

Споряну вышел из машины, легко сбегал под горку к журчащему источнику, напился, зачерпывая холодную воду рукой. Обмахнув лицо носовым платком

и поднявшись на насыпь горной дороги, он остановился.

На вершины далёких гор легли первые лучи восходящего солнца, позолотившие снежные шапки. Майор Споряну, окинув взглядом автопоезд, растянувшийся по ущелью, и полюбовавшись причудливыми красками наступающего дня, горными пейзажами, сел в машину.

Через несколько минут автопоезд прошёл над обрывом и скрылся в тёмной пустоте тоннеля. Когда рассеялось облако пыли, на фоне серой каменной стены перед входом в тоннель вырисовалась неподвижная фигура часового в каске, с автоматом на груди.

* *
*

А в это время Владимир Петрович был уже далеко от Самгуни. Его эшелон шёл в наиболее засушливые районы. На платформах стояли мощные аппараты станции искусственного дождевания, которую нужно было испытать и рекомендовать для народного хозяйства.

Поезд подходил к зоне испытаний. Владимир Петрович сидел в своём купе над метеокартами, изучая направление воздушных потоков, стараясь определить нужную точку «бомбардировки стратосферы».

— Подходим к станции назначения,— доложил начальник охраны поезда.

— Очень хорошо. Распорядитесь немедленно приступить к разгрузке. А я поеду в зону.

Поезд начал замедлять ход. Под колёсами застучали стрелочные переводы. Состав подходил к перрону степного разъезда, прильнувшего к отрогам Базальтовых гор. Вдали сверкали белизной заоблачные пики снежных вершин.

«Завтра утром,— думал Владимир Петрович,— по ту сторону гор загремит первый сокрушающий залп стратосферной артиллерии по высотной авиации «противника». А на следующую ночь мы начнём создавать искусственный грозовой циклон. Интересно, в какой мере оправдаются расчёты Споряну?..».

НА АВИАПОЛИГОНЕ

На другой день рано утром на авиаполигоне, в долине, за соседним перевалом, авиатехники сняли чехлы с трёх серебристых сигар, стоявших на рельсах веером расходящихся катапульт. Лётчик-майор Капустин поднялся по ажурной дюралевой лесенке на мостик средней катапульты и вошёл в кабину серебристой сигары. Он тщательно проверил действие приборов высоты, скорости, напряжения в батареях, работу приёмо-передаточной рации, потрогал рули поворота, высоты, осмотрел барографы и, выйдя на мостик, приказал:

— Опечатать кабину!..

С такой же придирчивостью он осмотрел механизмы управления и других сигар. Потом в люльке передвижного автокрана проехал вдоль вздымающихся в небо катапульт, внимательно осматривая места сварки рельс, измерил прибором угол подъёма. Закончив осмотр, он позвонил дежурного инженера.

— Товарищ капитан! Увеличьте угол подъёма катапульт до 30 градусов и дайте смазку.

Капитан козырнул и, подойдя к основанию мачты, напоминавшей семафор, перевёл рычаги. В матовом треугольнике, венчающем остриё мачты, загорелась цифра «30». Через минуту-две послышалось глухое гудение скрытых под землёй моторов,двигающих катапульты. Рельсы медленно стали подниматься, задирая носы серебристых сигар. Когда угол подъёма достиг 30 градусов, на матовом экране погасла «тридцатка» и подземное гудение стихло. Только по рельсам катапульт, как челноки, летали металлические паровозики-маслénки, оставляя на рельсах лакированный след масла. Наконец, умчавшись в верхнюю часть катапульт, не вернулись и маслénки, а в матовом треугольнике вспыхнула ломаная линия, означавшая, что сигары готовы к старту.

Капустин посмотрел на часы и, приказав капитану очистить полигон, направился к зданию управления.

Войдя в кабинет, он включил рацию и надел наушники. Стенные часы пробили без четверти семь. Вскоре засветился зелёный глазок, и майор услышал знакомый голос Антона Споряну:

— Докладывайте!

— Звено самолётов на старте.

— Запуск ровно в семь ноль-ноль. Полёты в квадрате восемь по эллипсу. Потолок — 100. Повторите задание!..

Капустин повторил и посмотрел на начальника полигона, нервно раскуривавшего папиросу. Из репродуктора слышалось:

— Прошу сверить часы. На моих без 10 минут семь.

Капустин взглянул на стрелки своих часов, потом на стенные и сел поудобнее к щиту приборов управления. Последние минуты тянулись томительно долго. Он то примерялся к рубильникам включения катапульт, поудобнее устраиваясь в кресле, то снова и снова сверял указатели приборов управления самолётами. Наконец, в тишине кабинета раздался гулкий удар часов и в то же мгновение слышался голос Споряну:

— Внимание!..

Рука Капустина легла на рубильник катапульт. Он отсчитывал мысленно удары часов: «четыре, пять, шесть, се...»

— Запуск!!! — раздался властный голос.

— Есть запуск,— громко ответил Капустин и уверенно повернул до отказа рубильник.

С полигона донёсся рёв реактивных двигателей. Серебристые сигары, оставляя огненные хвосты, скользнули, как метеоры, по рельсам катапульт и исчезли в синеве. Капустин включил телеэкран. Начальник полигона придвинулся поближе. Вот сигары, сделав разворот, пошли почти отвесно вверх. Дежурный инженер, следивший за изменением высоты полёта, повторял через ровные паузы:

— Пять... шесть... тридцать... сорок...

Когда он сказал «100», Капустин взялся за переключатель. Серебристые сигары, отчётливо видные на эк-

ране, приняли горизонтальное положение и понеслись по прямой, оставляя позади себя длинные белые хвосты.

Начальник полигона и дежурный инженер устремили немигающие взгляды на экран. Вот впереди, по курсу самолётов, прочеркнулись огненные линии, словно от трассирующих пуль. На высоте среднего в этажерке самолёта, немного впереди по курсу, вспыхнули шапочки взрывов. И в то же мгновение образованные взрывами белые барашки выкинули во все стороны пучки молний, обвивших летящие самолёты. А на их месте появилось кучевое, быстро растущее облако. Майор взглянул на указатель высоты самолётов — стрелка остановилась на нуле. На указателе скорости тоже нуль. Он включил радиопередатчик на волну патрулирующего в зоне испытаний самолёта.

— Видите ли сигары?..

— Нет! Не слышу и работы их двигателей. Вторую минуту планирую с выключенным мотором, ничего не вижу и не слышу.

— Возвращайтесь на аэродром.

ГЛАВА VI

НА ЭКРАНЕ РАДАРА

В «Долине архаров» ещё стоял полумрак. Поднявшаяся полоса утренних туманов прижималась к лесным склонам, словно не хотела покидать пробуждающуюся долину. Высокие пики далёких гор дымились в утренних лучах, как горящие терриконы шахт. Споряну долго рассматривал в бинокль меняющуюся расцветку горных пейзажей, следил за направлением медленно перемещающихся по долине туманов, думая: «Погода портится, облака, видно, будет ветер — непредвиденные противники. Ну, ничего. Ближе к реальной обстановке «воздушного налёта».

Из-за поворота долины вынырнули легковые машины. Споряну навёл бинокль.

— Вот и комиссия,— сказал он шофёру,— а вы уверяли, что опоздают. Разве Дмитрий Дмитриевич может опоздать?

С холма, на котором веером стояли приготовленные аппараты «стратосферной артиллерии», подали условный сигнал. Споряну быстро пошёл к посту управления радарной установки, размещённой поблизости, в пещере. Дежурный техник доложил:

— Связь с полигоном установлена. Приём и передача проходят отлично.

Споряну расстегнул плащ и сел на ящик около рации. Окинув взглядом приборы, вопросительно посмотрел на техника.

— Только на коротких, товарищ майор,— ответил техник, не ожидая вопроса.— На других сильные помехи. В таких нагромождениях природы,— он указал рукой в сторону Базальтового перевала,— возможны любые сюрпризы. Давно известно, что над Базальтовым перевалом магнитный компас — не советчик.

Споряну включился на двустороннюю связь. Глазки настройки соединились. В репродукторе слышался голос:

— «Горная»?

— «Горная» у аппарата, — ответил Споряну.

— Как меня слышите?

— Великолепно.

— Докладываю обстановку: вторая эскадрилья на старте. С северо-востока надвигается облачность.

— Каковы данные «единички»?

— Волна — семь и три четвёртых первой шкалы. Курс — запад, высота — двадцать ноль-ноль, заход по эллипсу с левым разворотом.

— Понятно. Следите за экраном.

Споряну перевёл приборы направляющей рации на полученные данные и наклонился к микрофону.

— «Ласточка»?

— Я «Ласточка».

— «Единичку» запускать на третьем режиме.

— Есть на третьем режиме.

Споряну поднялся и пошёл навстречу членам комис-

сии. Поравнявшись с представителем Министерства, генерал-лейтенантом авиации, взял под козырёк:

— Докладывает начальник испытательного отряда майор Споряну. Реактивные аппараты готовы к отражению атаки «противника». Радарные установки ведут наблюдение за горизонтом.

Генерал-лейтенант козырнул и подал руку.

— Здравствуйте, товарищ Споряну. Командование ВВС надеется на успешное решение поставленной Вами задачи.

— Ну, а теперь, Антон Савельевич,— вступил в разговор Дмитрий Дмитриевич,— знакомьте со своим хозяйством. Где прикажете нам расположиться?

Споряну указал на расставленные за огромным валуном автомобильные сидения.

Дмитрий Дмитриевич опустился на одно из них. Обвёл взглядом горизонт.

— Великолепный обзор. И на случай непогоды — рядом укрытие,— он указал рукой на глубокий грот в отвесной каменной стене. В этот момент из грота вышел военный в форме лейтенанта связи. Дмитрий Дмитриевич повернулся к Споряну.— Э, да там уже занято...

— В гроте размещено управление радаром,— пояснил Споряну.— Прошу членов комиссии осмотреть «штаб управления огнём».

Миновав узкий вход в грот, члены комиссии оказались под высокими сводами просторной пещеры, в глубине которой слышался монотонный плеск падающих с высоты капель воды. На выровненной, утрамбованной площадке стояли телеэкраны радара. У пультов управления сидели в наушниках связисты. Споряну посмотрел на часы и взял журнал наблюдений. «Ласточка» предупреждала о надвигающейся из-за перевала облачности. «Жаль, что видимости не будет», — подумал Споряну. К пульту подошли генерал Прозоров и представители ВВС. Связист, не замечая их, продолжал вызывать посты наблюдения: «Северный, Северный!.. Сообщите направление ветра». Потом придвинул журнал и сделал очередную запись: «6.50 — ветер северо-восточной четверти, 20 м/сек. Видимость падает — усиливается облачность».

Споряну занял место у пульта. Посмотрел на часы. Радист включил репродуктор. Споряну придвинул микрофон и сказал с расстановкой:

— «Лас-точ-ка!»

— «Ласточка» слушает.

— Сверьте время. Сейчас 6.55.

Споряну встал. Подошёл к членам комиссии.

— Через пять минут запуск. Прошу по местам. Из-за укрытия не выходить.

Члены комиссии направились к выходу. Галаджи взял профессора Кремлёва под руку, наклонился к уху:

— Заметили, Пётр Кузьмич, как переменялся Споряну? Волнуется...

— Вполне естественно, — так же тихо ответил профессор. — Я сегодня наблюдатель, и то волнуюсь. Да и вы, Сильвестр Антонович...

— Волнуюсь, Пётр Кузьмич, волнуюсь.

Провожая взглядом членов комиссии, Споряну торопливо попыхивал папиросой. Недокурив, бросил её на землю, потушил ногой и быстрыми шагами пошёл к выходу. Выйдя из грота, остановился. Привычным движением достал папиросу, машинально закурил. Посмотрел на папиросу, затушил её о спичечную коробку и вместе со спичками механически положил в карман.

Часы показывали 6.58. Споряну вернулся в пещеру и подошёл к пульту управления. Включил главный экран. В репродукторе раздался отчётливый голос:

— «Горная», внимание!!!

— «Горная» у аппарата, — спокойно ответил Споряну.

— Запуск...

Споряну немигающим взором впился в экран, прислушиваясь к шумам в наушниках. Прошла минута, вторая, наконец пост наблюдения передал первые данные о «налёте реактивных бомбардировщиков противника».

— В квадрате 10 курсом на северо-запад идут три высотных бомбардировщика «противника». Высота 25 тысяч...

— Повторяю: принято 10, три, 25...

— Правильно. Курс северо-запад. Переходят в квадрат 22.

Споряну повернул один из рычагов пульта. Вспыхнул красный глазок настройки.

— У аппаратов — внимание!

— Есть внимание...

— Квадрат 22. Высота 25. Прицел по диагоналям юго-восток — северо-запад.

Споряну медленно поворачивал рычаги настройки, направляя чуткие «уши» и дальнотзорные «глаза» радара в поле квадрата 22. На экране показались три точки. Споряну переключил радар на автоматический ход, думая: «который из них «единичка»? Почему высота 25?» Он придвинул микрофон к самым губам и спросил строго:

— «Ласточка?».. Почему высота 25, а не 20?

— Тактический манёвр, товарищ майор. Приказ генерала Прозорова.

— Хо-ро-шо! — по слогам ответил Споряну и переключился на пост наблюдателя. — Проверьте высоту!

— Высота 28. Идут с резким подъёмом, отклоняются вправо на точку пересечения квадратов 20—28.

Споряну взглянул на экран. Точки с той же скоростью перемещались в квадрате 21. Стрелка прибора, показывающего высоту, приближалась к цифре 35.

— У аппаратов? — громко сказал Споряну.

— Есть у аппаратов...

— Прицел — граница квадратов 21—28. Высота 35—40. Стрельба — восходящей этажеркой.

Споряну неотрывно следит за точками, передвигающимися по экрану. Вот одна из них стала быстро набирать высоту: 45—50—55.

...Члены комиссии не могли различить, даже в бинокль, контуры высоко мчащихся реактивных сигар. Они видели только тянувшиеся от них белые полосы газов. Когда одна из сигар начала круто уходить вверх, генерал Прозоров сказал вполголоса:

— Маневрирует.

— Любопытно, — заметил представитель ВВС, — достигнут ли ракетные снаряды такой высоты?

— Посмотрим, — не отрываясь от бинокля, отзывался Прозоров.

На площадке у ракетных аппаратов завывала сирена. Персонал спрятался в укрытие. Прозоров мысленно отсчитывал секунды: «раз, два, три, четыре, пять...»

Над площадкой вспыхнуло ослепительное зарево. С рокотом и свистом понеслись в поднебесье ракетные самолёты-снаряды, оставляя за собой огненные полосы. Между площадкой и наблюдательным пунктом поднялась стена пыли. Сверкнули огни второго залпа. Туча пыли расширилась, заслонив весь горизонт обзора. Раскаты грома потрясли землю. Видя, что дальнейшие наблюдения бесполезны, члены комиссии пошли в грот — в штаб управления «стратосферной артиллерией».

Раздался третий залп, заставивший всех пригнуться к земле. Стало душно, начало темнеть, как перед грозой.

Споряну сидел у пульта управления, не отрывая глаз от экрана радара. Стрелка прибора высоты уже стояла на делении 95, а «единичка» забиралась всё выше и выше. Члены комиссии молча стояли за его спиной, наблюдая за ползущей по экрану точкой.

Представитель ВВС, опытный авиатор, сразу понял, в чём дело. Подойдя ближе и наклонившись к Споряну, он спросил:

— Насколько я понимаю, один бомбардировщик «противника» всё же прорвался?

Они встретились взглядами.

Споряну кивнул головой и начал плавно переводить рычаги реле звукоцветовых прицелов стратосферной установки. Точка быстро перемещалась по квадрату 36, то камнем устремляясь к земле, то свечкой уходя ввысь. Стрелки прибора высоты показывали снижение и подъём «единички» между делениями 85—100. Выждав момент, когда «единичка» снова пошла в отвесное пики, Споряну послал на высоту 85—95—100 по пять ракетных снарядов.

Казалось, секунды длятся слишком долго. Не мигая, Споряну следил за движением точки. И вдруг на экране вспыхнули жёлтые искорки и потухли. Там, где была «единичка», появилось тёмное пятнышко. Оно начало разрастаться, становилось всё темнее и темнее. Споряну включил стратосферную установку и обернулся к представителю ВВС, широко улыбаясь:

— Всё, товарищ генерал-лейтенант. «Единичка» больше не существует.

Он придвинулся к микрофону, чтобы вызвать Капустина, но рация полигона молчала. Капустин в это время разговаривал с патрульным самолётом, крича в микрофон:

— «Двойка», сообщите последние наблюдения...

— Сигары исчезли при столкновении со взрывами. Вонзившись во взрывные барашки на большой скорости, сигары не вышли из них. Падающих обломков не видел.

— Сгорели или взорвались?

— Взорвались в момент столкновения с барашками...

Пилот-наблюдатель не придавал значения плеснувшим во все стороны огненным языкам и повторным взрывам, сопровождающимся сильным громом. Он не видел, как от быстро разрастающихся барашков алмазной россыпью понеслись к земле полосы прозрачно-голубого дождя.

— Обойдите зону с резким снижением. Поищите обломки или следы сгоревшего самолёта, дым, лесной пожар.

Капустин переключился на передатчик Споряну.

— «Горная», «Горная!»

— Я «Горная»... Где вы пропадали?

— Говорил с пилотом патрульного самолёта.

— Ну и как?

— Никаких следов.

Споряну помолчал. После некоторого раздумья проговорил удовлетворённо:

— Да-а, недурно.. Ну, Капустин, доставлять обратно тебе нечего. Возвращайся в Самгунь налегке и пиши генералу объяснение о том, как потерял всё своё вооружение... Ха, ха, ха! Шучу, конечно...

- Понимаю.
- Ну, я тоже даю команду своему поезду брать курс на Самгунь. Пока, до встречи в Самгуни.
- Есть до встречи в Самгуни...

ГЛАВА VII

ЗНАТОК РУССКОЙ ДУШИ

В купе спального вагона «Голубого экспресса», отошедшего от станции Самгунь, сидел в одиночестве белёсый, словно выгоревший на солнце, блондин. Невидимые брови, зеленовато-мутные глаза, заострённая кверху, стриженная под бокс, почти лишённая шеи голова и широко расходящиеся к ушам крупные скулы — казались не подходившими одна к другой деталями, случайно собранными вместе.

Десять лет Фрэнк жил в Китае. Он хорошо овладел китайским и японским языками. Последнее время обитал в Маньчжурии, изучал быт и нравы русских белогвардейцев. Теперь, как знаток русской души и русского быта, он ездил в Самгунь с удостоверением специального корреспондента «Воскресного журнала» для описания русской свадьбы с натуры. Однако Фрэнк интересовался больше не свадебными церемониями, а уединёнными заповедниками и, если старался попасть на свадьбы, то непременно в сёла, расположенные вблизи комбината редких металлов, ртутных рудников и озокеритовых месторождений. Его больше тянуло к отрогам Базальтового перевала, поближе к тем местам, где пахло добычей ценных руд.

Вот и сейчас он ехал с билетом до станции «Горячие ключи», но можно было с уверенностью сказать, что он сойдёт раньше. На этом участке железной дороги его уже знали. Он выходил на каждой станции, интересовался ценами на картофель, масло, сметану, приценивался к курам, но покупал лишь орехи или малину.

Поезд всё набирал скорость. Фрэнк Майкл Фостер,

как звали корреспондента, позвонил в буфет вагон-ресторана и опустил раму окна. Через несколько минут послышался стук в дверь. Фрэнк приосанился, одёрнул полы костюма и сказал громко, с ударением на первом слоге:

— Вхóдите!..

В дверях показалась черноглазая девушка в украинской блузке, белом переднике и белой косынке. Не входя в купе, она спросила:

— Что угодно господину?

Фрэнк расплылся в улыбке, обнажил ряд золотых зубов. Официантка повторила вопрос. Иностранец улыбнулся ещё многозначительнее и сказал с расстановкой и свойственной таким людям развязностью:

— Мне нужен сам директор ресторана и... бутылка русски коньяк. На закуска дóбри зёрнисты йкры, холожены осетровины и один ваза фрукт... с ваша выбора...

Девушка вышла. Отойдя немного, повторила вслух: «С ваша выбора... тьфу!..» — и скрылась в тамбуре вагона.

Вскоре пришёл директор вагон-ресторана, приземистый армянин с непомерно крупным, мясистым носом и бычьей лоснящейся шеей. Фрэнк пригласил его присесть к столику, достал из бокового кармана пачку дорогих папирос фабрики «Дукат» и протянул собеседнику, выговаривая слова с явно выраженным японским акцентом:

— Русски табака хорошо, густо ароматично...

Закурив папиросу, Фрэнк небрежно забросил ногу на ногу, пристально рассматривая сидящего напротив бритоголового директора ресторана, как бы изучая его внешность. Потом заговорил вкрадчивым голосом, стараясь придать дружелюбный тон начинающейся беседе:

— Мы — заграница, спечиаль корреспондент один афторитетна журнала. Приехала русски страна посмотреть кольхозное богато...

Послышался лёгкий предупреждающий стук. В открывшейся двери показалась вытянутая рука с подно-

сом, уставленным яствами, затем и сама официантка. Молча поставив поднос, официантка привычным движением разместила всё на небольшом столике и так же молча вышла. Фрэнк налил по рюмке коньяку и, пригласив кивком собеседника, сказал громко:

— За русски народа! Очень хорошо, очень спокойно русски народа.

Чокнувшись, он не выпил, а выплеснул рюмку коньяку себе в рот. Положив на язык миниатюрный кусочек холодной осетрины, он бросил косой, будто случайный взгляд на видневшиеся вдали исполинские пики Базальтового перевала и начал «проникать в русскую душу».

— Богата страна. Горы высоко, прерий широко, моря много страшно глубоко... Эти гора, — он указал взглядом на Базальтов перевал, — кроме базаль, много разны богатства есть?

— Ах, дорогой, — начал директор с присущей его народу находчивостью, — какой там кеклик с архаром живёт!

— О, это очень интересна разговора. Мой специал интереса посмотреть здешни места народна свадьба. Говорим, говорим, уважаемы, — я вас-а внимательна слушала... Хочет знайт я, какой сама лучия свадьба?

— Где вина больше, дорогой, там и лучше свадьба...

В это мгновение в открытом окне вагона раздался всепотрясающий рёв промчавшихся над поездом реактивных самолётов. Фрэнк почти до половины высунулся в окно. Небо было чистым, как бирюза. Тройка реактивных сигар была уже далеко. Налетев вихрем, так же неожиданно оборвался потрясающий барабанные перепонки рокот. Фрэнк окинул быстрым взглядом небосвод, но ничего не заметил, откинулся на сиденье, потянулся к бутылке.

— Такой громка пёсня надо коньяки прибавлять.

Он выпил ещё по рюмке. Фрэнк умолк, досадуя на то, что не видел очертаний промчавшихся метеором

самолётов. А директор сидел, наблюдая за иностранцем. Наконец, Фрэнк сказал рассеянно:

— Велико досада, не выдался. Наверно, очень крупна самолёта. Далеко летать может. Ведь ваша страна есть девиз: Летать высоко всех, далеко всех, быстро всех...

— Они так и летают. Вы сами слышали и видели.

— Хорошо, очень хорошо слышала, но глубоко огорчаю — не виделся, поздно смотрела.

Пока Фрэнк пытался наладить разговор на тему о пролетающих самолётах, которые его интересовали куда больше сельской свадьбы, произошли новые события, захватившие внимание не только Фрэнка, его собеседника и всех, кто ехал в этом поезде, но и жителей десятков сёл, расположенных в радиусе 80—100 километров.

Сначала донёсся резкий треск, как будто одновременно открыли огонь тысячи автоматов. Потом раздался глухой гул, напоминавший раскаты далёкого грома. Директор не успел глазом моргнуть, как Фрэнк снова был в окне, а его портативный «кинап» уже отсчитывал кадры. Директор взглянул в направлении, интересовавшем Фрэнка, и замер от удивления. В ясной синеве неба курчавились белые барашки взрывов, напоминавшие своей формой не то белые грибы, не то глубокие перевёрнутые вверх дном тарелки. Барашки держались в таком виде два-три мгновения, потом округлились в шары и выбросили из своего центра во все стороны снопы огня. Донёсся гул взрыва огромной силы. Воздушной волной Фрэнка толкнуло в вагон, сбросило на пол, а директора прижало к мягкому сидению. Закачались вагоны, захлопали двери тамбуров.

Опомнившись, Фрэнк вскочил, тараща глаза на съёжившегося в углу директора, опасливо выглянул из-за косяка. Там, где курчавились белые барашки, выросла синевато-серая, быстро расползающаяся во все стороны, туча. Поезд стукнул буферами, сдал немного назад и начал набирать разгон. Из репродуктора донёсся голос начальника поезда:

— Спокойно, товарищи пассажиры. Ничего особен-

ного. Это производится взрывы скал на строительстве плотин нового каскада.

Директор, не открывая глаз, наощупь вышел в коридор, протёр глаза и, крикнув: «Посуда, посуда!», почти бегом бросился в вагон-ресторан. Фрэнк открыл пишущую машинку и торопливо застучал по клавишам, предвкушая крупный гонорар за эту необыкновенную сенсацию.

ГЛАВА VIII

«ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ»

Редактор «Воскресного журнала» Генри Митчелл каждую субботу появлялся в кафе «Нью сервис», служившем их редакционным буфетом.

Кафе помещалось напротив редакции, через переулок, в мрачном доме, казавшемся выдолбленным в скале, нависшей над переулком. Здесь Митчелла знали все, он был для посетителей «Нью сервиса» важной фигурой. Суббота была для него единственным днём отправления редакторских обязанностей. Но и их Митчелл исполнял своеобразно, на американский лад, за столиком кафе, в окружении друзей или поклонников его «таланта» и власти — репортёров, фельетонистов, обозревателей спортивных клубов.

Митчелла знали все. Знали, что редактор умсет ценить выдумку, особенно, если эта выдумка отвечает желаниям тех, кому принадлежит журнал и сам Генри Митчелл.

В эту субботу Митчелл пришёл в кафе «Нью сервис» раньше обычного. Пройдя в кабинку-ложу около оркестра, зашторенную зелёными бархатными портьерами, редактор вставил ключ в замочную скважину и прошёл в свой кабинет, напоминавший скорее сталактитовый грот, обставленный дорогой мягкой мебелью.

Опустившись в кресло, Митчелл позвонил секретарю, дав знать о своём приходе, и раскрыл ожидавшую его папку.

Редактор Генри Митчелл никогда не писал длинных резолюций и не правил материалы в оригиналах или гранках. Если ему нравилась статья, бойко написанный фельетон или репортаж, он ставил в углу свои переплетающиеся инициалы или крупный крест. Этого было достаточно, чтобы материал вышел в очередном номере журнала.

У редактора Генри Митчелла был свой порядок. Все материалы, кроме касающихся высокой политики, поступали в отделы, там готовились к набору и попадали в папку редактора уже в гранках или чаще всего оттисками полос журнала. Три раза в месяц секретарь представлял своему шефу баланс поступивших, набранных и напечатанных материалов. Если Генри Митчеллом была завизирована половина набранных материалов, то работа этого отдела считалась хорошей. Если же с его вензелем оказывалось больше 60 процентов подготовленных материалов, то зарплата редактора отдела увеличивалась на столько же процентов. Но если таких материалов было меньше половины — соответственно снижалась и зарплата редакторов отделов. Это была не столько бухгалтерия гоночного бизнеса, сколько система определения и оценки политических взглядов сотрудников редакции.

Сегодня был особый день. Первой в папке лежала оттиснутая на цветном бланке с грифом «Сенсация» телеграмма от специального заграничного корреспондента. Генри Митчелл отложил сигару, откинулся в кресле и начал читать:

«Сенсация, сенсация!!! Над нами летающие тарелки!»

«Голубой экспресс» проходил вблизи высокого горного кряжа, напоминающего хребты Кордильер. В семь часов мы услышали нарастающий, способный лишить слуха рёв реактивных двигателей, оборвавшийся так же мгновенно, как и появился.

Не успев осмыслить, в чём дело, мы услышали новые звуки, напоминающие грохот встряхиваемых листов железа или стрельбу бесчисленного множества пулемётов. И сразу же раздался далёкий гул, похожий на грозовые раскаты страшной силы.

Когда я устремился к окну, чтобы взглянуть на происходящее чудо, то был отброшен воздушной волной в глубину купе. Собрал все силы, цепляясь за разные предметы, я снова добрался до окна и, придерживаясь за оконную раму, нажал спуск своего «кинапа».

Вот что запечатлел мой аппарат.

Километрах в десяти от поезда, за высоким лесистым перевалом прочертили воздух идущие от земли огненные хвосты. На их концах в синеве безоблачного неба вспыхнули яркожёлтые шапки огня. Вспыхнули и остановились неподвижно, завихряясь курчавыми барашками белых облаков, напоминающих перевёрнутые глубокие тарелки.

Через мгновение тарелки вспыхнули подобно взрыву большой мины, разбрасывая огонь во все стороны. Донёсся гром, превосходящий гул больших землетрясений. Воздушной волной меня свалило на пол. Застучали двери, закачался вагон, и под силой давления ветра поезд стал.

Причины и подробности читайте в следующем номере.

Фрэнк Фостер».

Дочитав сенсационную телеграмму, Генри Митчелл поспешно снял трубку и набрал номер.

— Хэлло! Джон, немедленно ко мне!

Положив трубку, он взял ручку и первый раз за этот год начал правку текста. Испещрив всю телеграмму редакторскими коррективами, он взял свой неизменный вишнёвый карандаш и крупно написал наискось: «Срочно выправить и в десяти оттисках вернуть мне. — Митчелл».

Вложив гранку в патрон пневматической почты, он нажал кнопку и раскурил потухшую сигару. Минуту посидев неподвижно, редактор вновь вооружился карандашом и всё, что находилось в папке, не читая, пометил своим вензелем. Затем на листке блокнота набросал записку: «Номер журнала должен выйти не завтра, а сегодня к 9-ти вечера, и двойным тиражом. — Генри Митчелл». Выстрелил ещё один патрон пневматической почты. Редактор поднялся и стал

прохаживаться, насвистывая мотив популярной песенки.

Минут через десять на пороге появился Джон Гросс, компаньон Генри Митчелла.

— Я готов слушать, Генри, — сказал Джон вместо приветствия.

Они опустились на оббитый бархатом диван. Стукнул прилетевший из типографии патрон пневматической почты.

Митчелл достал из него оттиски и один из них протянул Джону, наблюдая, какое произведёт впечатление «отредактированное» им сообщение.

Джон сначала убрал ноги с кресла, потом встал:

— Прекрасно, мой мальчик! Это настоящий бизнес! Дать двойной тираж.

— Всё учтено, Джон. И номер выйдет сегодня же.

— Где сейчас Фрэнк Фостер?

— Около Самгуни, набирается впечатлений с натуры о сельских свадьбах.

— Хе-хе-хе!

— Ха-ха-ха!

Джон перечитал оригинал телеграммы, одобрил находчивость редактора и поднял глаза на собеседника:

— Как ты догадался, Генри?

— Телеграмма Фрэнка напомнила мне историю с летающими тарелками, выдуманную херстовцами вскоре после войны. Помнишь, какой фурор произвела тогда она в Штатах?

— Как не помнить! Но Херст оскандалился с этой уткой...

— И тем не менее газеты сделали своё дело. Попробуем... Ещё найдутся простаки, которые поверят в то, что коммунисты готовятся напасть на Америку. — Генри умолк, попыхивая папиросой, потом проговорил с расстановкой: — Посмотрим, что из этого получится... Что ни говори, а одна ложь — это всё-таки ложь, в ложь, услышанную дважды, начинают верить, а ложь, повторяемая постоянно, начинает походить на правду.

Компаньоны по производству газетных уток встре-

тились взглядами, улыбнулись. Джон посмотрел на от- тиск телеграммы Фрэнка Фостера и сказал:

— Подлинник нужно послать шефам...

— Не беспокойся, Джон. Все депеши, поступающие из-за границы, они получают в копиях и притом раньше нас.

— И даже интимные? — не без удивления спросил Гросс.

— Абсолютно все.

— Чёрт знает, что такое! Не может быть...

— Сейчас убедишься. — Редактор взял трубку телефона. — Прошу Управление стратегической разведки... Управление?.. Советника по печати... Хэлло!.. Господин Бридж? Вас беспокоит Генри Митчелл по поводу сообщения Фрэнка Фостера... Подредактировать?.. Понятно, понятно. Будет сделано... Новости на Уолл-стрите? Любопытно... Ах, это та... Благодарю вас. — Положив трубку, Митчелл взглянул на компаньона. — Слышал, Джонни?..

Из зала кафе доносились звуки джаза. Митчелл вызвал секретаря и предупредил:

— Мы будем в ложе. Поторопите печатников. Я жду сигнальные экземпляры. Идём, Джонни. Отдохнём за коктейлем.

Разместившись за столиком в овальной ложе, обращённой к оркестру, заказали коктейль. Немного повеселев, Гросс придвинулся к Митчеллу и повёл откровенный разговор.

— Да, Генри, нам кое-что перепадёт за «синие ампулы»... Ха-ха-ха!

— А именно?

Джон придвинулся поближе и понизил голос до шёпота:

— Выводим новые вирусные культуры... с особым вегетационным периодом.

— Точнее...

— Вносишь в почву с осени. Можно и зимой рас- сеивать по снежному покрову. Весной злаковые, овощ- ные культуры и даже травы впитают этот препарат вместе с влагой. Ну, а дальше всё пойдёт обычным порядком: кто бы ни употребил в пищу продукты из

этих злаков и трав — люди или животные — финал один. Сорок дней длится инкубационный период, а затем наступает сонный паралич.

— А если птицы занесут эту болезнь на наш материк?..

— Ну, это мало вероятно. И к тому же найдено средство, локализирующее сонный паралич за несколько часов.

— Скользящая затея.

— Ну, нет... Упаковываем с птичьим пером в специальные бомбы-контейнеры и передаём управлению стратегической авиации. — Он затянулся сигарой и заключил: — Коммунисты ликвидируют последние остатки покорной нам старой «демократии». Это, конечно, очень беспокоит Уолл-стрит...

— С разведением колорадского жука выбросили на ветер 20 миллионов долларов, в Корею получили слишком дорогую пощёчину, теперь выбросите полмиллиарда, к тому же посеете чуму и холеру в Штатах.

— Каким образом?

— Да очень просто. Взлетит ваша лаборатория с чумными бактериями и холерными вибрионами в воздух...

— Шпиону к нам не проникнуть...

— А рабочим вы доверяете? Да и на учёных не очень-то надейтесь. Идеи коммунистов разлагают не только рабочих и мелких фермеров. Учёные умеют тоньше маскировать свои убеждения, не кричат о повышении зарплаты, не бастуют и не митингуют...

Они замолчали, потягивая прохладный коктейль и думая каждый о своём. Джаз начал очередной номер в таком темпе и с таким необъяснимым в искусстве театрализованным оформлением, что нормальному человеку трудно было бы понять, что происходит на эстраде: попури из каких-то танцев для сумасшедших или попросту драка. Редактор допил бокал и продолжил начатую мысль:

— Печать — самое сильное оружие, — говорят коммунисты. И они правы. Это поистине ни с чем не сравнимое средство психологического воздействия на массы. Посмотришь завтра, что сделает этот неболь-

шой сенсационный репортаж Фрэнка. А напечатай его в том виде, в каком он передан — эффект будет диаметрально противоположный, направленный только на то, чтобы ещё больше поднять престиж коммунистов в глазах народа.

В кафе загорелись лампы дневного света. Вечерело. Митчелл заказал ужин.

— Господин Митчелл, пришли сигнальные экземпляры, — послышался голос секретарши.

Митчелл бегло просмотрел развёрстанную на всю первую страницу корреспонденцию Фрэнка и написал через всю обложку цветным карандашом: «Генри Митчелл».

— Немедленно направьте выпускающему.

Девушка удалилась. Снова разговоры о бизнесе, лихорадочная какофония джаза, промкий хохот посетителей.

Прошло около часа. Наконец, Митчелл уловил доносящиеся с улицы голоса продавцов газет. В распахнувшиеся двери кафе показался мальчик с большой пачкой журналов под мышкой. Лавируя между танцующими парами, он подошёл к ложе редактора, молча подал два экземпляра журнала и, обернувшись к залу, крикнул:

— Экстренный выпуск! Летающие тарелки над Штатами!

Трудно передать начавшуюся суматоху. Все устремились к разносчику. Задвигались стулья, зал наполнился беспорядочным говором, выкриками. Джаз умолк, не окончив танго. Митчелл кивнул маэстро и бросил на эстраду номер журнала. Маэстро ловко подхватил журнал, перевернул обложку и театрально крикнул в зал:

— Внимание! Внимание! Летающие тарелки над Штатами!!!

Он обвёл предупреждающим взглядом зал и начал читать сообщение:

— «Голубой трансконтинентальный экспресс проходил вблизи скалистых хребтов Кордильер. В 19 часов по нью-йоркскому времени в открытые окна ва-

гона донёлся нарастающий рокот реактивных двигателей. Все пассажиры бросились к окнам.

Вот что они увидели:

Впереди по ходу поезда, прячась в курчавых барашках облаков, летели непонятные, управляемые по радио, адские атомные машины, напоминающие перевёрнутые вверх дном глубокие тарелки.

Через несколько минут наши высотные батареи дали залп. Навстречу «тарелкам» с воем понеслись снаряды, оставляя за собой огненные хвосты.

Вскочив на стол, я нажал кнопку своего «кинапа» и снял последующие события на плёнку.

Что запечатлел мой аппарат?..

Когда снаряды достигли белых барашков, маскирующих адские тарелки, вспыхнули взрывы, разбрасывая во все стороны багровое пламя. Донёлся грохот, превосходящий гул землетрясения.

Воздушной волной выбило окна, закачались вагоны, и поезд стал, задержанный страшным вихрем.

Так адские машины большевиков были расстреляны нашей артиллерией. Нападение не удалось, но может повториться с ещё большим коварством.

Фрэнк Фостер».

От редакции: Подробности читайте в очередном выпуске.

Генри и Джон покинули кафе.

Народ, высыпавший на улицы, остановил движение. Всюду крики, шум, истерические голоса родственников тех, кто ехал «Голубым экспрессом».

А Митчелл самодовольно улыбался.

ГЛАВА IX

В ЗЕЛЁНОМ ПЕРЕУЛКЕ

Дачный пригород Самгуни. Широкая асфальтированная улица с ровными рядами стройных, как свечи, тополей ширококронной черёмухи скорее похожа на большой городской бульвар. Вдоль тротуаров, от-

делённых от полотна мостовой высокой каменной бровкой, тянется забор однотипного штакетника. В каждом квартале пять домиков-дач, расположенных в глубине квартала и отделённых от улицы густой зеленью палисадников. Весной, когда цветёт черёмуха, вся улица покрывается сплошным белым кружевом. Воздух наполняется пьянящим ароматом.

Улица и посёлок возникли недавно. Прежде здесь был густой хвойной лес. Лес и сейчас вплотную подступает к дачам. Многие улицы упираются в густой бор, где летом собирают ягоды, а осенью — орехи, шишки. О его близости напоминают названия многих переулков: «Сосновый», «Малинник», «Мачтовый бор», «Глубокий лог» и т. д.

В переулке, названном Зелёным и ведущем к «Пади трёх ключей», стоит богатая двухэтажная дача, обнесённая высоким тесовым забором. Позади дачи густой ельник, скрывающий начало обрывистого ущелья, тропинка по дну и осыпям которого выводит к реке Самгунь. Недавно жители переулка стали замечать, что на даче произошли перемены. Сначала появилась злая овчарка, громким лаем предупреждавшая владельцев дачи о приближении посторонних. Потом в окнах второго этажа опустились плотные шторы. Но самым любопытным событием, привлёкшим внимание дачных ребятишек, были какие-то следы на тропинке, ведущей от реки Самгунь к даче.

Однажды двое ребят из Зелёного переулка задумали узнать, кто же ходит на дачу по тропинке оврага. Выбрав удобное место, они укрылись в ельнике над самым обрывом и стали ждать. Когда солнце опустилось за лес и надвинулись сумерки, на тропинке появился неизвестный человек. Он шёл осторожно, поминутно останавливаясь, прислушиваясь к шорохам ельника. Ребята притаились, почти перестали дышать. Незнакомец вышел из оврага, ещё раз внимательно огляделся и, пригнувшись, прошёл несколько шагов в сторону от тропинки. Ребята видели, как он разгрёб под большой елью прошлогоднюю хвою и что-то поднял. В то же время на даче раздались три коротких звонка. Незнакомец положил взятый предмет на место,

тщательно забросал хвоей, наблюдая за калиткой дачи.

Минуты через две калитка открылась. Из неё вышла старуха, посмотрела направо, налево, вынув платок, не спеша вытерла лицо и так же медленно возвратилась во двор дачи, прикрыв калитку.

Незнакомец осмотрелся, неслышными шагами подошёл к калитке и скрылся за ней. Мальчики переглянулись, кивнули друг другу и, крадучись, перебежали к той ёлке, под которой что-то делал незнакомец. Разрыв осторожно хвою, ребята обнаружили деревянную коробочку. Нерешительно открыли её. В коробке оказалась розетка с кнопкой электрического звонка. Только тут ребята заметили, что от деревянной коробки идёт провод.

— Бежим домой, — предложил один из мальчиков.

— Нет, подожди, — шёпотом ответил другой. — Я сейчас залезу вон на ту ёлку и посмотрю во двор дачи. А ты, если что, пискни мышью.

Он осторожно, стараясь не задеть сухих веток, взобрался на ель. Раздвинув густые лапы хвои, сквозь просветы в ветвях стал смотреть, что происходит на даче. Через несколько минут в палисадник дачи со стороны переулка проскользнули ещё две тени и тут же во всех окнах опустились плотные шторы.

Спустившись с ёлки, мальчик шепнул брату:

— Бежим домой. Расскажем всё папе.

Обогнув ельник, примыкавший к даче, мальчики огородами побежали к дому.

— Опять до ночи в лесу были? — строго спросил отец, но, заметив взволнованные лица ребят, переменил тон: — Что случилось?

Мальчики невольно оглянулись на освещённую зелёную дачу и начали наперебой рассказывать.

Выслушав сбивчивый рассказ, отец улыбнулся.

— А я думал что-нибудь серьёзное. Мало ли кто может прийти на дачу в летнее время. Тем более, что у соседа столько знакомых... Ужинайте и ложитесь спать. Завтра разбужу рано — пойдём в лес.

Успокаивая ребят, он думал: «Любопытно. Кто же навещает этого учёного, прячась по оврагам?» — он

вышел на террасу, постоял минуты две и вернулся в комнату.

— Таня, укладывай ребят, — сказал он жене. Я скоро вернусь. Нужно съездить на работу, подписать срочные бумаги.

— Только не задерживайся, Дима, — понимающе ответила жена.

— Не беспокойся. Вернусь через час — полтора, не больше, — добавил он и пошёл к автобусной остановке.

Что же происходило в это время за закрытыми ставнями зелёной дачи?

Один из пришедших был хозяин дачи — кандидат наук Эмиль Фирсун. Войдя в гостиную, он спросил у сидевшей за рукоделием старушки:

— Пришёл?

Та молча кивнула и указала глазами на дверь с тяжёлыми бархатными портьерами.

— Мы будем в кабинете. Пригласите.

Хозяин показал своему спутнику на противоположную дверь, пропустил его вперёд. Как только за ним закрылась дверь, незнакомец покровительственно хлопнул хозяина по плечу:

— Неплохо, господин... «Брюнет-прима», устроились... укромный уголок. Вокруг лес — великолепная маскировка. Удобные подступы.

Хозяин дачи почувствовал, что у него холодеют пальцы. Человек, назвавшийся при первом знакомстве «профессором», оказался явным разведчиком. Эмиль Фирсун не чувствовал особого угрызения совести, когда выполнял за приличное вознаграждение некоторые поручения. Но теперь, когда его дача оказалась резидентурой разведки, он испугался. Ему вдруг показалось, что за дачей кто-то следит. Он слышал, как стучит сердце, но не мог ни вымолвить слова, ни сдвинуться с места.

В раскрывшейся двери показался незнакомец, который пробирался к даче по тропинке оврага. Переступив порог, он по-военному вытянулся, но его перебил «профессор»:

— Отставить, Пауль, не время. Докладывайте кратко.

— Именно кратко. Всё сказано вот в этом документе.

«Профессор» взглянул на растерявшегося владельца дачи и процедил сквозь зубы:

— Оставьте нас...

Эмиль Фирсун не помнит, как очутился в другой комнате. Он устало опустился на стул, обхватил голову руками и произнёс тоном обречённого: «Пропал... Погибло всё...»

Принимая протянутый листок бумаги, «профессор» привычным движением левой руки одел роговые очки. Он дважды прочёл текст и вопросительно взглянул на собеседника.

— А где подлинник? Почему только выдержка из документа?

— Подлинник представляет собой сильно забитый лист копировальной бумаги. Его сейчас разбирают, но надежд на большие подробности никаких. Всё, что удалось разобрать, занесено на эту фотограмму.

— Значит, здесь всё?

— Полагаю, господин адмирал, что для такого опытного разведчика, как вы, этого более чем достаточно.

«Профессор», польщённый комплиментом, ещё раз прочёл текст фотограммы, гласившей: «... в радиусе 400 километров от города Б... с 15 по 20 июня закрыть движение гужевого, автомобильного транспорта и пешеходов. В ноль часов 20 июня прекратить на 10 часов движение самолётов и поездов. Установить военный карантин на все дни. Вход в зону по специальным пропускам. Персонал охраны сформировать из офицерского состава в соответствии с прилагаемой инструк...»

— Так, так,— чуть слышно произнёс «профессор», нервно барабанил по сукну стола холёными пальцами. Медленно поднялся, молча прошёл от стола к двери, заложив руки за спину, и, вернувшись к столу, остановил испытующий взгляд на Пауле.

— Сегодня 11 июня. До закрытия зоны немногим больше трёх суток...

— Жду приказаний,— сказал, щёлкнув каблуками, разведчик.

— Ваше мнение, коллега?

— Один из опытных разведчиков должен попасть в зону испытаний. Связь — рация 557.

— Этого мало, очень мало... Одному человеку такая операция не под силу. Секрет испытаний вместе с языком, который владеет этим секретом, должен быть в наших руках. И главное, без шума.

«Профессор» подошёл к висевшей на стене карте Азии и, очерчивая взмахами стэка прибрежные уступы моря, продолжал:

— Видите: озёра, тростники. Вот здесь в районе зарослей камыша островок. Вот он-то и может благоприятствовать исходу операции.

Пауль понял намёк «профессора». Встретившись с ним взглядом, почтительно склонил голову и кратко изложил новый план.

— Изучение местности, доставка «языка» на борт гидросамолёта — и секрет перестаёт быть секретом.

— Только не горячитесь. Садитесь и слушайте внимательно.

«Профессор» взял со стола фотокопию полученного документа и начал излагать подробности плана операции.

— Поедете поездом до канала. Там под пешеходным мостом вас будут ждать. Пароль: «Голубая вода». В супергондоле спуститесь вниз по течению до развалин крепости, помеченной на карте. Здесь её затопите. Определите ориентиры и проберитесь в район города «Б». В остальном полагаюсь на вашу смелость и находчивость. В обществе профессора Кремлёва спуститесь в гондоле по течению в море. Плыть без освещения. В море вас встретит подводная лодка. Её опознавательный знак — двойной сигнал треугольников синего и зелёного света на перископе. На него вы ответите дважды включением внутреннего красного света. Всё ли вам понятно?

— Да, профессор!..

— Попутно ещё попрошу захватить кое-какие необременительные посылочки и их содержимое... рассеивать из окна вагона, если не будет свидетелей, или... выбор путей оставляю за вами.

Он взял со стола три картонные коробки и пояснил с невозмутимым видом:

— Когда поезд пройдёт станцию «Дальняя», откройте первую коробку. В ней 50 ампул. Одну за другой бросайте подальше от вагона в растительность, кусты или посевы — всё равно. Лучше если они будут разбиваться... После отхода поезда от города, обозначенного на вашей карте красным крестом, возьмите вторую коробку. А как переедете мост через реку «А», сразу за тоннелем кончайте с содержимым третьей.

— Простите, господин профессор... Но... что же всё-таки в ампулах?

— Пустяки... изначально сонного паралича...

Опытный глаз «профессора» заметил искусно скрываемое опасение разведчика за свою жизнь. Он покровительственно похлопал Пауля по плечу.

— Ничего, ничего! Иногда и рисковать можно. Хозяева платят хорошо. За каждый очаг вспыхнувшей эпидемии — чек на круглую сумму.— Он пристально посмотрел на своего помощника и поднял палец.— Сотни миллионов долларов расходуются на эти дела! Наши акции поднимаются, Пауль...

— Да, но разведчик и вредитель...

— Э-хе-хе-хе!.. Так вот оно что! Вас мораль разведчика беспокоит. А какая разница — похитил чертежи нового оружия, взорвал секретный завод, заразил чумой птицеферму или подсыпал яд в бокал противнику, или даже просто пулю ему в лоб — какая между этим разница? Никакой! В борьбе за своё существование все средства хороши. А нам ещё и платят.

Он взвесил на руке картонные коробки, как бы определяя, сколько долларов он получит за эту людоедскую работу, и добавил с улыбкой:

— Разве уютная дачка на берегу Женевского озера не стоит этих поручений?

Пауль пытался что-то сказать, но «профессор» опередил его:

— Я понимаю, понимаю вас. И за старое получите. Вот это будет оплачено в любом банке по вашему выбору.— С этими словами он протянул чек на 5 тысяч долларов.

ГЛАВА X НАКАНУНЕ ИСПЫТАНИЙ

Капитан пограничной заставы обходил дозоры. Он хорошо знал каждую балку, каждый кустик на своём участке. Говорили, что он узнавал бойцов заставы не только по походке, но и по отпечаткам сапог на песке.

Осторожно пробираясь по узкой тропинке, выходящей берегом реки между кустарниками и камышом, капитан чутко прислушивался к шорохам. Вдруг ему показалось, что в полосе солнечного света, пересекающего зеркальную гладь реки, что-то блеснуло. Он застыл на месте, чуть-чуть раздвинул перед глазами покрывавший голову и плечи зелёный травяной капюшон и стал наблюдать за зеркалом тихо катившей свои воды реки. Минуты через две ему показалось, что несколько ниже по течению снова что-то блеснуло точно так же, как блестят в солнечных лучах линзы перископа.

Капитан вскинул бинокль и стал наблюдать за подозрительным предметом, плившим по реке значительно медленнее её течения. В бинокль он хорошо видел, что предмет, показывающийся время от времени на поверхности, не похож на корень плывущего под водой дерева. Если бы даже он был убеждён, что это дерево, для него этого было бы достаточно, чтобы поднять тревогу.

Капитан вспомнил недавний случай. Из воды выглядывал небольшой корень плывшего дерева. К нему подлетела чайка, села и вдруг с криком вспорхнула, закружилась над корнем. Капитан решил проверить, что встревожило чайку. Вызвали сторожевой катер. Подъехавшие пограничники нашли около плывшего дерева человека, который, находясь под водой, дышал через шланг, привязанный к торчащему над водой корню..

Сейчас капитан был уверен, что плывущий предмет и на этот раз тоже таит какой-то сюрприз. Как бы в подтверждение его догадки, странный предмет вдруг начал перемещаться наперерез течению, приближаясь к высоким прибрежным камышам. Капитан, не выпуская его из виду, короткими перебежками добрался до секрета и, поручив наблюдение за плывущим предметом часовому, связался по телефону с комендантом заставы.

А солнце уже коснулось горизонта. Спускались сумерки, укрывая полумраком прибрежные заросли. Странный предмет приблизился к камышам и скрылся за их высокой стеной. Капитан перебежал к следующему секрету, поближе к камышам. Ему слышались приглушённые голоса и лёгкие всплески воды, но из-за кустов, камышей ничего не было видно. В камышах, перекликаясь, крикали утки. «Значит, людей нет», — отметил про себя капитан. Часовой прикоснулся к его плечу и шепнул:

— Поплыли дальше.

Напрягая зрение, капитан отыскивал плывущий предмет и стал следить за ним. За поворотом плёса показался катер. Отдав короткое приказание, капитан неслышно сбежал к реке, поджидая. Вскочив на катер, он занял место у штурвала. Юркое судёнышко рванулось вперёд и, обогнув камыши, пошло на сближение с таинственным предметом.

— Включить прожектор? — спросил вполголоса старшина.

— Ни в коем случае! — отрезал капитан и растегнул висевшую сбоку кобуру пистолета. Как бы в ответ у всех бойцов согласованно щёлкнули затворы автоматов.

Катер сбавил ход.

— Под водой свет, — отметил стоявший на носу боец.

Метрах в пятидесяти под водой плыл огромный застеклённый купол. Под ним, чуть согнувшись и прильнув глазами к окулярам перископа, обращённого в сторону берега, сидел человек и нажимал ногами поочерёдно педали горизонтальных рулей, точно ехал на

велосипеде. Внутренность купола освещалась маленькой электрической лампочкой, прикрытой сверху тёмным колпачком. Когда стемнело больше, человек начал методически повторять одни и те же движения, как будто накачивая насосом автомобильную камеру. Потом посмотрел на приборы, поставил на прежнее место воздушный насос, соединённый нижним концом с гибким шлангом, и повернул кран металлической трубы, уходящей под настил пола.

Через минуту на поверхности воды забурлили воздушные пузырьки, и стеклянный купол всплыл почти до половины. Сидевший в нём человек не отрывал глаз от берега. Чуть покачиваясь, купол вошёл в узкий коридор прибрежных зарослей.

На берегу его уже поджидала группа автоматчиков.

* *
*

Открыв журнал наблюдений, Владимир Петрович сделал первую запись «19 июня 19... года. Багряный закат заволакивается плотной пеленой испарений. Ложные отражения окрестностей поминутно меняют формы своих очертаний. Температура плюс сорок граду-

сов. Лёгкое движение раскалённого воздуха юго-западной четверти...»

Закрыв журнал, он погрузился в раздумье. На улице стояла гнетущая тишина: не слышно голосов, лая собак — точно всё живое вымерло. И люди передвигались как-то осторожно, крадучись — так угнетала эта нестерпимая жара, не спадающая ни днём, ни ночью вот уже второй месяц. Глубоко вздохнув, охваченный размышлениями, Владимир Петрович сказал про себя:

— Да-а. Засуха несёт неурожай... Попробуем завтра прогнать этот палящий зной...

За его спиной скрипнула дверь и послышался мягкий женский голос:

— Владимир Петрович, чайку попейте.

— Спасибо, хозяйюшка, иду.

Перед окнами, поднимая тучи пыли, остановился вынырнувший, точно из-под земли, райкомовский «газик». Секретарь райкома партии Василий Ефимович шепнул что-то шофёру и ловко выпрыгнул из машины.

Спустя минуту он уже был в горнице. Владимир Петрович встретил его приветливо и сразу же поинтересовался:

— Ну, как там в зоне, всё готово?

— Всё в порядке. Начальник охраны проверит посты заграждения, проинструктирует охрану и подъедет сюда.

Он посмотрел в сторону степи и добавил:

— Вот он уже пылит за склоном...

Открытый газик выбежал на холм, развернулся на скрещении дорог и стремительно покатился к селу. Минуты через три, поравнявшись с домом, машина остановилась. Начальник охраны, козырнув по привычке, доложил:

— В зоне без происшествий, Владимир Петрович. Охрана на местах. Укрытия надёжны.

— Мои замечания насчёт скирд соломы и крыш учли?

— Так точно. Вызваны пожарные машины. Сейчас поливают последнее гумно.

— Тогда идёте чаёвничать. В двадцать два часа

нужно быть у аппаратов. Предупредили ваших людей, чтобы до сигнала ракеты не курили?

— Самым категорическим образом.

— Ну, заходите в комнату.

Входя в комнату, подполковник наклонился к секретарю райкома.

— Пограничники задержали неизвестного. Приплыл по реке в гондоле, под прикрытием камышей намеревался высадиться. При задержании оказал вооружённое сопротивление. Повидимому, не один. Никаких документов. Назвался Карлом Януш.

— Вот и хорошо. Завтра с ним разберёмся.

ГЛАВА XI В САМГУНИ

Антон Савельевич возвратился из «Долины архаров» в приподнятом настроении, довольный успешным завершением испытаний. В квартире всюду были свежие букеты цветов, разносился вкусный запах печёного. На кухне Лукерья Ивановна вынимала из духовки пирог.

— Недаром вкусным пахнет... Поздравляю, мамочка, с днём рождения...

— А ты думал, мать забыла, что ей сегодня 60 лет исполнилось. Нет, сынок, не забыла. Ой, да ты не так усердно обнимай...

— Что ж, мамочка, гостей звать нужно. Сейчас иду на совещание. Часа через два прибудем.

— Э, за два часа не управлюсь... Приезжайте к пяти.

— Хорошо. А к закускам что-нибудь полагается?

— Это уж мужское дело, сынок. Распорядись сам.

Антон Савельевич умылся, аппетитно позавтракал и ушёл на совещание.

К пяти часам вся семья была в сборе. Женщины, закончив сервировку стола, прихорашивались перед зеркалом. Первым приехал генерал Прозоров с супругой.

А через полчаса гости уже сидели за столом.

В самый разгар непринуждённой беседы зазвонил телефон. Споряну взял трубку.

— Я вас слушаю...

Встретившись взглядом с Галаджи, Споряну утвердительно кивнул головой, ответил в микрофон:

— Передаю трубку...

Галаджи поздоровался с кем-то, не назвав имени, и стал слушать, нетерпеливо повторяя: «Так, так!.. Дальше!..» Потом улыбнулся одними уголками губ. «Хорошо, молодцы!.. Нет, через час—полтора». Положив трубку, он подсел к наблюдавшему за ним Дмитрию Дмитриевичу и поделился новостью: «В районе зоны испытаний задержан неизвестный. Арестован при выходе из гондолы. Видимо, приплыл издалека. Надо полагать, с «деликатным» заданием...»

Галаджи говорил это подчёркнуто спокойно, но Дмитрий Дмитриевич по еле заметным ноткам речи и блеску глаз генерала догадался, что тот сказал не всё.

Встретившись взглядом с Ирой, Дмитрий Дмитриевич незаметно подал ей знак начинать танцы. Ира включила радиолу. Антон и Зина закружились в вальсе. К ним присоединилась Елена Савельевна с Бакановым. Дмитрий Дмитриевич кивком головы подозвал к себе Галаджи. Генерал понял его вопросительный взгляд и сказал тихо:

— Ничего особенного. В гондоле было двое. Пограничники ищут второго. От места высадки до площадки испытаний двое суток ходьбы. Доступ в зону закрыт. Для беспокойства нет оснований.

Сидевший рядом с Дмитрием Дмитриевичем Прозоров уловил отрывки фраз и начал намеренно громко рассказывать профессору последние новости о «летающих тарелках». Дмитрий Дмитриевич подсел к ним и вступил в разговор:

— Любопытно услышать ваше мнение, Пётр Кузьмич. Газетное описание «летающих тарелок» имеет что-то общее с теми небесными пейзажами, которые воспроизводятся вами.

Пётр Кузьмич откинулся на спинку дивана, разделил бороду на две половины, как бы собираясь с мыслями, и ответил с расстановкой:

— «Летающие тарелки» — одна из разновидностей массового психоза, насаждаемого в народе врагами мира. Это просто очередная газетная утка, далеко нацеленный шантаж... Наша авиация не производила, насколько нам известно, полётов над Соединёнными Штатами и не собирается этого демонстрировать. Для испытаний различных технических новинок у матушки-России хватает своих просторов.

— Каков же вывод, Пётр Кузьмич?

— Повторяю, это самая неуклюжая газетная утка, рассчитанная на усиление атомного психоза в народе.

Галаджи украдкой посмотрел на часы. Профессор заметил это и запротестовал.

— Нет, нет! Оставьте и думы об этом — никуда не уйдёте.

— А я и не собираюсь, Пётр Кузьмич, — отшучивался Галаджи, переглядываясь с Дмитрием Дмитриевичем и рассчитывая на его поддержку.

Но Дмитрий Дмитриевич отрицательно покачал головой и закружился в танце. Генерал Галаджи, постояв полминуты, снова опустился на диван рядом с Прозоровым и Кремлёвым, о чём-то оживлённо беседовавшими. Однако вечер для него уже был испорчен. Он шутил, рассказывал анекдоты, что особенно забавляло профессора, но сам был мысленно далеко-далеко отсюда. «Как там в зоне, — упорно думал он, — поймают ли?»

ГЛАВА XII

«ЛЕСНАЯ КАРАВЕЛЛА»

«Итак, снова в «Лесную каравеллу», — думал Ярусов, покачиваясь на заднем сидении быстро мчавшейся легковой машины. — Сумел ли Энрике Томмах сохранить к себе доверие, узнать людей, работающих на барона фон Бретт, каналы его связи с Самгунью? Жаль паренька, если заподозрят его в двойных связях... Да и моей карьере конец, а, может, и жизни...»

Обстоятельства требовали: узнать всех людей, с которыми связан барон, кто, кроме Кинга, Таберидзе и

Галкина-Ковальчука, работает на разведцентр «ОСТ»? Кому, помимо адмирала Ландэ, служит барон фон Бретт?

Последнее было срочным заданием разведцентра «ОСТ», под предлогом которого Ярусов считал вне подозрений поездку в «Лесную каравеллу» с заданием Галаджи.

Развив большую скорость, шофёр будто слился с баранкой руля. Он не отрывал взгляда от полотна шоссе, убегающего под колёса машины. И пассажир, и водитель, казалось, не замечали друг друга.

Вначале Ярусов никак не мог отделаться от ощущения возможного столкновения со встречной машиной или настигнутым на повороте фаэтоном, то и дело попадавшимися на пути. Но потом, вспомнив, что в этой маленькой стране ездят, подражая американцам, по левой стороне, успокоился.

Через три часа машина заметно увеличила скорость, начались петли спусков и подъёмов. Для того, чтобы подняться на один километр, приходится здесь огибать около 30 километров гор и проезжать несколько коротких тоннелей. Шофёр одел цепи, опробовал тормоза. Он долго ходил вокруг машины, словно не решаясь сесть за руль. Трудно сказать, что руководило его сознанием: чувство трусости или предусмотрительность. Он долго и протяжно сигналил. Наконец, сел за руль и поехал на первой скорости.

На горном плато начались густые леса. Сначала встречался клён, дуб, платан, затем пошли хвойные массивы: ель, пихта, лиственница, сосна и тысячелетние кедры-великаны. Если спилить такой кедр, то на его пне свободно уместится легковая машина. По сравнению с этими гигантскими деревьями сосны, толщиной в обхват, кажутся тоненькими прутиками.

В глубине горных дебрей шофёр остановил машину, чтобы наполнить радиатор ключевой водой. Источник, бьющий из скалы, выточил у её подножья глубокую купальню, пополняемую водой зимой и летом, может быть, уже не одно столетие.

Кончилась живописная дубрава. Машина вошла в узкое, как колодец, ущелье. Вершины отвесно подни-

мающихся Базальтовых гор скрывались за пеленой седых облаков. «Чем не Дарьяльские теснины Кавказа?» — подумал Ярусов. Сгущались сумерки. Лакированный голубой лимузин нырнул в последний тоннель и через минуту-две вырвался на простор горной долины. Ещё несколько поворотов — и вырос, точно из-под земли, серый, похожий на гранитную глыбу, пятиэтажный дом. На его фасаде светились метровые неоновые буквы «Отель «Лесная каравелла».

После выполнения требуемых формальностей портье проводил Ярусова до номера. Открыв дверь, он объявил многозначительно, с явной претензией на чаевые:

— Люкс, в современном русском стиле!

В спальне стояли две никелированные кровати. Между ними огромная шкура белого медведя с искусственными фарфоровыми зубами и зелёными глазами уральских самоцветов. Люстры, бра, графин — завода в Гусь-Хрустальном. Ленинградский приёмник. Ярусов включил его и, пройдя по шкале коротких и средних волн, отметил про себя: «Порядок».

Ярусов невольно стал обращать внимание на всё, что его окружает. Мягкий диван, кресла, буфет, стулья и письменный стол оказались работы львовских краснодеревщиков. Дверные никелированные ручки — павловских металлостов. Ковры и дорожки с характерными туркменскими узорами.

Ярусов решил прогуляться, подышать свежим воздухом. Не доходя до горячего источника, падающего с огромной высоты, он неожиданно встретил Энрике Томмаха. Оба удивились встрече. Потом Энрике, спохватившись, отрывисто спросил:

— Какой номер?..

Услышав ответ, он стал на педаль велосипеда и умчался под гору, даже не подав руки.

Вернувшись через полтора часа в номер, Ярусов обнаружил просунутую через замочную скважину записку. Прочитав её, достал блокнот и условным шифром написал телеграмму генералу Галаджи: «Храм жёлтого дракона снова посетил адмирал вместе кривым

«Бароном» так знают о проекте инженера Споряну.— Ярусов».

Отправив радиogramму, Ярусов принял ванну и заказал обед.

Среди завсегдатаев «Лесной каравеллы» оказался кое-кто из старых знакомых.

Юлиан Тамманис — редактор газеты «Вестник труда» — был ещё более худ и длинен, чем на фото. Тень его фигуры, перемещавшаяся по стене, имела поразительное сходство с силуэтом костлявой смерти, какой её изображают художники в юмористических журналах. По его ссутулившейся фигуре можно было предположить, что он перенёс в молодости на своей спине не один десяток тонн грузов из паровозных вагонов.

Но нет. Юлиан Тамманис никогда не был портовым грузчиком и никогда на своём веку не поднимал ничего тяжелее бильярдного кия или бутылки шампанского. Выходец из семьи аристократа, в свои 48 лет он уже был видным прислужником капитала. Когда он стоял перед кем-нибудь из своих «хозяев», опершись на неразлучную спутницу-трость и слегка приподняв шляпу, это было неповторимое натурное изображение лакейского «чего изволите?!».

Какими заслугами Тамманис пробил себе дорогу к редакторскому креслу профсоюзной газеты — никто не знал. Об этом приходилось лишь догадываться по направлению газеты и содержанию путаных мыслей, которые время от времени редактор высказывал в своих передовицах или памфлетах то в адрес одной, то другой фирмы. Никогда не затрагивал он только одну турецкую фирму «Самсунские табак». Это было известно всем. Его называли «Понюшкой султана Назыра» и, видимо, не без оснований. Ни христианское вероисповедание, ни подданство, ни географические расстояния не мешали Юлиану поклоняться магометанину — Назыр-бею, измерявшему дела людей долларами, к тому же по чужим преysкурантам.

Верным своим сподвижником Тамманис считал секретаря редакции Жака Кирьяпулоса. Рядом с высоким и тощим Юлианом Кирьяпулос казался ещё более

круглым, словно надутым. Его живот был настолько велик, что Кирьяпулос мог сесть к столу, только прильнув боком или держа тарелку в руке.

Здесь собрались люди всяких профессий и наций. Вокруг столиков, за приспущенными тяжёлыми портьерами в углублениях ниш сидели группы людей. Одни соревновались в рассказывании анекдотов, другие пили вино и шумно разговаривали. Зал то и дело оглашался взрывами смеха, раздававшегося то за одним, то за другим столиком.

Толстый, с покрасневшимся от выпитого вина лицом, афганец рассказывал легенды об эфенди Насреддине. «Падишах, — величественно провозглашал афганец, — призвал однажды перед свои очи эфенди Насреддина и сказал ему: «Ты, мудрый из мудрых, должен решить одну задачу. Скажи мне, где центр земли?» Эфенди Насреддин провёл по лицу руками, по восточному обычаю, и ответил убеждённо, указывая пальцем: «Вот тут и центр, где стоит ногой мой ишак!» «Неправду говоришь», — возразил шах. «Если не верит шах, — ответил Насреддин, — то пусть прикажет смерить вокруг землю от ноги ишака в одну и другую сторону, тогда и убедится, что именно тут центр земли».

Когда смех утих, афганец начал очередной анекдот.

Не видя ничего, заслуживающего внимания, Ярусов вышел из ресторана, решив обстоятельно осмотреть «Лесную каравеллу».

Он вошёл в лифт и поднялся на террасу, находящуюся над крышей здания.

Здание туристского отеля «Лесная каравелла» стояло на широком уступе горы и было окружено хвойными лесами. С юга перед ним поднималась стена высоких гор, закрывающая горизонт обзора. Склон горы, казалось, до самой вершины был покрыт лесом. Проплывающие по горной долине облака напоминали гигантский тент, опирающийся на вершины гор и медленно перемещающийся на запад. С северной стороны, сразу за площадкой, примыкающей к подъездам отеля, начинался обрыв, спадающий на дно ущелья. В глубине пропасти была ночь, мешавшая разглядеть что-ли-

бо даже отсюда, с крыши пятого этажа. За ущельем шло горное плато, всхолмлённое небольшими возвышенностями, покрытыми сплошной стеной девственных лесов. Дальше шли альпийские луга, а ещё выше лежали снега, окрашенные в розовый цвет багряным закатом солнца.

— Самое лучшее место для наблюдений, — сказал сам себе Ярусов и решил сделать несколько пробных снимков.

Вскоре потянул ветерок, и на открытой террасе, на высоте почти трёх километров над уровнем моря, стало свежо. Ярусов вызвал лифт, чтобы вернуться вниз и проявить пробные снимки. В фойе первого этажа он обратился к швейцару:

— Скажите, пожалуйста, где у вас фотолаборатория?

— Перейдите в левый отсек. Там, рядом с кинозалом фотоателье и при нём лаборатория.

Проявив плёнку и закрыв её в камеру воздушной сушки, Ярусов стал рассматривать коллекции групповых снимков развлекающихся туристов, увеличенные крупным планом открытки, фотоэтюды и пейзажи окрестностей. На одной из витрин фотоателье он заметил в группе туристов очень знакомого офицера-иностранца. Он долго припоминал свои рискованные поездки с поручениями Ландэ, восстанавливая в памяти лица встречаемых им офицеров иностранных разведок, но никак не мог припомнить того, кто стоял перед ним на фотографии.

— Знакомого встретили? — спросил его дежурный фотограф.

Напряжённо работавшая мысль мгновенно подсказала решение.

— Да, да! — живо согласился Ярусов. — Тут два человека мне близко знакомы, даже больше чем знакомы. С одним я состою в родстве. Я бы очень хотел иметь этот снимок. Во сколько это обойдётся?

— Сушие пустяки. Три доллара, и через час у вас будет отличная копия.

— Доллара? — удивился Ярусов.

— Да, доллара. Теперь тут всё: и нефть, и министры — всё за доллары...

— Значит, вы переснимете? — переспросил сомневавшийся ещё в таком удачном обороте дела Ярусов.

— Нет, зачем переснимать. У нас есть и негативы. Я могу отпечатать нужное количество фотокопий.

Ярусов достал портмоне и протянул фотографу три бумажки, пояснив:

— Сделайте, пожалуйста, три общих групповых отпечатка, контрастнее, а затем увеличьте вот этих двух молодых людей в военной форме и того, в штатском, — он указал на опознанного им журналиста Юлиана.

— Сколько снимков?

— Ну... по два хватит.

— Будет сделано. Куда доставить?

— Я зайду сюда.

— Отлично!..

Насвистывая, фотограф отправился в архив отыскивать негативы. Ярусов достал из камеры высохшую плёнку, свернул в трубку и, спрятав в металлическую катушку, направился снова в ресторан, в общество шумной, беспечной компании.

ГЛАВА XIII

В ЗОНЕ «СИД—1»

Владимир Петрович, устав за день, дремал, невольно прислушиваясь к редким, однообразным звукам ночной степи. Сегодня, как и в прошедшие ночи, стояла удушливая тишина. Казалось, сама земля источает этот обессиливающий всё живое, раскалённый воздух. На сохранившейся кое-где растительности нельзя было отыскать даже признаков росы.

Степное селение, раскинувшееся на крутых склонах балки, сегодня казалось мёртвым.

— Пиить!.. — чуть слышно донёсся откуда-то справа детский голос, и вновь всё стихло, точно погрузилось в сон. Но люди не спали, изнемогая от жары.

Назар Гурджия, колхозный животновод, встречал сегодня на колхозной ферме второе новолуние. Сохранить скот — богатство, золотой фонд колхоза — вот основная его задача. 80 симментальских и 45 красностепных молочных коров, выращенных здесь, на колхозной ферме, в эту гнетущую, непривычную для них жару словно таяли на глазах. Они надсадно дышали, тараща глаза. Но достаточно было скрипнуть шестернями колодезной лебёдки, как всё стадо, мыча, бросалось к каменным колодам. И в этом многоголосом «м-м-у-у-у!» тоже слышалось «воды-ы!».

Пятый раз сегодня Назар Гурджия накачивал полные колоды, поливал двор, животных, но не проходило и часа, как всё испарялось, точно с раскалённой сковороды. Напив ещё раз коров, он устало опустился на землю и задремал. На колхозном дворе раздались один за другим 10 ударов о подвешенный кусок рельсы.

Услышал эти удары и Владимир Петрович. Услышал и тут же вскочил, зажжёт ручной фонарик.

— Пора в зону. Надо проверить, как идут последние приготовления.

Вместе с Василием Ефимовичем они поехали мимо постовых и остановились на широкой поляне. Справа возвышался обрыв, слева поляну полукругом огибал густой лес. Посреди поляны стояло несколько укрытых брезентами машин, расположенных на расстоянии 20-ти метров одна от другой. Плотный мужчина в запыленном комбинезоне, обменявшись взглядом с Владимиром Петровичем, сказал стоящему рядом лейтенанту:

— Снять чехлы, проверить углы подъёма направляющих механизмов.

По цепочке, от машины к машине покатился приказ. Владимир Петрович встал на подножку и медленно объехал внутренний полукруг, внимательно наблюдая за подъёмом направляющих механизмов. Василий Ефимович с любопытством рассматривал конструкцию аппаратов передвижной станции искусственного дождевания, мало чем отличающихся от реактивных миномётов «Катюш».

— Если опыты будут успешными, — мечтательно

произнёс он, обращаясь к начальнику охраны, — какую силу получают хлеборобы в борьбе со стихией!

— Да-а, — отозвался подполковник, — управление погодой — великое дело. Если удастся вызвать дождь из ясного неба, это будет революцией в сельском хозяйстве.

— Не только в сельском хозяйстве, но и в экономике всей страны. Все засушливые степи, все пустыни будут поставлены на службу народу.

Машина, обойдя круг, возвратилась на прежнее место. Владимир Петрович, соскочив с подножки, обратился к человеку в комбинезоне:

— Покажите нам блиндаж управления «огнём».

У самой опушки леса они спустились в траншею и по ней прошли в блиндаж. Человек в комбинезоне повернул выключатель. В блиндаже стало светло, как днём. Осмотревшись, как бы прикидывая в уме, выдержат ли толчок взрывной волны стойки блиндажа, Владимир Петрович присел на один из ящиков, заменявших стулья, закурил и взглянул на часы.

— До запуска остаётся полтора часа. Через полчаса лично проверьте угол рассеивания каждой пары аппаратов и отправьте экипажи в укрытия. Задача следующая, запишите.

Инженер записал условия запуска снарядов-самолётов, угол рассеивания и потолок каждой серии залпов.

— Последняя пара аппаратов, — повторил ещё раз Владимир Петрович, — должна послать снаряды ровно через 30 секунд после первой.

Он сделал глубокую затяжку, пустил под потолок блиндажа одно за другим несколько колец дыма, выжидая, пока инженер зоны закончит запись. Потом попросил повторить задачу и добавил:

— Вторая серия снарядов должна уйти в стратосферу через пять минут после первой. Третья — через десять минут. Высота второй серии, как условились: 15 тысяч метров. Высота третьей — 25 тысяч метров.

Владимир Петрович подошёл к начальнику охраны подполковнику Зорину. Тот встретил его вопросом:

— Где вы, Владимир Петрович, намерены находиться в момент запуска снарядов?

— Как где? На наблюдательном пункте, — уклонился он от прямого ответа.

— Точнее.

— В безопасной зоне на соседнем холме... Там, вероятно, мы будем все.

— Все не все, но вам придётся, Владимир Петрович, подчиниться предписанию генерала Прозорова.

— А именно?

— Приказано не подпускать вас к аппаратам ближе 700 метров.

— Очень хорошо! Я как раз облюбовал холмик в километре от площадки. Когда до нас долетит грохот взрыва, снаряды уже будут в заоблачных далях.

— Учтите, Владимир Петрович, — предупредил подполковник. — За 15 минут до запуска закрывается всякое хождение в черте зоны. Ни вопросов, ни ответов охрана не признаёт. В силе будет только одна форма объяснений... «Руки вверх!»

— Договорились. А теперь, — он взглянул на часы, — пора в безопасную черту, — и, обернувшись к инженеру зоны, напомнил: — Сигнал: три ракеты. Третья красная — залп.

ГЛАВА XIV

ИСКУССТВЕННЫЙ ДОЖДЬ

Назар Гурджия дремал, прислонившись к каменной стенке колодца. То, что произошло, он вначале принял за кошмарный сон. Но даже проснувшись окончательно, он не мог понять происходящего.

На огромном пространстве поднебесья, словно занавес, распахнулась ночная мгла. Всё озарилось светом необычайной силы, и грянул всепотрясающий гром, да так, что задрожала земля. Назару показалось, что его кто-то с силой толкнул. Он не помнит, как вскочил, ухватившись за чугунную ручку колеса, жмурясь от яркого зарева. Проснулось всё село. Народ в испуге выбегал на улицу и замирал в неподвижном молчании,

наблюдая невиданное сияние, словно извергаемое вдруг прорвавшимися вулканами Базальтовых гор.

Что произошло в эти предутренние часы, никто толком не мог понять. Не успели люди опомниться, как всё стихло. Лишь откуда-то сверху потянуло прохладой. А затем нивесьть откуда надвинулись тучи, на землю упали тяжёлые, холодные капли, пошёл освежающий дождь, вскоре перешедший в ливень.

Занималось утро. Впервые за два месяца знойного лета начали перекликаться петухи.

Впоследствии жители десятков, а может, и сотен сёл вокруг рассказывали об этом необычном явлении тысячи разных небылиц. Верующие связывали дождь с милостью господней, снизошедшей на землю, внемля молениям служителей церкви.

Однако большинство склонно было считать это естественным явлением природы — «солнечной бурей».

Такой вывод напрашивался сам по себе, так как очень скоро на всей территории, где было видно это загадочное сияние, начался ливневый дождь, сопровождавшийся обычными спутниками — далёкими раскатами грома и резкими порывами ветра.

Начавшийся к утру дождь лил, не переставая, до самого вечера. Раскалённая, долго не видевшая влаги почва задымилась тёплыми испарениями. Поднявшиеся от земли густые непроглядные туманы стлались плотной пеленой по степи всю ночь.

На следующий день Владимир Петрович встал до восхода солнца и поехал в степь. Занималось утро, ясное, тихое.

На обратном пути Владимир Петрович увидел интересную картину и остановился. Плотный загорелый мужчина на корточках сидел у заднего ската «газика», осматривая покрытый грязью кузов машины. Узнав в нём агронома МТС, Владимир Петрович стал наблюдать, раскуривая папиросу. Потом подошёл поближе, улыбнулся и спросил:

— Чем это вы, Леонид Васильевич, так заинтересовались?

— Грязью, Владимир Петрович. Первый раз в жизни обнаружил настоящую красоту. Посмотрите, сколь-

ко налипло, будто по весенней распутице проехали. Замечательно! Хорошо промочило почву.

— Да, неплохо. Осадки, мне кажется, вполне достаточны для полевых культур.

— Разумеется. Три таких полива в засушливую пору лета, и тогда никакие суховеи не страшны.

Они отошли на обочину поля, разрыли в одном, другом, третьем месте прибитую ливнем корку паров. Владимир Петрович измерил рулеткой глубину влаги в почве, записал в блокнот данные о количестве выпавших осадков.

— Выше всяких ожиданий,— восторженно сказал агроном, обтирая платком взмокшее от пота лицо.— Теперь знаете что? Пока грузится эшелон, проедем-ка немного в сторону. Интересно посмотреть, как себя чувствуют хлеба в других местах, скажем, километрах в сорока от места испытаний.

Владимир Петрович улыбнулся, вспоминая, сколько уже им осмотрено полей, взглянул на часы.

— Ну что ж, поедем. Любопытно сравнить распределение осадков на разных площадях.

Машины снова закружились по полевым дорогам, вышли на районный большак и помчались навстречу восходящему солнцу по прямой, как стрела, дороге, убегающей к горизонту. Справа и слева пошли поля озимой пшеницы, играющие мириадами алмазных искорок. Агроном, любуясь этим зрелищем, мысленно прикидывал, сколько даст прибавки в урожае прошедший дождь. А Владимир Петрович думал о том, как лет через пять при искусственном дождевании преобразится этот засушливый край.

Переехав балку, машины взбежали на высокий холм. Вдали виднелись строения большого села. Справа начались бахчи. Леонид Васильевич положил руку на плечо шофёра.

— Вася, остановись. Идёмте, Владимир Петрович, послушаем, что говорят колхозники.

— Любопытно. Очень важно услышать мнение населения.

Они вышли из машины и по протоптанной дорожке направились к видневшемуся шалашу. Старый кол-

хозяин — сторож бахчи — ещё издали узнал агронома и сразу же стал делиться впечатлениями.

— Чудеса какие-то! Два месяца стояла сушь. Рост на полях прекратился. А тут вчера ночью ни с того, ни с сего — дождь из ясного неба. А гром-то какой грянул, ой-ой-ой...

— А разве это плохо, Афанасий Андреевич?

— Да кто говорит, плохо. Посевы ведь ожили. Вон как листва на бахче повеселела. Не о том говорю. Шестой десяток доживаю, но такого не видел, чтоб в чистом небе гроза была. Может, вы объясните?

Леонид Васильевич кивнул на Владимира Петровича.

— Этот учёный всему виновник. Объясните, Владимир Петрович, что за громы и молнии запустили вы в небо.

Когда Владимир Петрович закончил рассказ о проведённых опытах, старик заключил:

— Так мы и думали, что неспроста разразилась эта небесная суматоха. Да и в газетах писали о такой же небесной комедии где-то в соседних местах. Ну, стало быть, думаем, и в наших местах кутерьма сродни той. Так оно и выходит...

Он помолчал немного, потом добавил, с уважением поглядывая на учёного:

— Вот бы такую машину для колхоза купить. Где нужно, там бы и потрусил дождиком.

— Скоро, Афанасий Андреевич, скоро, — ободрил его агроном, — если не в колхозе, то в районе будем иметь такую машину. Вот проверят её в работе и передадут заказ на завод.

— Чего ж проверять-то? Своими глазами видели — действует за моё почтение. А дождик-то какой! Как голубая слеза: прозрачный да холодный.

Побеседовав с говорливым сторожем бахчи, проверив степень увлажнения почвы в нескольких местах, они возвратились на станцию. Эшелон уже был готов к отправке. Секретарь райкома встретил Владимира Петровича новостью.

— Вам телеграмма, Владимир Петрович, — сказал

он, подавая бланк с жирным красным грифом «Правительственная».

Пробежав телеграмму, Владимир Петрович улыбнулся:

— Ещё одна генеральная репетиция...

Василий Ефимович заглянул в телеграмму и воскликнул:

— Вот это да! «На южной границе «Мёртвой степи» запустить пятью ярусами по сто снарядов от 10 тысяч метров до предельной высоты...» Представляю, себе, какой там гром великий грянет!

Владимир Петрович осмотрел состав, ещё раз попрощался с Василием Ефимовичем и поднялся на подножку вагона. Поезд медленно тронулся, застучали колёса на стыках рельс, и вскоре последняя платформа вышла за семафор. Донёсся прощальный гудок, и состав растаял в синеве вечерних сумерек.

Поезд уходил на юг, к конечной станции, прижавшейся к Базальтовым горам. В этот вечер журнал наблюдений Владимира Петровича пополнился ещё одной записью.

...«Ливневый дождь, перемещаясь с севера на юг, захватил площадь шириной в 300—400 километров. Количество осадков в центре циклона достигает 25 сантиметров — больше, чем достаточное для разового орошения любых сельскохозяйственных культур».

Окончив запись, Владимир Петрович закурил папиросу и задумался над тем, какое действие произведёт такая бомбардировка стратосферы зимой в зоне продолжительных снегопадов и метелей... «Что она вызовет, — думал он, — дождь, снег или град?»

ГЛАВА XV

НОЧЬ ВОЛШЕБНОГО СВЕТА

Наблюдая за подвыпившей компанией, Ярусов про себя думал, насколько каждый из них подл и ничтожен. И в нём проснулось мальчишеское озорство, хотелось пощекотать нервы этих бездельников, зло подшутить над ними. Но спохватившись и посмотрев на

часы, он учтиво извинился перед занимавшими вместе с ним столик дамами и вышел в фотолабораторию.

— Я не обнаружил в архиве негатива нужного снимка, — пояснил фотограф, — пришлось переснять копию.

Добавив ещё пару кредиток фотографу и получив снимки, Ярусов закрылся в своём номере.

Долго и внимательно рассматривал Ярусов заинтересовавший его снимок офицера-иностранца, не то итальянца, по внешности, не то испанца, по мундиру, но не мог прийти ни к какому выводу. Так, склонившись над фотокарточкой и думая, он подрисовывал мягким карандашом штатский костюм вместо военного, стараясь узнать незнакомца по штатской одежде. Точно электрический ток, пробежала в сознании догадка.

— Таберидзе! — почти вскрикнул Ярусов и пугливо оглянулся на входную дверь.

Сомнений не оставалось. Это был он, агроном-цитрусовод Таберидзе, в мундире офицера испанского легиона.

На другой день Ярусов снова начал разглядывать фотоснимки. Дорисовав по памяти костюм, в котором он в последний раз видел Таберидзе, он широко улыбнулся, думая: «Это, безусловно, он, Таберидзе... Но кто с ним в компании, на кого эти люди работают?»

Он занялся пристальным изучением другого снимка, припоминая, с кем из знакомых ему лиц схожи эти подвыпившие физиономии.

— Ба-а-а! — удивился Ярусов. — Да это же начальник АХО института ЦАВИ и его супруга Фаина Григорьевна — заведующая библиотекой института. Но как мог этот снимок попасть в «Лесную каравеллу», ведь начальник АХО никуда не выезжал за последние пять лет? Где они сфотографированы, за чьим семейным столом? — Постой, постой, — сказал он громко, — а брюнет-то на втором снимке совсем не тот, не Таберидзе, хотя и похож. Кто же это?

Напрасно Ярусов напрягал память. Он не знал в лицо Эмиля Фирсун. А на фото был именно он. Но и Фирсун не смог бы объяснить, как этот снимок попал

в «Лесную каравеллу». Хотя, хорошенько вспомнив, под тяжестью неопровержимых улик, он мог бы сказать, что плёнка, на которую им были засняты чертежи инженера Споряну и «серебряная свадьба» начальника АХО института ЦАВИ, была продана им разведцентру «ОСТ».

Не придя ни к каким выводам о личности жгучего брюнета, Ярусов спрятал снимки, составил подробный текст шифровки и, взяв бланки радиogramм, напечатал на дорожной машинке шифровку, потом телеграмму-шутку, предвкушая её воздействие на ресторанную компанию. Телеграмма-шутка гласила:

«Лесная каравелла», Юлиану Тамманису. Ровно семь часов пулковскому 21 июня слушайте важную передачу девятнадцать пять десятых.— Редакция».

Спустившись вниз, Ярусов положил телеграмму в руку коридорного вместе с долларовой бумажкой и объяснил, кому вручить. Присев к одному из столиков и не скрывая приподнятого настроения, Ярусов небрежным жестом подозвал официанта, заказал бокал вермута, продолжая наблюдать за компанией Юлиана. Минуты через две коридорный появился в зале и произнёс нараспев:

— Юлиану Тамманису, молния!..

Весь зал настороженно обернулся, наблюдая за нетерпеливо скользящим взглядом Юлиана Тамманиса. Пробежав депешу, редактор порывисто встал и громогласно объявил:

— Господа, дорогие дамы! Сенсация, важная сенсация... — Он громко прочитал вслух текст телеграммы и, обведя зал наполеоновским взглядом, важно опустился в кресло, добавив многозначительно: — Скоро услышим новости.

Ярусов посмотрел на часы: по пулковскому времени было без десяти семь.

Через несколько минут компания Юлиана, а по её примеру и весь зал наполнил бокалы. Предложил своим собеседникам тост за предстоящую сенсацию и майор Ярусов.

Часовая стрелка приближалась к цифре 7 В зале

установилась напряжённая тишина. Все следили за часами.

Наконец полилась мелодия их боя. Все поднялись с бокалами в руках. Стоял с бокалом в руке и улыбающийся Ярусов, чувствуя себя в этот момент именинником. Он с волнением ожидал, думая: «Сейчас, через секунду...»

Под сводами «Лесной каравеллы» полились звуки далёкого джаза. Собеседники Тамманиса переглянулись, пожимая плечами. На второй минуте мелодия бравурного джаза утихла и раздался отчётливый голос диктора: «Внимание! Внимание! Говорит...»

И вдруг слышимость пропала. Вперемежку с грозовыми, всё нарастающими разрядами удалось разобрать ещё несколько слов: «...испытание двигателей... двадцать тысяч километров... одним центнером топлива...»

Грозовые разряды совершенно заглушили слышимость. Репродукторы заполнили зал завывающим стоном и грохотом. Однако и отрывки фраз произвели сильное впечатление. Все сидели молча, затаив дыхание, впившись глазами в висевшие на стенах репродукторы. Вдруг чей-то голос разорвал напряжённую тишину зала:

— Смотрите, смотрите! Какая молния!

Все устремились к окнам. Где-то за Базальтовыми горами, а может в них, неслись в высоту яркие полосы света, точно лучи мощных прожекторов. Через несколько мгновений в далёком небесном пространстве полыхнуло огромное зарево, заставившее всех зажмуриться.

Обитатели «Лесной каравеллы» сначала затихли в немом изумлении, потом начали шумно делиться впечатлениями. Но там, где пять минут тому назад разверзлись небеса, уже стояла непроглядная туча, раздираемая докатившимися до «Лесной каравеллы» раскатами грома.

— Ну и гроза... — произнёс кто-то нараспев, не скрывая своего удивления.

Через 10—15 минут набежал порыв ветра. Захлопали створки окон, входные двери. По стёклам, желез-

ной крыше забарабанил всё нараставший дождь. К утру он достиг небывалых в этих местах размеров. Люди забыли о веселье, отдыхе и сне. По коридорам поползли плоды фантазии перетрусившей публики.

Дождь, не утихая, лил сутки. Горные потоки бушевали, заглушая говор людей, заполняя гулом водопадов всю долину.

Израсходовав плёнку и сделав нужные записи, Ярусов вернулся в номер и лёг на кровать, перелистывая журнал и припоминая, как пристально смотрел на него барон фон Бретт, как поменялся местами за своим столиком с одним из собеседников и весь вечер шептался с ним? «Что означает этот кивок в мою сторону, — думал Ярусов, — сидевшего с ним человека с картонным лицом?.. Уж не замышляется ли что против меня?..»

Перебирая в памяти последние, самые важные данные, полученные от Энрике Томмаха, он отметил про себя: «Значит, «Консул» — это Таберидзе, резидент разведцентра в Самгуни; учёный Эмиль Фирсун — шпион, по кличке «Брюнет-прима»... Любопытно. Пауль встречался с Агнессой, после чего она оказалась в СССР... Не готовит ли Пауль провокацию? Ведь он не остановится ни перед чем, может завалить кого угодно... Таких людей я бы близко не подпускал к разведке...»

Ярусов долго не мог уснуть, думая о том, какую ещё подлость выкинет карьерист Пауль Митчелл, и уснул с твёрдым намерением: «При первой же встрече — пристрелю!..»

Проснулся Ярусов рано. Принял ванну, позавтракал в буфете и вернулся в номер. Он долго лежал на кушетке с журналом, потом отложил его и задумался. «В два часа встреча с Энрике Томмахом, — быстро работала мысль. — Не лучше ли отправить кое-какие улики почтой. Разведчик есть разведчик... Может, Пауль за мной наблюдает... Во всяком случае последние ориентировки адмирала довольно странны, мелочны... Что-то не то». Он встал, разобрал плёнку, составил шифрованное донесение Вересаеву, ответ на запрос Ландэ об окружении барона фон Бретт и пошёл на почту.

С почты отправился в кафе, позавтракал вторично. Из кафе зашёл в парк. Устроившись в одной из беседок боковой аллеи, задумался над своим положением. Его всё больше беспокоило то обстоятельство, что разведцентр «ОСТ» перестаёт доверять ему интересные дела. «Может, в номере уже обыск?» — подумал он, беспокойно оглядываясь по сторонам.

Стучало в висках. Ярусов поднялся и, пошатываясь, пошёл в гостиницу. «Кажется, заболел...». — произнёс он полушёпотом. В фойе гостиницы он услышал голос, будто бичом хлестнувший по лицу:

— Николай Руссель, приветствую вас!..

Ярусову показалось, что Пауль Митчелл вместо руки протягивает пистолет. Он схватился за свой «Вальтер» и трижды выстрелил в упор. Выбежал на улицу, стреляя в дверь и окна гостиницы. Потом почувствовал, как что-то тяжёлое упало на голову, и... потерял сознание.

Подбежал полицейский. Собралась толпа.

— В кого он стрелял?

— Ничего не понимаю. Никто за ним не гнался.

Подъехал врач. Осмотрел Ярусова. Когда его перевернули лицом кверху, он истерически забился, выкрикивая бессвязные фразы. Врач скорчил гримасу и, показывая пальцем на свою голову, пояснил:

— Сошёл с ума. Отправьте в психиатрическую.

Так закончилась карьера Николая Русселя—майора Ярусова.

А события шли своим чередом.

ГЛАВА XVI

ЗАГОВОР ПРОВОКАТОРОВ

Редактор «Воскресного журнала» Генри Митчелл сидел в раздумье перед раскрытой папкой, перечитывая сообщения телеграфного агентства Афганистана о «солнечной буре» над Россией. Напротив в кресле полулежал с полузакрытыми глазами, дымя папиросой, Джон Гросс.

— «Солнечная буря», — произнёс редактор, постукивая карандашом о сукно стола. Затем поднялся, обошёл вокруг стола и остановился перед компаньоном. — Джон, хотел бы я слышать твоё мнение об этой «солнечной буре».

— Мнение?.. Моё мнение?.. Оно ещё не сложилось, — ответил рассеянно Джон, не переставая дымить сигарой и не оборачиваясь к собеседнику.

— А что сообщает «профессор», заменивший Таберидзе и Кинга в Самгуни?

— Он связан с Уолл-стритом больше, чем с фирмой «Пенициллин». Фирма не получала ещё его ответа.

Редактор снова сел в своё кресло. После паузы, он резко отодвинул папку и сказал громче обычного:

— Кто есть из наших людей среди научных сотрудников сейсмической службы?

— Не понимаю, — удивился Джон, повернувшись в кресле, — при чём тут сейсмическая служба?

— При чём? — повторил редактор, широко улыбаясь. — А притом, что это не «солнечная буря», а испытание атомных пушек. Большевики готовятся к атомному нападению.

— Ну и что? — резко обернулся Джон.

— Надо кричать об этом и как можно громче. Убедить как можно больше людей. Создать общественное мнение не на Бродвее и Уолл-стрите, а в народных массах ряда стран, везде, где удастся, заражать народ атомным психозом.

— С помощью печати, насколько я понимаю? — уточнил Джон.

— Да! Сейсмическая служба будет периодически «регистрировать» испытания атомного оружия, определять их точки, а мы будем комментировать.

— И под завесой газетной шумихи — вооружать наших союзников, строить военные базы, засылать диверсантов, шпионов, так я понимаю?

— Приблизительно да. Но это уже вопросы большой политики и компетенции дипломатов. Наше дело разжечь страсти и подогреть их.

Редактор посмотрел на ручные часы и поднялся:

— Пойдём в ложу, Джон. Послушаем «Альпий-

ские новости». Вчера вернулся свой человек из Мюнхена. Минут через пять будет в кафе.

Когда они скрылись за дверью, в грот вошла секретарша. Прислушиваясь к стуку передвигаемых стульев в ложе, она села на край стола, нетерпеливо разорвала полученный пакет:

— Посмотрим, что ему пишет братец.

Поставив поудобнее ноги на подлокотник бархатного кресла редактора, она повернулась к падающему от верхнего плафона свету и заскользила взглядом по мелкому почерку письма.

«Дорогой Генри!

Спешу предупредить тебя о крупном бизнесе. Мы помогли скрыться дочери учёного, за изобретением которого охотятся наши шефы. Эта женщина решила порвать со своим отцом, потому что он готовит преступное оружие для массового уничтожения людей. Она поклялась в том, что, как только переправится за «железный занавес» и будет в безопасности, раскроет страшные дела, подготовляемые её отцом по заданию Москвы.

Эта необыкновенная красавица с голубыми глазами, тёмнокаштановыми волосами спрятана нами пока на одном из Кавказских курортов под именем Натальи Ивановны Петуховой. Скоро она будет в Штатах — ждём удобного случая, чтобы переправить её.

Она работала ассистенткой в лаборатории отца и знает многие нужные нам детали. А в какой публицистической оправе всё это можно подать, тебя учить не следует. Это будет не просто свидетельство очевидца, а разоблачение дочери, очень ценное для нас...

По прилагаемому фотоснимку ты можешь судить, какой успех ждёт эту красавицу в мужском обществе. День, когда её ноги должны будут коснуться земли Штатов, я тебе сообщу краткой телеграммой, примерно, так: «Двадцатого, «Куин Мэри», Гамбург — Нью-Йорк».

Жди моей молнии. Пауль».

Пробежав ещё раз текст письма, секретарша неслышно соскользнула со стола и исчезла в потайном ходе, ведущем в ложу, чтобы порадовать редактора захватывающей новостью.

ГЛАВА XVII

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАДАНИЕ

В тот момент, когда секретарша редактора «Воскресного журнала» читала интимное письмо брата Генри — Пауля Митчелла, «профессор», сидевший в кабинете второго этажа дачи Эмиля Фирсун, получил шифрованное задание своих хозяев. Прочитав его, «профессор» нажал кнопку сигнализации. Открылась створка двери потайного хода. «Профессор» кивнул головой вошедшему и молча протянул ему шифровку. Потом закурил сигару и стал наблюдать за выражением лица читающего. Когда тот поднял глаза, спросил:

— Тебе всё ясно, Пауль?

— Безусловно, господин профессор. Но на кого, если не секрет, пал ваш выбор?

— А ты как думаешь?

— Жду приказаний, господин профессор, — щёлкнул каблуками Пауль.

— Именно тебе, Пауль, по плечу такое задание. — «Профессор» взял шифровку и прочитал вслух подчёркнутые строки: «Если удастся вывести лайнер за границу территориальных вод, просигнализировать знаками Морзе красным светом слова «море синее» и для отвлечения внимания поднять панику на судне...» Понятна идея?

— Вполне. Тем более, что патрульные миноносцы, как ориентирует шифровка, будут наготове.

— Та-а-а-к. А детали?

— Нужно связаться с нашими людьми, узнать точный адрес маникюрши Лалы и с её помощью попасть в состав команды лайнера. Положение облегчается тем, что я с ней лично знаком.

— Прекрасно. Но есть ли у неё связи с персоналом порта?

— По-моему, она всё ещё состоит в браке с тем моряком-дизелистом. Наша фирма ей недурно платит за эту моральную жертву.

Когда Пауль умолк, «профессор» предложил сигару и указал на стоящее у стола кресло.

— Какой способ думаешь избрать для того, чтобы вывести лайнер за пределы территориальных вод?

Пауль задумался, несколько раз затянулся сигарой, положил её в пепельницу и начал излагать свой план.

— Способов много, господин профессор, но я считаю наиболее пригодными два. Первый — убрать без шума штурвального и повернуть корабль в зону турецких вод. Второй — проникнуть в машинное отделение и, в зависимости от направления судна, увеличить или уменьшить число оборотов одного из двигателей так, чтобы лайнер отклонился от курса. При большой скорости корабля можно быстро пересечь условную морскую границу и оказаться под покровительством друзей. Второй способ я считаю более эффективным. Его могут и не заметить, особенно ночью.

— Остроумно, Пауль. Одобряю, целиком одобряю второй вариант. А его детали?

— Детали, господин профессор, в зависимости от обстановки.

— В общем, всё ясно. Я целиком полагаюсь на вашу находчивость, Пауль. Учтите, это последнее солидное поручение нам.

— Да, шифровка достаточно прозрачно намекает на это.

— Справитесь?..

— Постараюсь!

Пауль раскланялся и скрылся за дверью потайного хода. «Профессор» взял со стола шифровку и начал неторопливо перечитывать её, вникая в смысл каждой фразы.

«...По сообщению из Самгуни в ближайшие дни начинаются рейсовые испытания нового лайнера. Настоятельно рекомендуется, в связи с неудачей получения чертежей двигателя, проникнуть на лайнер. Судно выходит из бухты «Н». Если удастся, вывести лайнер за границу территориальных вод, просигнализировать

знаками Морзе красным светом слова «море синее» и для отвлечения внимания поднять панику на судне.

Поблизости будут наготове эсминцы, которые интернируют лайнер, отведут его в одну из ближайших гаваней. Пока будут длиться формальности по возвращению «сбившегося с курса» лайнера, наши инженеры успеют сделать всё необходимое.

Действовать решительно!

Разведцентр «ОСТ».

ГЛАВА XVIII

КОНЕЦ ОСИНОГО ГНЕЗДА

Стоя у окна, генерал Галаджи слушал доклад полковника Вересаева о плане операции по ликвидации шпионского гнезда, окопавшегося в Зелёном переулке, на даче Эмиля Фирсун. Вересаеву показалось, что Галаджи не слушает его, думает о чём-то другом, и он умолк.

— Замысел, полковник, хорош, — резко обернулся Галаджи. — Но, я думаю, звонить на дачу нашим людям, даже близко подходить к сигнализации, не следует.

— Медлить больше нельзя. Сегодня заметили малыши, а завтра это привлечёт внимание взрослых — и «птички» улетят...

— Опасения резонны... Но облава может кончиться провалом... Надо ждать в засаде. День, сутки, неделю — только ждать. Пусть просигналит на дачу сам шпион. Мы же не знаем паролей явки — сигналов на дачу. Во всяком случае, не уверены в их чередовании. Позвоните трижды — а может, в этот день нужно дважды или два длинных и один короткий. А это провал операции.

— Вы правы, генерал, — согласился Вересаев. — Мы имеем это в виду. Но как только будет подан сигнал...

— Вот именно, — перебил генерал, — как только шпион просигналит, нужно взять его и взять без шума.

На дачу не допускать. И операцию на даче провести умело, смело и без жертв.

Они склонились над столом. Галаджи внимательно просмотрел все детали операции, задумался. Отошёл к окну, постоял минуты две, потом обернулся к Вересаеву.

— А с ребятами из Зелёного переулка не беседовали? Помнят ли они шпиона в лицо?

— Нет, не беседовал. Не вижу в этом необходимости. Для нас ведь это не новость. Нам давно известны некоторые «гости» этого «учёного». А ребят я знаю, такие не соврут. Судя по их рассказам, появилось новое лицо. Но на установление деталей у нас нет времени. И кроме всего прочего, я не считаю нужным расширять круг людей, посвящённых в наши планы.

— Правильно, полковник... Но меня тревожат некоторые субъективные обстоятельства. У этих наблюдательных ребят, тем более уже догадывающихся о чём-то неладном, наверняка есть товарищи-следопыты. Если ребята запомнили шпиона в лицо и встретятся с ним на улице, непременно решат похвалиться перед товарищами своим шерлокхолмством. Вы представляете себе, полковник, что будет, если шпион услышит за спиной: «...Вот этот самый ходит по ночам на зелёную дачу!»..

— Понимаю, генерал. Но это исключено. Я посоветовал кое-что их отцу. Они не помешают операции.

— И не только это... Впрочем, вы меня понимаете. Обстоятельства обязывают спешить. Помимо ребят то же самое могли или могут заметить и другие, взрослые. Пойдут разговоры по секрету... И в то же время наша цель — выждать, чтобы захватить не только Эмиля Фирсун и «Туриста», но, главным образом, не упустить из этого капкана основную фигуру — главного резидента, выдающего себя то за инженера, то за профессора, учёного. Вот в чём соль вопроса.

Вересаеву стало предельно ясно, почему генерал решил всех сотрудников городского отдела оставить на своих местах. Неожиданная отлучка или замена постовых в дачном посёлке насторожит шпионов, которые, несомненно, знают отдельных работников отдела,

наблюдают за ними. Генерал, будто угадав мысли Вересаева, сказал тоном приказания:

— Поручаю эту операцию вам.

— Благодарю за доверие...

— Подберите людей.

— Понятно.

— Внесём кое-какие коррективы в план операции. — Галаджи решительно подошёл к столу, взял карандаш. — Время, основные детали, исполнители пусть будут известны только нам двоим. — Генерал задумался, постукивая карандашом по столу. Раскурил потухшую папиросу, отошёл к окну, закрыл форточку и заговорил, не оборачиваясь к Вересаеву: — Выходной день для проведения операции не годится, тем более в условиях дачной местности... Ещё лучше организовать в лесу около дачи массовки молодёжи, пикники, выезд людей на рыбалку. Одним словом, надо переждать воскресенье, но... помешать в этот день встрече шпионов. Понятно?

— Так точно, понятно.

Галаджи прохаживался по кабинету, посматривая на окна. Вересаев молча наблюдал за ним. Минуты через две генерал подошёл к столу и постучал карандашом о пустую бутылку из-под боржома. Вошёл адъютант. — Машину к подъезду, — сказал генерал и, обернувшись к Вересаеву, добавил с улыбкой: — поедem за город, на свежий воздух.

Спустившись к подъезду, Галаджи остановился около машины, снял фуражку, наблюдая за огнями пролетающего самолёта. Постоял минуту в мечтательном раздумье, вздохнул полной грудью:

— До чего же изумительно хороша природа в это время. Особенно полуночное небо с его мерцающей алмазной россыпью звёзд...

Возвращаясь после полуторачасовой прогулки в загородном сосновом лесу, Галаджи сказал Вересаеву:

— Значит, договорились. Завтра выходной. В дачном пригороде, на лесных лужайках будут молодёжные массовки. Это хорошо. Шпионы не рискнут встретиться в такой день. Жаль, нет времени, посидел бы и я с удочкой на берегу... В общем, завтра выходной.

— Я и не ориентируюсь на завтра, — заметил Вересаев, поняв намёк генерала.

— Отдыхать, — перебил его генерал, — отдыхать всем. Под вечер созвонимся.

Машина остановилась около квартиры Вересаева. Пожимая руку, Галаджи повторил ещё раз: — Спать не меньше восьми часов. Спать всем. Учтите — проверю.

— Есть спать восемь часов.

* *

*

Вечерело. Эмиль Фирсун — хозяин дачи в Зелёном переулке, заметно нервничал. То садился на диван, закинув ногу на ногу, то вставал, подходил к окну, всматривался в сгущающиеся сумерки. Сидевший в глубоком кресле резидент молча наблюдал за ним. Фирсун вышел на террасу, прислушался, глубоко вздохнул, вернулся в комнату. «Профессор» пристально посмотрел на него и процедил сквозь зубы:

— Нервы шалят? Перетрусили?..

— Очень волнуюсь... Что могло его задержать? Уже девять часов?

— Вчерашний срыв явки «Туриста» вы объясняли выходным днём. «Пикники, игры молодёжи — кругом люди в лесу...» А сегодня тоже могут быть люди, тоже влюблённые пары, прогулки в лесу... Перестаньте топтаться, ипохондрик! Я тоже человек и тоже нервный. Лучше покажите, где у вас потайной выход!...

Фирсун резко обернулся, уставив на «профессора» испуганный взгляд.

— Садитесь, трус! Я говорю вам о предосторожности, а вы голову потеряли. Где потайной выход? В случае чего, я незаметно исчезну, а вы дома, и никаких улик. Поняли?..

— Понял... Потайной выход из ванной комнаты под террасу, оттуда в дровяник, а там, через слуховое окно голубятника, в переулок.

«Профессор» встал, с прищуром посмотрел на хозяина. Подошёл к окну, открыл форточку, затем распахнул створную раму, опустил портьеру, прислушался

к голосам и звукам улицы. «Ничего подозрительного», — отметил он про себя и обернулся к Эмилю Фирсун.

— Показывайте потайной выход!..

Фирсун нехотя направился в ванную комнату. «Профессор» пошёл за ним, незаметно переложив пистолет в боковой карман. Когда Фирсун, подымая люк в полу ванной, неосторожно стукнул им, «профессор» вздрогнул и зло прошипел:

— Потихе вы, слякоть...

Фирсун опустил люк. За ним осторожно, не вынимая руки из кармана, пролез в квадратное отверстие и «профессор». Взглянув в щель боковой обшивки террасы, Фирсун прошептал обрадованно:

— Идёт! Вон, посмотрите, закрывает калитку.

— Назад, быстрее, — нетерпеливо бросил «профессор», подтолкнув его локтем. — Да не запинаясь, не шумите — растяпа!..

Пока они выбираются из потайного хода, расскажем читателю о том, что помешало «Туристу» прийти на дачу в воскресенье и почему он опоздал сегодня.

* *

*

Пробираясь в воскресенье берегом Самгуни к оврагу, из которого ведёт тропинка к даче Фирсун, «Турист» услышал голос и залёг в расщелине, скрытой кустарником. Из оврага вышли на берег реки двое мужчин с бамбуковыми удилищами и спиннингом. Они не спеша выбрали места, закинули удочки и стали выбирать место для запуска спиннинга. Обходя лежащие на берегу коряги, повалившиеся в воду деревья, они приблизились к тому месту, где залёг «Турист». Он затаил дыхание, боясь выдать себя неосторожным движением, прижался к самой земле, не сводя глаз с рыбаков.

Рыбаки забросили спиннинг один раз, другой. Перешли по берегу ещё ближе к «Туристу», закинули спиннинг ещё несколько раз, но выбирали его пустым. Присели на берегу, закурили.

— Рановато, должно быть, — сказал один. —

Попробуем на закате. Щука и судак к ночи бывают азартнее.

«Турист» лежал на накалившейся за день земле, обливаясь потом. Лежал и думал: «Если и останусь незамеченным, «профессор» устроит разнос». Он лежал, не шевелясь, размышляя о своём положении, а рыбаки рассказывали разные истории, смеялись, время от времени поглядывая в сторону заброшенных удочек. Наконец, зазвонил колокольчик у одного из удилищ. Оба бросились к нему. «Турист» осторожно приподнялся и ползком спустился к откосу. Пока рыбаки были увлечены подсечкой добычи, «Турист» вылез на берег и скрылся в густых зарослях ельника.

Полежав минуты две под лапами старой ели, он убедился, что к даче пробраться не удастся. Кругом голоса, звуки гитар, баянов, шлёпанье волейбольного мяча. Сгущались сумерки. Послышались близкие шаги и мужские голоса: «Вот здесь самое уютное место. Зажигай фонарик. Тут и потрапезничаем...» «Турист» отполз в сторону, затем, пригнувшись, пошёл в обход дачного посёлка. Встреча на даче не состоялась.

В понедельник «Турист» пришёл на это место раньше обычного. Притаился; укрывшись ветвями пихты и прислушиваясь к шорохам леса. Тишина, нарушаемая только перекликающимися бурундуками, окончательно успокоила его. Он вытер платком вспотевшее лицо, шею, руки, отряхнул испачканные сухой землёй брюки, локти пиджака и стал определять, где находится. Шёл уже восьмой час. «Опять опоздаю», — подумал он, взглянув на часы. Поднялся, осторожно раздвинул преграждавшие дорогу ветви и пошёл в направлении оврага. Ещё раз осмотрелся — вокруг ничего подозрительного. На высоком тополе у опушки леса сидела стая галок. На соседнем дереве была в разгаре воробьиная сходка. Это окончательно успокоило его.

Осторожно ступая по шуршащей хвое, он весь обратился в слух. Отыскав нужную ель, разрыв подстилку, открыл коробочку и нажал кнопку. Прошла минута, другая. Из калитки дачи никто не выходил. Он повторил сигнал. Прошло ещё две минуты, но калитка не

открывалась. Только тут он заметил примятую траву и рядом следы очага.

Осторожно ступая по линии скрытого под хвоей провода, он подошёл к месту пикника и быстро обнаружил повреждение.

— Так и знал, — сказал он облегчённо и наклонился, чтобы соединить повреждённый провод.

Соединив концы, поднялся и прямо перед собой увидел дуло пистолета. «Турист» повёл глазами направо, налево — с обеих сторон стволы пистолетов. И тут же он услышал резкий и властный голос:

— Руки вверх!

И в тот же миг его правую руку стиснули, словно железными клещами. Только тут мелькнула мысль, что можно было бы в два прыжка, одним рывком оказаться у оврага и, пользуясь сумерками, скрыться. Но было уже поздно. Оба его пистолета были в руках у чекиста, а руки крепко перехвачены за спиной. Да собственно, и догадавшись во-время, он не смог бы ускользнуть. В овраге на всякий случай была засада с овчарками.

Вересаев стоял в двух шагах, внимательно рассматривая задержанного, затем отчеканил по слогам:

— Будем знакомы, Пауль Митчелл... Раздевайтесь — быстро!..

«Турист» стиснул зубы, но не произнёс ни слова, а смотрел на чекиста, не мигая и не проявляя намерения раздеться. Он знал, что его сразу не расстреляют, будут допрашивать, но из головы не выходила тревожная мысль: «Чекист приказал раздеться, значит, намерен убрать без допроса.» Он стоял неподвижно, не отводя злобного взгляда. Вересаев помедлил минуту и приказал:

— Раздеть!.. Капитан, дайте ему плащ и оденьте его костюм. Быстрее...

Только тут «Турист» сообразил, в чём дело. «В моём костюме хотят проникнуть на дачу и...» — Додумать до конца не хватило времени. Пиджак уже был в руках капитана. Через пять минут «Турист» с накинутым на плечи плащом спускался под охраной автоматчиков к ложнине. Вересаев, перехвативший код сигнала

лизации, звонил на дачу. Минуты через полторы открылась калитка дачи. Оглядевшись по сторонам, старуха громко кашлянула в платок, не спеша положила его в карман и скрылась во дворе дачи. Вересаев кивнул капитану и сказал полушёпотом:

— Смелее... Больше уверенности.

Капитан, крадучись, перебежал к калитке, открыл её и шагнул во двор дачи. Как только за ним закрылась калитка, перед ней с обеих сторон, словно из-под земли, возникли автоматчики с овчарками. Вересаев посмотрел в щёлку забора. Капитан уже поднимался на террасу, затем смело вошёл в комнату. Вересаев и два автоматчика неслышной поступью устремились за ним...

Капитан распахнул дверь в комнату. Старушка, открывшая калитку, сидела у стола перед электрическим чайником. Окинув быстрым взглядом комнату, капитан кивком головы указал на массивную дверь, будто спрашивал: «Там?» Старуха отрицательно покачала головой, указав глазами на широкие створные двери с хромированными ручками. Толкнув ногой дверь, капитан оказался лицом к лицу с Эмилем Фирсуном. Хозяин дачи, заметив под костюмом голубой кант, затрясся и, заикаясь, залепетал:

— Я не виноват... Это всё они... Они...

В то же мгновение за его спиной раздался выстрел. Капитан инстинктивно отскочил и дал ответный выстрел в коридор, ведущий на кухню. Послышался глухой стук. Капитан и подоспевший Вересаев бросились на кухню. А Фирсун, морщась от боли и прижимая к груди простреленную руку, кричал им вслед:

— Это шпион... Он в ванной, там люк — ход на улицу.

Один из автоматчиков обыскал его и поставил в угол, лицом к стене.

В тот момент, когда на даче раздались выстрелы, владелец соседней дачи (сынишки которого обнаружили в лесу кнопку сигнала) сидел с женой на веранде за чаем. Услышав выстрелы, он выбежал в переулок. Не решаясь заходить во двор подозрительной дачи, он остановился и начал прислушиваться. Минуты через полто-

ры распахнулось окно голубятни, и из него прыгнул на землю человек. Сосед-дачник спрятался за деревом. Незнакомец, испуганно оглянувшись, побежал в сторону леса. Когда он поравнялся с деревом, сосед подставил ногу. Незнакомец со всего разбега упал на землю, выронив пистолет. Сосед прижал его к земле и стал звать на помощь.

Несколько минут они барахтались на земле. И вдруг дачник увидел, как над ним взметнулась рука с ножом, и потерял сознание. Незнакомец вскочил, но в этот момент из окна с грозным лаем выскочила овчарка. Он дважды выстрелил. Собака, увёртываясь от пули, бросилась на него. Он застрелил её в упор, почти у себя на груди, и бросился бежать.

Следом за овчаркой из окна голубятни выскочил Вересаев с автоматчиком. Но поздно: незнакомец уже скрылся за углом. С противоположной стороны дачи донёсся окрик: «Стой!» и выстрел. Вересаев бросился туда. Из-за угла, прямо на него, выскочил незнакомец. Вересаев выстрелил — пуля прошла навывлет чуть пониже лёгких. Преодолевая боль, незнакомец дважды выстрелил в Вересаева, но промахнулся, лишь прострелил пиджак да легко поцарапал левое плечо. Затем он медленно поднял пистолет к виску и выстрелил...

Когда Вересаев подскочил к нему, «профессор» был уже мёртв.

— Машины! — крикнул Вересаев.

Автоматчик дал в воздух условную очередь. В лощине вспыхнули фары. Услышав позади себя стон, Вересаев обернулся. Сосед-дачник, пошатываясь, вышел из-за угла. Автоматчик бросился к нему, подхватил и бережно опустил на заднее сидение подошедшей машины.

— В санотдел! Немедленно!..

Подошла вторая машина. В ней сидел «Турист» с завязанными за спиной руками, рядом с ним Фирсун. В ногах положили труп «профессора». Из ворот дачи вышел капитан с двумя лейтенантами и автоматчиками.

— Больше никого на даче нет. Дача оцеплена. Как быть со старухой?

— Дачу охранять. Придёт машина—отправьте старуху в отдел. — Он отвёл капитана в сторону и сказал что-то шёпотом. — Понятно?..

— Так точно, товарищ полковник.

— Мотоциклы сюда, — крикнул Вересаев.

Автоматчик посигналил красным светом. Переулок заполнился рокотом моторов. Два мотоцикла выскочили из темноты, развернулись. Вересаев сел в коляску первого. Следом двинулся «пикап» с арестованными.

Вдоль переулка легли яркие полосы фар. Прочертили темноту дачных палисадников и через минуту скрылись за поворотом.

— Всё, — сказал капитан стоявшему рядом лейтенанту, — идём к телефону.

Закрылась калитка. Стихли шаги во дворе. Вокруг стало тихо-тихо. И трудно было поверить, что всего полчаса назад здесь происходили такие важные и бурные события.

ГЛАВА XIX

МАНИКЮРША ЛАЛА

В фойе портовой гостиницы у барьера стоял гражданин в зелёной велюровой шляпе, манерно откинув полу бежевого макинтоша и опираясь ладонью правой руки о бедро. Дежурная оформляла его документы.

Немного спустя, оставив после себя тонкий аромат дорогих духов, незнакомец вышел на улицу. Зашёл сначала в одну парикмахерскую, потом в другую. За метив в женской парикмахерской склонившуюся у столика золотоволосую маникюршу, остановился, пристально вглядываясь в её красивый профиль. Выйдя в зал ожидания, он снял макинтош, сел в свободное кресло и достал портсигар. Медленно извлекая папиросу, посмотрел на лежавшую в портсигаре фотокарточку женщины, потом на видневшуюся между штор голову маникюрши и отметил про себя: «Она».

Рассчитываясь у кассы, он незаметно сунул кассирше записку, шепнув:

— Побыстрее передайте Лалочке.

Кассирша понимающе улыбнулась и утвердительно кивнула. Незнакомец вышел и направился к центру города. В парфюмерном магазине он купил сюрпризную коробку духов, в ювелирном — золотые серьги и направился к центральному скверу. Здесь зашёл в кафе, занял единственный свободный столик и подозвал официанта.

— Следите за моим столиком. Когда подойдёт дама, подадите коробку лучшего шоколада, черри-бренди, бананы, пирожные и по стакану какао. А пока холодную осетрину и бокал сухого вина.

Закусив и выкурив папиросу, незнакомец посмотрел на часы. «Какая красавица!» — слышался за его спиной приглушённый мужской голос...

Войдя в кафе, женщина осмотрелась и направилась к столу незнакомца. Он назвал пароль явки. Скользнув взглядом по сидящим за столиками парам, Лала медленно села, сказав тихо, без движения губ:

— Осторожнее. Здесь говорить не нужно.

Официант накрыл стол. Незнакомец и дама позавтракали. Перебрасываясь безобидными фразами, вышли в сквер.

— Где остановились? — тихо спросила дама.

— В двенадцатом номере «Приморской»!

— Напрасно. Там сейчас опасно.

— Что посоветуете?

— Перебраться ко мне. Через неделю муж уходит в плавание.

— А как же быть эту неделю?

— Надо подумать. Хорошо, если бы вам удалось познакомиться с мужем, войти в его компанию. Но в таком изящном костюме это невозможно. Их можно провести, но это надо сделать тонко.

— Что вы предлагаете?

— На время стать моряком. Да, а где же Пауль? Меня предупреждали, что выедет он.

— Пауль провалился. И провалился глупо. Арестовали...

Медленно прогуливаясь по дорожкам сквера, они наметили путь дальнейших действий, условились о мес-

те встречи. Приняв подарок, Лала вернулась в парикмахерскую, а незнакомец пошёл по комиссионным магазинам подбирать нужный матросский костюм и тельняшку.

Во второй половине дня человек среднего роста в потёртом бушлате остановился у ворот морского порта. Поставив на землю дорожный баульчик, он осмотрелся по сторонам, приглядываясь к выходящим из ворот рабочим дневной смены. Было видно, что он недавно приехал в город и ищет среди них знакомое лицо.

Устало опустившись на баульчик, он достал из кармана сигарету, помял её между пальцев, закурил, продолжая осматривать проходивших мимо него рабочих. Через некоторое время из ворот вышли трое. Один высокий, худощавый. Между распахнутыми полами его бушлата виднелась засаленная тельняшка. Второй — толстый, приземистый. Третий — среднего роста, атлетического сложения с мохнатыми бровями и угреватым лицом. Незнакомец торопливо поднялся и шагнул на встречу:

— Братишки, где тут контора дока?

Человек в тельняшке осмотрел его с головы до ног, переглянулся с угреватым и спросил фамильярно:

— Что, насчёт работёнки?

— Да. Приехал вот. Ещё никого не знаю. Без работы надоело дрейфовать. Решил здесь пришвартоваться. Говорят, в доке нужны рабочие.

— Из трюмных или палубная швабра? — спросил толстяк и, по-приятельски хлопнув незнакомца по спине, добавил: — Не сердись... Вижу, что наш.

— Да, по турбинной части. Знаю электрику, компрессорное хозяйство. На подводной служил, старшина первой статьи.

— Значит, все харчевые вытравил, сел на мель, — заметил угристый с усмешкой.

— Нет! С харчевыми полный порядок. Старики умерли — хатёнку продал, живность кое-какая была. В общем собрал прилично, мог бы ещё с годик дрейфовать, но руки по работе зачесались.

— Ну что ж. Хочешь войти в общество — ставь

смазку, — оживился толстяк и указал рукой на вывеску закусочной.

— Это можно. Я и сам не прочь пропустить адмиральскую. — Он подхватил свой баульчик и сделал широкий жест рукой: — Пошли, братва.

Часа через три, когда солнце опустилось на холмы за бухтой, компания вышла из чайной заметно навеселе. Толстяк еле выговаривал слова:

— Н-ночевать е-есть где?

— Сегодня есть. Снял угол у одной старушки.

— Н-ну р-раз так, то п-порядок, а то можно и ко мне.

— Нет, он пойдёт ко мне, — перебил толстяка угристый. — Зачем платить деньги, если у меня свободная комната, тем более, что через несколько дней я уйду в рейс.

Незнакомец задумался.

— А я вас не стесню?

— Нет, мы вдвоём с женой. Мешать не будешь.

— Тогда я лучше завтра переберусь.

Приятели разошлись, условившись встретиться завтра в этой же закусочной. Все пошли по домам, а незнакомец — в баню. Когда он после банных процедур выходил из номера, старушка-контролёр промолвила про себя:

— Вроде, заходил пожилым моряком, а вышел на десять лет моложе. — Она посмотрела вслед уходящему мужчине в облегающем фигуру дорогом бостоновом костюме и покачала головой. — Просто диву даёшься, как меняет человека одежда.

На второй день после работы худошавый моряк и толстяк, поджидая своего товарища перед выходом из дока, вспомнили вчерашнюю встречу.

— Кажется, неплохой парень, свойский, — заметил худошавый.

— Рубаха-парень, — согласился толстяк. — Видал, сколько вчера заплатил? От всей души, без всяких колебаний.

— Где ж это Ефим Середа? — нетерпеливо сказал худошавый, оглядываясь. — Что-то долго его нет...

— Пойдём по домам. Он может задержаться надолго. К рейсу готовится, сам знаешь.

Они уже собрались выходить, но, услышав голос Середы, остановились. Ефим подошёл, обтирая на ходу паклей руки.

— Вчерашний старшина поджидает у закусочной, я через ворота видел. Идёмте быстрее.

Миновав проходную, они осмотрелись: ни у ворот, ни у закусочной никого не было. Пройдя несколько шагов, слышали голос из окна закусочной:

— Эй, братишки, куда вы? Я жду давно. Разворачивайтесь, пришвартовывайтесь в знакомой гавани.

Друзья переглянулись, обменялись улыбками и повернули через улицу к закусочной.

В этот вечер старшина первой статьи переселился к Ефиму Середе.

Через несколько дней, накануне выхода в море, жена Ефима Середы, маникюрша Лала, взяла на работе выходной для проводов мужа в плавание. Поджидая ушедшего в город Ефима, Лала полулежала на кушетке, дымя папирсой и не спуская чуть прикрытых ресницами глаз со старшины, гримировавшегося перед зеркалом.

— Нет, очень грубо,— сказала она и, небрежно отбросив папирсу, взяла один из тонко отточенных карандашей.— Чтобы угринки были естественными, их нужно не на кожном покрове рисовать, а наносить в самые поры.— Растянув пальцами кожу, она вставила остриё карандаша в пору кожного покрова, легонько покрутила карандаш, переставила его в другую пору. Сделав несколько угринок, сказала: — Вот как нужно делать, посмотри.

Старшина поднёс к лицу зеркало, сравнивая её работу со своей.

— Да, ты, Лалочка, права. Моя работа слишком груба.

— Иди умойся. Я сама тебе сделаю перед уходом в порт.

— Знаешь, Лала, что мы не предусмотрели? Накануне выхода лайнера в море команду могут не отпустить на берег. И тогда всё пойдёт прахом.

— Что же ты предлагаешь?

— Вместо Ефима сегодня на ночную вахту должен пойти я.

Во дворе слышались тяжёлые шаги Середы. Старшина первой статьи быстро обмахнулся полотенцем и одел китель. С Середой он встретился в передней.

— Ты куда же? Хозяин в дом, а гость со двора?

Старшина оглянулся и шепнул:

— В гастронорм. Завтра день моего рождения. По случаю твоего отъезда вспрыснем авансом сегодня. Только жинке ни гу-гу. Я мигом обернусь.

Хозяин понимающе улыбнулся, хлопнул старшину по плечу и легонько вытолкнул за дверь.

К десяти часам вечера, за час до вступления на вахту, Ефим Середа спал мертвецким сном, а Лала, рассматривая на спящего мужа, наводила угринки на щеках старшины. Когда всё было готово, старшина достал пачку кредиток и передал маникюрше со словами:

— Постарайся, Лала, поддержать его в этом состоянии до возвращения лайнера. Завтра выпиши бюллетень, и он успокоится. Скажи, что я вынужден был пойти вместо него, чтобы выручить товарища... Ну, вот и всё. Денег вам хватит. Впрочем,— он достал из внутреннего кармана пачку сторублёвых кредиток и протянул маникюрше.— Это, Лалочка, за услуги.

В половине десятого, положив в карман паспорт и пропуск в док на имя Ефима Середы, «старшина первой статьи» вышел на улицу и затерялся в толпе.

ГЛАВА XX НА ЛАЙНЕРЕ

Антон Савельевич помог Зинаиде Петровне сойти по трапу на глассер. Опустившись на сидение, он почувствовал, как вздрогнул корпус. Плавнo развернувшись, глассер начал лавировать между стоявшими на якорях судами. Обогнув мол и миновав каменную стену волнореза, он вышел на простор морского рейда. Зинаида Петровна вскинула бинокль, рассматривая стоящий на рейде трёхпалубный белоснежный лайнер.

— Какой красавец! — сказала она восторженно. — Неужели это он?

— Он, он, Зиночка. Прочитай надпись.

Зинаида Петровна перевела бинокль в направлении носовой части судна и прочитала с расстановкой, выделяя каждый слог:

— «Профессор Кремлёв»... Тоня, когда подъедем поближе, сфотографируй. Вернёмся домой, увеличим и сделаем папе сюрприз — повесим в его кабинете, в хорошей раме. Это будет лучший подарок для него. Ты же знаешь, папа немножко честолюбив.

— Обязательно сфотографирую, только не сейчас, а у берегов Кавказа. Выбери фон поживописнее.

Глиссер пошёл вдоль борта и сбавил ход. Между первым и вторым рядом иллюминаторов распахнулись вовнутрь герметические створы дверей. Чрез их порог опустили металлическую лестницу-трап. По ступенькам на мостик трапа сбежало два матроса. Один помог подняться Зинаиде Петровне, а второй подхватил из рук Споряну чемодан. На внутренней палубе их встретил капитан третьего ранга:

— Первый помощник капитана лайнера, — bravo козырнул он, — каюта, товарищ майор, в первом классе, разрешите проводить?

Он кивнул державшему чемодан матросу. Зинаида Петровна и Споряну прошли на ступеньки лестницы-эскалатора. Помощник капитана перевёл пусковой рычаг. Ступеньки эскалатора бесшумно двинулись вверх. Поднявшись на палубу первого класса, помощник капитана пояснил:

— Все эскалаторы — их на лайнере пять: два трюмных, два палубных и один к бассейну для плавания — включаются поворотом рычага, а выключаются автоматически, как только сойдёт со ступеньки последний человек.

Он снова включил эскалатор, сбежал на несколько ступенек вниз и, приблизившись к площадке палубы, перепрыгнул через две ступеньки. Когда его ноги отделились от ступеньки, не успев ещё коснуться площадки, эскалатор остановился.

— Люкс номер два,— сказал помощник капитана матросу.

Зинаида Петровна была изумлена комфортабельной отделкой лайнера. Мягкая ковровая дорожка, рисунок которой напоминал посыпанную жёлтым песком аллею, зажимаемую с обеих сторон аккуратно подстриженными барьерчиками шелковистой лавровишни, могла бы быть украшением партера любого театра. Панели коридора, отделанные полированной карельской берёзой, двери кают красного дерева, окантованные хромированной сталью, ажурные плафоны, ромбовидные лучи восьмиконечных звёзд-абажуров, заливающих светом коридор,— всё это Зинаида Петровна видела впервые в жизни. Двухкомнатная каюта-люкс, с ванным отделением и душем, очаровала её окончательно. Ворсистый ковёр покрывал весь пол гостиницей. Изящная бархатная тахта, мягкие стулья с коврами на сиденьях, зеркальный шифоньер, никелированные кровати, белоснежные постели — всё радовало глаз, располагало к отдыху.

Закончив осмотр каюты, сняв дорожные плащи, Антон и Зина опустились в кресла, перебрасываясь шутками. Минуты через две зазвонил судовой телефон. Антон взял трубку:

— Слушаю... Да, майор Споряну... Сейчас, товарищ капитан, буду,— громче обычного ответил Споряну и поднялся с кресла.— Зиночка, оставайся пока. Меня приглашают в машинное отделение, просят присутствовать при запуске двигателей. Лайнер уходит в море. Я скоро вернусь...

— Иди, иди, Тоня. Может, обед заказать к твоему возвращению? Через сколько минут?

— Не нужно, Зиночка. Обед устраивает капитан в кают-компании, как только выйдем в море. Готовься к приёму у капитана,— подмигнул он и улыбнулся.

Оставшись одна, Зинаида Петровна раскрыла справочник лайнера. На первой странице она увидела цветное фото лайнера, а под ним красочную рекламу: «Работают круглосуточно ресторан первого и второго класса, водный бассейн. Дежурный буфет выполняет заказы с 8 утра до 1 часу ночи. На лайнере — кинотеатр,

библиотека, читальный и концертный залы, комната отдыха и игр, аптека, врачебный кабинет».

Донёсся прощальный гудок сирены. Зинаида Петровна открыла окно. Лайнер плавно разворачивался, беря курс в открытое море. Полюбовавшись удаляющимся берегом, она раскрыла чемодан и начала размещать в шифоньере свой дорожный гардероб. Через полчаса возвратился Антон, и они пошли в кают-компанию на первый банкет «морской вежливости».

Пока в кают-компании звенели бокалы, произносились тосты, лайнер вышел далеко в открытое море, сделал левый разворот и лёг на курс вдоль побережья. Бортовой журнал гласил: «В 22.00 легли курсом на Батуми. Двигатели переключены на форсированный режим».

Когда в кают-компании подняли прощальные бокалы, склянки пробили полночь. Антон Савельевич и Зинаида Петровна после банкета вышли на палубу подышать свежим воздухом. Впереди, слева по борту дрожало далёкое зарево. Зинаида Петрова заинтересовалась:

— Тоня, что там горит?

— По-моему, огни Сочи. Поравняемся, тогда узнаем по горе Ахун.

— А что эта за гора?

— Ну, это самая высокая точка в этом месте на Черноморском побережье. На гору проложена прекрасная, вьющаяся по склонам гор между садов и цветов, асфальтированная дорога. Вершина горы находится на высоте 663 метра над уровнем моря. На ней первоклассный ресторан. Не так давно построена в древнеримском стиле башня для обозрения морских далей и окрестных гор, высотой в 30,5 метра. Гора Ахун — излюбленное место экскурсантов и отдыхающих в санаториях курорта Сочи-Мацеста. Вот и всё.

— Интересно там побывать.

— Хорошо, Зиночка. Первый же отпуск — едем в Сочи.

Утром лайнер проходил внешним рейдом Сухуми. Южное солнце, ставшее над вершинами белоснежных шапок седого Кавказа, алмазной россыпью покрыло

спокойную морскую гладь. Любуясь дрожащими маре-
вами далей, Зинаида Петровна открыла окно. На глад-
кой поверхности спокойного морского простора то тут,
то там лениво переваливались белые туши и снова ис-
чезали в морской бездне.

— Тоня, смотри, смотри, что это?

— Это, Зиночка, дельфины играют.

— Даже лайнера не боятся. Как красиво! Вон
ещё. Ой, сколько их!

— Они встречаются здесь вдоль всего побережья.

Зинаида Петровна долго любовалась этим зрели-
щем, не в состоянии оторваться от окна. Солнце поды-
малось всё выше и выше, разгоняя утреннюю прохла-
ду. Становилось всё жарче. В репродукторе раздался
звонкий голос вахтенного начальника: «Внимание, то-
варищи! Закройте окна — включаем палубные фонта-
ны». Зинаида Петровна закрыла окно и инстинктивно
отстранилась. Вдоль палубы поднялся вихрь водяной
пыли, орошая стены кают, палубные надстройки, сол-
нечные тенты...

Антон и Зина почти весь день провели на палубе:
купались в бассейне, любовались морскими простора-
ми, синевой гор. Когда солнце коснулось своим краем
горизонта, лайнер отсалютовал берегу протяжным сиг-
налом электросирен и взял курс в открытое море. По
мере того, как он удалялся от берега, становилось всё
свежее, прохладнее. Вскоре корабль сделал поворот
ещё на несколько градусов и лёг курсом на Крым.
Начинался период основных испытаний: работа двига-
телей на максимальных режимах и определение ско-
ростей.

Антон и Зина прошли в носовую часть лайнера и
остановились, опираясь о перила. Морская гладь взды-
малась перед носом лайнера высокими бурунами и рас-
сыпалась, фосфоресцируя искрящимся каскадом ал-
мазных брызг. Вдруг Антон Савельевич сильно сжал
руку Зины.

— Что, Тоня?

— По-моему, кто-то сигналил с лайнера... А ведь
мы недалеко от морской границы с Турцией.

— Кто же может сигналить? На лайнере, сказал

капитан, кроме нас, нет ни одного пассажира. Тебе просто показалось.

— Нет, не показалось... Смотри, смотри, с моря тоже отвечают...

Они осторожно перешли поближе к корме на левый борт, от которого падали на чёрную гладь воды тонкие полоски красного света с методичностью сигналов азбуки Морзе. Антон Савельевич перегнулся через перила палубы и замер в изумлении. Один из иллюминаторов первого ряда открыт. Именно из него и падают световые сигналы в сторону турецкой границы.

Антон Савельевич приложил палец к губам и, шепнув Зинаиде Петровне: «Следи — может надумать выпрыгнуть через иллюминатор», неслышно скрылся. Через минуту рядом с Зинаидой Петровной бесшумно, как тени, появились два моряка с пистолетами в руках. И в то же мгновение сигналы повторились снова. Слух Зинаиды Петровны уловил слова «семнадцатый кубрик», и один из моряков исчез так же неслышно, как и появился. Зинаида Петровна дрожала всем телом, боясь двинуться с места.

Моряк молча осторожным движением руки отстранил её от перил, указав рукой на стоящий рядом диван. В это время вблизи лайнера показался силуэт военного катера. Моряк нагнулся к Зине и шепнул: «Наш, пограничник, сторожевик — не волнуйтесь». Со стороны турецкой границы на корпус лайнера легли два пересекающихся луча прожекторов. На палубе стало совершенно светло.

Сторожевой катер, развернувшись у самого лайнера, лёг на параллельный курс и дал сигнал: «Застопорить машины!» В это время вернулся Антон Савельевич.

— Ну что, Тоня? — схватила его за руку Зинаида Петровна.

— Меня не пустили в трюм. Сейчас всё выяснится. Пойдём на служебную палубу.

Спустившись по эскалатору на внутреннюю палубу, они застали там такую картину: к ним спиной стоял среднего роста русоволосый матрос из экипажа лайнера. С боков с направленными на него автомата-

ми стояли два пограничника. Майор в пограничной форме просматривал документы матроса. Рядом с майором стояли капитан лайнера, его первый помощник, четыре младших офицера. Поодаль на палубе перешёптывались матросы команды.

— Фамилия? — сухо спросил майор-пограничник.

— Середа,— неохотно ответил матрос.

— Год рождения?

— 1909.

Майор пристально посмотрел на матроса и сказал сквозь зубы:

— Не слишком ли молодо вы выглядите для этих лет?

Матрос промолчал, не поднимая глаз.

— Кто из экипажа хорошо знает матроса Середу, подойдите сюда.

— Я с ним живу в одном квартале,— сказал один из матросов, стоявших поодаль,— но это не он, не Ефим Середа.

Задержанный бросил короткий взгляд в сторону говорившего и отвернулся так, что профиль хорошо стал виден Зинаиде Петровне. Она сначала испуганно прижалась к мужу, не веря глазам своим, потом крикнула так, что все обернулись в её сторону:

— Это он! Шпион, я его знаю...

— Кто? — спросил Споряну настороженно.

— Тот самый негодяй, который был с Таберидзе и отвёз меня в подвал... Это он... Старк...

Минутной паузы было достаточно, чтобы шпион в мгновение ока схватил дула, направленные на него, и выбросил обе руки в сторону. Раздались короткие автоматные очереди — и майор упал. Споряну инстинктивно бросился вперёд, загораживая собой Зину, и в порыве бешенства схватил шпиона за шиворот. Ещё мгновение — и шпион уже был скручен и обезврежен.

Матросы отнесли раненого майора в судовой госпиталь, а шпиона спустили на катер для переправки в распоряжение береговых властей.

Раны, полученные пограничником, оказались не тяжёлыми. Одна пуля пробила мышцу правой руки. Две прошли под кожей в правом боку, слегка повре-

див ребро. Когда майора перевязывали, он, преодолевая боль, вызвал с катера офицера, трёх пограничников и сказал:

— Находиться на мостике лайнера. Вести в сопровождении патрульных катеров, по эстафете. Курс на Судакский маяк. Дальнейшие указания получите в пути.

Антон и Зина долго не могли уснуть, вспоминая детали происшествя. Посидели в каюте, выпили по стакану чая и снова поднялись на верхнюю палубу. Лайнер шёл на максимальной скорости курсом на синевшие вдали горы Крыма, оставляя широкий вспененный след. В трёх-четырёх кабельтовых, чуть позади, шёл эскорт пограничных катеров.

На востоке начинала заниматься утренняя заря.

ГЛАВА XXI

В ФИЛИАЛЕ АКАДЕМИИ НАУК

В конференц-зале филиала Академии наук в этот день было особенно оживлённо. Сухощавый, небольшого роста, подвижной старичок, профессор Хрусталёв — директор научно-исследовательского института специального топлива ЦНИИСТ-а, убеждённо доказывал:

— Нет, не согласен, уважаемые коллеги! Проблему нового вида топлива можно считать решённой. Опыты, проведённые инженерами Владимиром Петровичем Кремлёвым и Антоном Савельевичем Споряну убеждают нас в этом окончательно.

— Но ведь это только опыты, Сергей Сергеевич, — неуверенно возразил румяный старик с заросшим волосатым лицом — доктор химических наук Степан Модестович Левашов.

— Вы, Степан Модестович, говорите «опыты» и потому полагаете, что новое топливо ещё не вышло из пелёнок, находится, с вашей точки зрения, в стадии эксперимента. Нет, решительно не согласен с вами.

— И я осмелюсь высказать несколько иное мне-

ние, Степан Модестович,— учтиво заметил доктор технических наук директор Центральной лаборатории лёгких сплавов. — В Министерстве Морского флота восхищены ходовыми данными нового лайнера. А на этом лайнере установлены двигатели системы инженера Споряну, работающие именно на том топливе, о котором говорит Сергей Сергеич.

— Сомневаться, становиться на позиции скептиков у вас, Степан Модестович, нет решительно никаких оснований,— запальчиво продолжал Сергей Сергеич.— Представьте себе всю разнородность этих опытов. Самолёты-снаряды, стратосферные реактивные сигары, локомотив и, наконец, лайнер. Обратите внимание на такую характерную деталь: локомотив совершил рейс в 25 тысяч километров и возвратился в Самгунь, израсходовав только два баллона — всего 100 килограммов топлива. Разве не достаточно убедительны такие результаты производственных испытаний?!

— Ваши доводы весьма логичны, Сергей Сергеич. Но не забывайте старую русскую поговорку: «Семь раз отмерь, а один раз отрежь». Ведь никто ещё результаты этих испытаний не изучал, не обобщал. Ещё нет о них коллективного авторитетного мнения. Послушаем сегодня, как эти опыты оценят академики.

До начала заседания оставалось не более часа. Но разговоры учёных, их горячие споры о проблемах нового топлива расширяли круг собеседников всё больше и больше. Учёных-аграрников интересовали прежде всего проблемы искусственного дождевания. Энергетики проектировали теплоцентрали, кораблестроители мечтали о кругосветных плаваниях без захода в порты и т. д. Были в этих кулуарных спорах и сторонники нового топлива, и его противники. Но бесспорным стало одно: скептики были в меньшинстве.

Увлёкшись разговорами, никто не заметил, как открылась боковая дверь и в зале появились члены Президиума филиала Академии наук.

За столом рядом с председателем президиума заняли места учёный секретарь филиала, маститые академики. Когда утихло движение в зале, председатель поднялся:

— Товарищи! — раздался в репродукторах его голос.— Прежде чем открыть заседание, разрешите огласить один документ.

В конференц-зале наступила тишина.

— Группа академиков, руководство институтов «ЦАВИ» и «ЦНИИСТ-а» внесли предложение: «Учитывая выдающиеся заслуги в деле решения проблемы искусственного дождевания, имеющей большую будущность, а также в деле создания сверхэкономичного вида топлива, получившего название «Кратногаз-200», представить доктора химических наук академика Петра Кузьмича Кремлёва к присвоению почётного звания Героя Социалистического Труда».

Последние слова были заглушены аплодисментами. Когда рукоплескания утихли, председатель сказал:

— Разрешите считать ваши аплодисменты единодушным одобрением внесённого предложения.

Конференц-зал ответил новым взрывом аплодисментов.

— Расширенное заседание Президиума Филиала Академии Наук СССР объявляю открытым. На повестке дня один вопрос: доклад инженер-майора Антона Савельевича Споряну о проблемах микроклиматов и проведении искусственного дождевания.

Споряну поднялся на кафедру, подошёл к карте, обвёл указкой северо-западные районы Казахстана, Заволжья и бросил короткий взгляд на аудиторию:

— Наиболее характерным,— раздался его звонкий голос,— для управления погодой мне кажется район Заволжья с прилегающими к нему областями. Здесь, как известно, в самую критическую пору вегетации зерновых происходит усиленное перемещение горячего воздуха с востока на запад. Эти воздушные течения, получившие название суховеев, наносят огромный ущерб народному хозяйству: сжигают хлеба, луговые травы, иссушают почву — вызывают иногда в ряде областей Поволжья и Заволжья явления, ничем не отличающиеся от стихийных бедствий. О размерах наносимого суховеями ущерба можно судить по тому, что в районах Заволжья в годы суховеев урожаи зерновых падают до минимально малой цифры, трёх-двух центне-

ров. Местами хлеба и травы совершенно сгорают.

Он помолчал, собираясь с мыслями. Потом начал говорить о причинах, порождающих суховеи.

— Настало время,— уверенно говорил Споряну,— дать бой этим явлениям!.. Вы спросите: какими средствами? Каким способом? А вот каким: в зоне зарождения суховеев и на пути их перемещения сосредоточим несколько станций искусственного дождевания и вызовем обильные осадки. Воздушное течение переместит их, распределяя, оставляя на огромном пространстве своего пути. Если нам удастся на пути казахстанских суховеев дать в июне сорок-пятьдесят миллиметров осадков — это уже будет победа.

Прислушиваясь к словам докладчика, Вахрушев представлял себе перспективы этого управления погодой, намного забегая вперёд.

«Интересно,— думал он,— как повлияет искусственное дождевание на природу солончаков? Достаточно ли обильным будет оно, чтобы остановить их распространение, опреснить или понизить концентрацию солей в лиманах?..»

Теперь, в пору суховеев, лиманы испаряют вместе с водой мельчайшие частицы соли. В раскалённом воздухе соляные испарения превращаются в соляную пыль, которая оседает по пути движения суховеев на посевы и луга, ускоряя их гибель, высыхание. Уменьшение концентрации солей в лиманах и уничтожение солончаков позволят превратить огромные пустыри в луга и пастбища, в роскошные сады и виноградники...

— Я думаю,— подытожил Споряну,— есть прямая необходимость провести генеральную репетицию. Что я имею в виду?.. Первые испытания «СИД-1» прошли успешно. Есть прямой смысл оставить её в зоне Мёртвой пустыни на более продолжительное время. Это позволит нам приоткрыть завесу над многими явлениями природы, а главное, получить данные о влиянии искусственного дождевания на содержание влаги в наземных слоях атмосферы, установить границы её распространения и узнать ответную реакцию веками спавшей почвы пустыни. Я думаю, учёные поддержат нашу точку зрения...

Конференц-зал ответил на это аплодисментами. Профессор Хрусталёв, дотронувшись до руки соседа, многозначительно спросил:

— Что вы, Степан Модестович, теперь скажете?..

— Что я скажу? — нерешительно отозвался Левашов.— Судя по всему, у руководителей филиала уже сложилось определённое мнение. Доклад с перспективой, с большой перспективой...

— А о топливе что вы теперь думаете?..

— О топливе?.. Ну, знаете, после такой увертюры... Героя Социалистического труда и всё прочее... остаётся только поднять руку, чтобы не оказаться в одиночестве...

Профессор Хрусталёв неодобрительно посмотрел на Левашова, думая: «Типичный консерватор и к тому же завистник...»

А тем временем Споряну подошёл к кафедре, положил ладонь на страницы доклада, как бы придерживая их, обвёл взглядом аудиторию.

— А теперь позвольте вместе с вами немного помечтать...— снова зазвучал его спокойный, уверенный голос.— Метеорологическая служба страны за последние годы наблюдает изменение температур в ряде северных районов. Например, в районе «полюса холода» температура минус сорок-шестьдесят градусов, считавшаяся постоянной для периода ноябрь-февраль, почти не имеет места за последние пять лет...

Переживая, пока утихнет движение в зале, Споряну отошёл к географической карте.

— Прошу обратить внимание. Ещё в первых десятилетиях XX века южная граница максимальных холодов проходила по линии Киров, Свердловск, Омск, Минусинск, Чита, Хабаровск,— он провёл указкой по жирному красному пунктиру, соединяющему эти города на карте.— А за последние годы южная граница максимально низких температур не опускалась ниже линии Магадан, Якутск, устье Подкаменной Тунгуски, Ханты-Мансийск, Сыктывкар.

Он обводил указкой один за другим кружки городов, называя цифры среднегодовых температур. Учёные внимательно слушали, и у многих возникла мысль:

«Действительно, почему, скажем, в Свердловске, климат стал мало отличаться от климата Сталинграда, а в Тобольске — от Семипалатинска?»

Приведя десятки сравнений климата различных районов страны, Споряну обобщил:

— Естественно, возникает вопрос: чем объяснить эти климатические изменения?..

Он обвёл взглядом зал, как бы желая услышать ответ на этот вопрос.

— С тех пор как задымили доменные печи Магнитогорского металлургического комбината, в районе населённых пунктов этой линии наблюдается ежегодно смягчение климата в зимний период. Точно такие же явления замечаются в районе Кузбасса и ряда других промышленных центров... Предполагают, что над этими промышленными районами существуют так называемые купола тёплого воздуха, значительно отличающегося по температуре от воздушных пространств на тех же высотах в соседних районах стратосферы. Правда, воздушное течение их перемещает, относит, но источники тепла ведут свою работу непрерывно. Напрашивается вывод: коль скоро тёплые купола существуют, то нельзя ли увеличить их число, попытаться создать их искусственно?

Он обвёл вопросительным взглядом зал и заключил:

— В этом, вкратце, и состоит проблема, которую выдвигает наш коллектив. Если иметь в виду, что при взрыве 25-ти самолётов-снарядов термоядерная реакция краткогаза создаёт такое количество тепла, какого не выделяет в атмосферу Магнитогорский комбинат в течение года, то не трудно составить представление о том, какое действие могут произвести на холодные слои стратосферы взрывы, скажем, ста самолётов-снарядов.

Споряну закрыл папку, собираясь покинуть кафедру. Потом вдруг опять положил её, улыбнулся и сказал:

— Я хотел бы поделиться с вами ещё одной мыслью. Что такое самолёт-снаряд в более широком его назначении?.. Пётр Кузьмич Кремлёв видит в нём

прообраз космического корабля для покорения вселенной и, если хотите, прообраз ракеты — спутника Земли. Мне кажется, это очень верно. Пора заняться оборудованием на таком корабле астрономической обсерватории, оснащённой мощной радиолокационной установкой, и заслать её в пределы ионосферы...

Кстати о дальновидении. Теперь уже можно сказать, что практически вполне разрешимо создание на определённых высотах ретрансляционных станций телевидения. Предварительные расчёты показывают, что достаточно поднять над Землёй всего три-пять таких станций, и телепередачи Москвы можно будет видеть во всех городах и сёлах нашей страны — от Калининграда до Владивостока.

В зале началось оживление. Споряну не спеша сошёл с кафедры и опустился на свободное место в первом ряду. В конференц-зале нарастал разноголосый говор. Председательствующий, понимая возбуждение, овладевшее аудиторией, объявил десятиминутный перерыв, после которого начались прения.

После второго перерыва взял слово председатель Президиума филиала.

— Дорогие товарищи! — сказал он. — Президиум считает, что проблема управления климатом, выдвигаемая коллективом, руководимым академиком П. К. Кремлёвым, заслуживает особого внимания, как одна из важнейших народнохозяйственных перспективных проблем... Президиум решил образовать комиссию по проведению широких производственных испытаний в различных зонах...

Конференц-зал ответил ему аплодисментами.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

Дипломный проект

Глава	I. В кабинете профессора	5
"	II. Зрелость	12
"	III. Неожиданная догадка	16
"	IV. Содружество	19
"	V. „Брюнет-прима“	22
"	VI. Инженер Споряну	26
"	VII. Особое задание	29
"	VIII. Гнездо ночных птиц	34
"	IX. Аспирант лесного института	39
"	X. „Местная почта“	42
"	XI. Вариант „М“	45
"	XII. После Балаклары	50
"	XIII. В „Ущелье орлов“	59
"	XIV. Эшелон идёт в Самгунь	63
"	XV. На новом месте	66
"	XVI. Избушка на курьих ножках	70

Солнечная буря

Глава	I. Радостная встреча	75
"	II. Секрет инженера Споряну	79
"	III. Свадьба	85
"	IV. Первая искусственная туча	88
"	V. Под куполом „Моссельпрома“	92
"	VI. В подземной лаборатории	98
"	VII. В замке фрау фон Бретт	106
"	VIII. „Солнечная буря“	112
"	IX. „Колледж Экономик“	121
"	X. Первое задание	125
"	XI. В поисках истины	129
"	XII. Синяя папка	135

Люди большого риска

Глава	I. Внучка профессора	147
"	II. Говорит Каскад	151
"	III. Важный разговор	154
"	IV. „Турист“ в Самгуни	157
"	V. В пути	160
"	VI. В тени кипарисов	169
"	VII. На телефонной станции	178
"	VIII. Гроза над Самгунью	181

Цена 5 руб. 75 коп.